

СМЕНА

№ 2 ЯНВАРЬ 1979

**ПЯТИЛЕТКЕ—
ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ**

НЕ ЧИСЛОМ—УМЕНИЕМ!

Владимир ЛУЦКИЙ,
специальный корреспондент
«Смены».

В декабре минувшего года в Тюмени состоялось выездное заседание бюро Центрального Комитета ВЛКСМ. Руководствуясь указаниями Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, ЦК ВЛКСМ определил участие Ленинского комсомола в новом этапе освоения Западной Сибири, разработал комплексную программу дальнейшего усиления шефства над развитием этого важнейшего региона.

Все было обычно. Мы сели в самолет. Стюардесса попросила пристегнуть ремни. Самолет, набрав высоту, взял курс на Тюмень. Рейс был плановым, и все же он не был обычным. В салоне самолета расположились члены бюро ЦК ВЛКСМ, первые секретари ЦК комсомола союзных республик, крайкомов, обкомов комсомола. Стюардесса угощала лимонадом и сообщала: «За бортом самолета минус сорок, в Тюмени минус двадцать пять, а в Уренгое — сорок пять». Секретарь ЦК комсомола Туркмении Огульнабат Ишанкулиева плотнее запахнула шубку. Заговорили о теплой одежде. Посыпались шутки...

Не первый раз мне предстоит пересечь «тюменский меридиан». Но волнение товарищей передается и мне. Необычная командировка на необычное заседание — в Тюмени решено провести бюро ЦК ВЛКСМ.

С 1965 года освоение западносибирских нефтяных и газовых месторождений стало ударным делом всего Ленинского комсомола. Это шефство росло, развивалось, ширилось.

А ведь, кажется, совсем недавно близ северного поселка Березово из скважины забил фонтан природного газа. Мощный голос «джинна» был слышен в радиусе 10 километров. А чуть позже весь мир заговорил о Шауме. Здесь в 1960 году забил первый фонтан нефти. Земля сибирская открыла свои клады. Открыла благодаря прозорливости советских ученых, упорству геологов, трудовому героизму рабочего класса.

Восемнадцать лет прошло с тех пор. Западносибирская «целина», дав миллиард тонн нефти, отметила свое совершеннолетие. Мы стали свидетелями крупного события в экономике страны. Государство сконцентрировало здесь громадные материальные и научно-технические ресурсы, сюда приехали подлинно энтузиасты — коммунисты, комсомолцы, молодежь — люди, которые в неимоверно сложных условиях преодолели трудности, добились большого успеха.

Освоение региона развернулось под лозунгом «Брать не числом, а умением». Среди первых посланцев комсомола было немало первоклассных специалистов из нефтедобывающих районов страны: Татарии, Башкирии, Азербайджана, Сахалина, Куйбышевской и Пермской, Красноярской и Ставропольской краев... Всей стране известны смелые и оригинальные технические решения тюменских и томских геологов, добытчиков газа и нефти, строителей. Авторское право «разведки боем» принадлежит тюменским геологам. Они впервые применили взрыв для сейсмического поиска. Таким методом было открыто уникальное самотлорское месторождение. Буровики применили кустовой метод проходки, который позволил более чем в 5 раз увеличить производительность одной бригады; дорожки вместо пятислонной лежневки, каждый километр которой обходился в миллион рублей, положив в основу дороги искусственную мерзлоту, снизили ее стоимость почти вдвое; строители комсомольско-молодежного треста «Тюменьгазонтаж» первыми разработали метод сооружения промысловых объектов, о котором так тепло отзывался Леонид Ильич Брежнев в речи на XVIII съезде ВЛКСМ.

Вновь перечитываю эту замечательную речь. Говоря о Западной Сибири, точнее, о Тюмени, Леонид Ильич отметил: «Всего за 10 лет мы превратили этот таежный край в главную нефтяную базу страны. Сейчас там разворачивается мощная газовая и химическая индустрия... В ближайшие 10 лет основной прирост добычи нефти и газа и производимого из них ценного химического сырья рассчитываем получить за счет Тюмени. В связи с этим наступает, а вернее, уже наступил новый, более сложный этап развития Западной Сибири».

Леонид Ильич развернул целую программу участия Ленинского комсомола в решении этой важной государственной задачи. В те дни прямо из Кремля делегаты провожали Всесоюзный ударный отряд

имени XVIII съезда ВЛКСМ. Шеренги бойцов в зеленых куртках заполнили проходы. Рядом стоит девушка. Спрашиваю: «Куда?» «В Уренгой», — отвечает она. «Не страшно?» В ответ озорно блестят глаза... Сколько их, готовых подняться на большое дело!

Тюмени нужны люди. Много людей. И приток возрастает. Комсомольская путевка за десять лет привела сюда свыше 100 тысяч юношей и девушек. Каждый год здесь работает многотысячный студенческий отряд. За 14 лет только 160 тысяч украинских студентов получили здесь трудовую закалку.

Немало из них приехали к Сибири, к ее огромным делам. Вспомним строительство знаменитого города Светлого. Его закладывали молодые украинские энтузиасты. Здесь впервые в истории было создано крупное комсомольско-молодежное объединение — строительное управление, ставшее основой для создания трестов, которых в Тюменской области теперь уже 3, а управлений — 13. Семьдесят процентов покорителей томского севера — комсомолцы и молодежь.

Но это не означает, что все проблемы уже решены. Едут в Западную Сибирь люди... и выезжают. Многих не удерживают даже северный коэффициент, надбавки и высокие заработки. Дорого обходится государству такая текучесть кадров. Причин этого много. Но, пожалуй, об одной из них по-работному прямо сказал Владимир Глебов, буровой мастер из Нижневартовска, член бюро ЦК ВЛКСМ, член редколлегии нашего журнала: «Самым большим и пока не решенным вопросом является жилье и детсады». Управление буровых работ, в котором работает Владимир Глебов, в прошлом году не получило ни одного квадратного метра жилья. А ведь Министерству промышленного строительства СССР в 1978 году были выделены средства на строительство 196 тысяч квадратных метров жилья в городе Нижневартовске. Но работникам его удалось скорректировать это задание по-своему... до 136 тысяч квадратных метров. Однако и с этим заданием они не справились. «Главтюменпромстрой» уже много лет строит клуб на 800 мест, десятый год ведется строительство областной библиотеки. Срываю планы строительства профтехучилища. С начала пятилетки введено в эксплуатацию лишь 23 процента ученических мест.

Если главная причина текучести кадров в нехватке жилья, детсадов, объектов соцкультбыта, то почему же хозяйственники поддубают сук, на котором сидят? Прямо на этот вопрос мне никто не ответил. Был на промышленных объектах, которые сооружались высокими темпами, читал трудовые рапорты. На стройках жилых домов толковал с ребятами, у которых затянулся перекур из-за того, что технику перебросили на промышленный объект. Спрашивал и записывал. И вот к какому выводу пришел. Любый маневр техникой, людскими ресурсами, как правило, ведется в ущерб гражданскому строительству. Промышленный объект есть, жилья нет. Говоря языком военных, происходит отрыв войск от тылов. Для того, чтобы развивать успех, они срочно их подтягивают. Очевидно, то же самое должны совершить и хозяйственники.

Многие из них, не дожидаясь указаний «сверху», стремятся ликвидировать это отставание. Члены бюро были в Надыме. Здесь по ленинградскому проекту строятся хорошие дома. В Уренгое присутствовали при открытии первого магазина — и это тоже событие. Поздравляли молодежников. И выслушивали просьбы. Не хватает книг и спортивного инвентаря. На Север редко приезжают артисты... Словом, много вопросов к «большой земле». Люди хотят жить по-человечески, не быть оторванными от нее. Этим вопросам бюро ЦК ВЛКСМ уделяло большое внимание. Ведь задача стоит огромная: освоить и заселить территорию в один миллион квадратных километров.

На бюро ЦК ВЛКСМ часто обращались к опыту целины. Тогда в эшелонах добровольцев было немало семейных пар. Они прочно осели на новых землях. О первоцелинниках заботились разносторонне. Их десанты были снабжены и теплой одеждой, и книгами, и рабочим инструментом. И костяк новых совхозов формировался из специалистов...

Этот опыт особенно важен для Западной Сибири. «Стройкам нужны не просто рабочие руки», — подчеркнул Л. И. Брежнев, — надо направить туда определенное количество строителей, монтажников, буровиков, учителей, людей других специальностей — вот что нужно».

Участники выездного заседания бюро ЦК ВЛКСМ побывали во многих городах и поселках Тюменской и Томской областей. Встречались с молодыми производствен-

никами, хозяйственными и партийными работниками. Это были деловые встречи. Изучался опыт участия комсомольских организаций в развитии нефтяной и газовой промышленности. А он значителен. Шефство Ленинского комсомола поднялось на качественно новую ступень. От общественного призыва молодежи к формированию всеобщих ударных отрядов. От оказания эпизодической помощи ударным стройкам к заключению современных договоров, охватывающих сотрудничество между шефствующими организациями в производственной, научно-технической и культурной сферах.

Выездное заседание бюро приняло комплексную программу участия комсомольских организаций по дальнейшему усилению шефства над развитием нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири. Комплексная программа охватывает многие стороны: организацию общественного призыва, шефство над заказами, оказание практической помощи в улучшении условий труда и быта молодых строителей, усиление идейно-политической, культурно-массовой и спортивной работы, организационно-политическое укрепление комсомольских организаций. В заключительном слове первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов подчеркнул: «Главная задача состоит в том, чтобы на практике реализовать требование Центрального Комитета партии, высказанное на XVIII съезде ВЛКСМ, — сделать качественно новый шаг в развитии шефства над освоением Западной Сибири. Это дело должно стать родным и близким всех отрядов Ленинского комсомола».

В работе бюро ЦК ВЛКСМ приняли участие хозяйственные и партийные работники. Первый секретарь Тюменского обкома КПСС товарищ Г. П. Богомяков подчеркнул, что выездное заседание бюро ЦК ВЛКСМ, его решение являются значительным событием в жизни области, которое, без сомнения, окажет серьезное влияние на весь ход дальнейшей работы по формированию западносибирского производственного коллектива.

...Вновь мы на борту самолета. Три дня в Западной Сибири пролетели быстро. Они были насыщены. Каждый из участников сделал для себя рабочие выводы. Беру короткое интервью.

Александр Борцов, первый секретарь МКГ ВЛКСМ:

— Думаю, как лучше подключить к этому делу все комсомольские организации НИИ, а их в Москве 60, которые в той или иной степени работают над проблемами Сибири.

Анатолий Корниенко, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины:

— Одним из важных звеньев нашей программы должна быть активизация деятельности комсомольских организаций промышленных предприятий, выполняющих заказы для Тюмени. Надо продумать, как это эффективнее сделать.

Виктор Лияскин, командир Всесоюзного студенческого отряда:

— Предстоит заключить долгосрочные договора с теми учебными заведениями, которые могли бы оказать Западной Сибири максимальную помощь не только силами студенчества, но и научным потенциалом институтов. По примеру шефства Всесоюзного отряда над городом Гагарином Смоленской области мы могли бы организовать комплексное шефство и над Уренгоем.

Муслим-заде Джангир, первый секретарь ЦК комсомола Азербайджана:

— Более 70 процентов заказов на нефтяное оборудование для Западной Сибири выполняют промышленные предприятия нашей республики. Борьба за своевременные и качественные поставки является нашим кровным делом. В республике ширится соревнование комсомольских организаций под лозунгом «Заказы Тюмени — досрочно и с высоким качеством!»

Комплексная программа комсомольского шефства принята. Программа начинает работать.

СТРОКИ ИЗ РЕШЕНИЯ БЮРО ЦК ВЛКСМ

Одобрить и широко распространить инициативу комсомольских организаций Москвы, Ленинграда, Украинской, Белорусской и Азербайджанской республик, Свердловской, Горьковской, Челябинской, Ульяновской, Волгоградской и Омской областей, развернувших соревнование за своевременное и качественное выполнение заказов для новостроек Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса; комсомольской организации МВТУ имени Н. Э. Баумана по осуществлению научно-технических разработок для нефте-газопромысловиков Севера с внедрением их результатов в практику, созданию научно-технических советов по оказанию помощи предприятиям и учреждениям Тюменской области.

Взять под особый контроль проектирование и строительство объектов соцкультбыта, детских и дошкольных учреждений, вахтовых

поселков нефтяников, газовиков и геологов.

Продолжить работу по созданию комсомольско-молодежных управлений и служб, комплектованию их молодыми добровольцами, прибывающими по комсомольским путевкам, дальнейшему совершенствованию организации студенческих отрядов, направляемых на объекты нефтяной и газовой промышленности, в геологию.

Ввести в практику регулярное проведение на Всесоюзных ударных стройках фестивалей художественного творчества, комсомольской песни, оказать помощь в создании необходимых условий для занятий молодых тружеников в клубах, кружках художественной самодеятельности и спортивных секциях.

Для координации этой работы создать при ЦК ВЛКСМ Центральный штаб по шефству над развитием нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири.

В январе 1979 года народы нашей страны торжественно отмечают славную историческую дату — 325-летие воссоединения Украины с Россией.

Более трех веков минуло уже с той поры, когда, выражая стремления и надежды простого люда, Переяславская Рада, руководимая выдающимся государственным деятелем и полководцем Богданом Хмельницким, скрепила дружбу между двумя великими народами — богатырями — русским и украинским. «По всей Украине увесь народ с охотою тое учинил», и «немалая радость

межи народом стала», — с волнением читаем мы сегодня свидетельство летописца о том историческом договоре, избавившем украинский народ от иноземного порабощения.

Заря возрождения и новой жизни взошла над прекрасной землей Украины. И хотя много еще выпало на ее долю испытаний и бед, она их вынесла и преодолела, потому что все эти годы шла плечом к плечу, рука об руку с Россией.

Величественна летопись достижений и побед народов, населяющих нашу великую Родину. Невозможно перечислить даже самое значительное,

что пришло на нашу землю с победой Великого Октября, но в ряду этих побед есть одна, важность которой невозможно переоценить: революция позволила различным народам, в том числе и украинскому, осуществить свою великую мечту: объединиться вместе с русским народом в могущественный и великий союз Союз Советских Социалистических Республик. «Возникновение в нашей стране новой исторической общности — советского народа — это... наше великое достижение», — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума

Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. — Мы вправе рассматривать его как своего рода обобщенный итог тех экономических и социально-политических перемен, которые... свершились в нашей стране».

Нет сплыва тверже, чем единство советских людей. Сегодня русский и украинский народы вместе со всеми братскими народами, составляющими наше могучее интернациональное Советское государство, уверенно претворяют в жизнь грандиозные планы коммунистического строительства.

ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ 300-ЛЕТИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ В ГОРОДЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЕ-ХМЕЛЬНИЦКОМ.

Мы встретились в ЦК ВЛКСМ. Только что Анатолий Корниенко приехал в Москву из Киева, чтобы на другой день с группой комсомольских работников улететь на ударные комсомольские стройки Тюменской области, где работают молодые посланцы всех союзных республик страны, в том числе и Украины. Украинская молодежь на стройках России. В дни, когда страна готовилась к знаменательному юбилею в отечественной истории — 325-летию воссоединения Украины с Россией, — этот, сам по себе, может быть, и не столь значительный, повседневный факт в ряду многих тысяч других фактов как бы обретал символическое значение, показывая бесконечность животворных прочных связей, объединяющих жизнь двух братских народов, их историческую близость и многовековую дружбу.

Об этом и был наш разговор. — В эти юбилейные дни, Анатолий, хочется снова вспомнить наиболее яркие события в истории комсомола страны, потому что в них как в зеркале отражается и тесное единение трудящихся Украины и России и узы братства между молодыми поколениями двух народов. Эти события, как вели, отмечают их совместный путь.

— На организационном съезде в июне 1919 года в резолюции «О взаимоотношениях с РКСМ» прямо ска-

Анатолий КОРНИЕНКО, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины.

БРАТСТВО

«...При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи...»

В. И. Ленин

МОЛОДОСТЬ УКРАИНЫ ЖИВЕТ ПО ЗАКОНАМ ДРУЖБЫ, ТРУДА, ТВОРЧЕСТВА.

НАША ОБЛОЖКА:
МОЛОДЫЕ ИНЖЕНЕРЫ
СРЕДНЕВОЛЖСКОГО
СТАНКОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЗАВОДА
ЛИДИЯ ВЕЙС
И ПАВЕЛ РУБЦОВ.

Фото
Виктора
КОРНЮШИНА.

1 325-ЛЕТИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ.
Первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины
Анатолий КОРНИЕНКО. «БРАТСТВО».

4 Генрих ГУРКОВ. «КРЕЩАТИК НА БАМЕ».
«ОТЗВУК ИСТОРИИ В КИПУЧЕСТИ БУДЕН».
Стихи украинских поэтов.

6-11 ТОВАРИЩ ПОДРОСТОК.
Сергей ФОМИН. «ПОТЯСЕНИЕ».
Рассказ Бориса ВАСИЛЕВСКОГО «ПУТЕШЕ-
СТВИЕ».
«АНДРЕЙ, ЛЕНА, БОРИС И ДРУГИЕ...».
Фоторепортаж Валерия ПЛЕШАКОВА и Сергея
ВЕТРОВА.

13 ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».

14 Стихи Олега ШЕСТИНСКОГО.

15 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ».
Владимир ФРАНЮК. «ГИДРОШАХТА».

18 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Валентина ИВАНОВА. «ПРОДОЛЖЕНИЕ «НАЧАЛА».

20 ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

22 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Петер АДАМС. «ЗАГАДКА ЗАМКА КАРЕНТИН».

24 СИЛУЭТЫ. Виктор СТАРИКОВ. «МАМИН-СИБИРЯК».

27 Стихи Адама ШОГЕНЦУКОВА.

28 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Юрии ВЕДЕРНИКОВ и Альберт ЛЕХМУС.
«АТАКА НА ОГОНЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

зано: Коммунистический Союз украинской рабочей молодежи является частью РКСМ.

— И за словами резолюции сразу видишь этапы большого совместного пути, каждый из которых отмечен боями-символами, делами-символами, понятными каждому с одного слова, ибо эти слова вобрала целую эпоху. Каховка и Волочаевская сопка—это гражданская война. Днепрогэс и Магнитка—первенцы нашей социалистической индустрии. «Молодая гвардия» и Сталинград—Великая Отечественная война... Все это события из жизни Украины и России, страницы из истории Страны Советов.

— И тем дороже нам эти страницы, что они полны кровью и потом наших отцов и дедов, которые в пору своей юности шли на борьбу за счастье всех братских народов нашей великой державы.

Готовясь к нынешнему юбилею, я еще раз перечитал подшивки старых газет, журналов, документы, которым уже по многу десятков лет. Как убедителен и красноречив язык фактов, о которых они сообщают!

Во время белопольской интервенции на помощь своим украинским братьям спешила молодежь со всех концов России. В мае 1920 года газета «Известия» ВУЦИК писала: «Страстным желанием поехать на фронт горит молодежь. Помещение Московского Комитета Всероссийского Коммунистического Союза Молодежи превратилось в своеобразный боевой лагерь, заполненный исключительно рабочей молодежью. Все они рвутся в бой... Московский Комитет решил послать на фронт в первую очередь не более как 70 ответственных товарищей. Но лишь один Сокольницкий райком РКСМ вместо предложенных 7 лиц представил список на 270 человек».

Со своей стороны, и украинский народ, молодежь республики помогали русскому рабочему классу в его героической борьбе за дело Великого Октября. Юноши и девушки Украины сражались на фронтах гражданской войны, отражая врагов на подступах к жизненно важным центрам Советской России. Трудящиеся Украины оказывали продовольственную и другую помощь русским городам, русским рабочим.

По инициативе ЦК КСМУ 24 июля 1921 года был проведен Всеукраинский железнодорожный субботник. В 1921 году молодежь Александро-Грушевского района в Донбассе только за один субботник добыла и отправила 52 тысячи пудов угля для детских учреждений Москвы.

А когда страна приступила к созданию социалистической индустрии, многовековая дружба русского, украинского и других советских народов явилась одной из движущих сил созидания нового.

В короткий срок в нашей стране была построена современная промышленность, важнейшие ее отрасли были созданы на Украине. И бесценной жемчужиной в этом созвездии гигантов стала Днепровская ГЭС. Ударной силой на ее строительстве стали первые 32 комсомольско-молодежные бригады, в которых бок о бок трудились русские и украинцы, парни и девушки других национальностей.

Вся страна помогала днепростроителям. Из РСФСР шел цемент и строительные материалы, из Белоруссии—лес, из Армении—розовый камень. Азербайджан обеспечивал нефтью, Донбасс—углем, Приднепровье—металлом. Московский завод

«Динамо» посылал электрооборудование, ленинградская «Электросила»—генераторы. Ленинградские комсомольцы создали контрольные посты, которые следили за выполнением заказов для Днепростроя, провели слет молодых ударников.

А когда пришел радостный час и в праздничный майский вечер 1932 года первый генератор дал промышленный ток, осветив электрическими огнями величественную панораму невиданной по масштабам новостройки,—это стало совместной победой. Высоко оценивая самоотверженный труд комсомольцев, Президиум ЦИК СССР 17 сентября 1932 года наградил девяти-тысячную комсомольскую организацию Днепростроя орденом Ленина.

— А самой серьезной проверкой силы и жизнестойкости социалистического строя и нашего многонационального государства, прочности союза, братских связей русского, украинского и всех народов нашей страны стала Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских захватчиков.

— Да, военные годы дали немало ярких примеров, где проявлялась дружба народов СССР. Много подвигов совершено советскими воинами на земле Украины. Только в битве за Днепр около 2500 солдат и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза, в их числе свыше тысячи комсомольцев. В сентябре 1943 года первыми форсировали Днепр мужественные сыновья великого русского народа—комсомольцы Николай Петухов, Иван Семенов, Василий Сысолятин, Василий Иванов. Выбравшись на опушку леса на правом берегу, четыре советских автоматчика открыли стрельбу по фашистам. Весь вражеский огонь они вызвали на себя и этим обеспечили переправу других бойцов. В решающей атаке Николай Петухов погиб, но память о нем вечно будет жить в наших сердцах.

В ночь с 5 на 6 ноября в Киеве, матери городов русских, над зданием ЦК КП(б)У было поднято красное знамя победы. Его подняли молодые представители двух братских народов—Николай Дехтеренко, Александр Пиксаков, Евгений Пресников, Николай Кирюхин, Степан Поздников.

Подвиг мужественных представителей всех братских народов навсегда останется в памяти украинцев. В письме русскому народу, принятом на митинге трудящихся освобожденного Киева в ноябре 1943 года, было сказано: «Всенародно утверждаем: свобода и счастье Украины—в непоколебимом союзе с русским народом и всеми советскими народами-братьями. Всенародно клянемся укреплять этот священный и благотворный союз и клятву свою завещаем нашим детям, нашим потомкам во веки веков».

И сразу после освобождения Киева, в том же 1943 году, 740 строителей из далекой Сибири добровольно приехали отстраивать столицу братской Украины.

Многие из них навсегда связали свою судьбу с Киевом, городом, в котором стоят дома, построенные их руками.

В период восстановления разрушенного войной хозяйства животворная дружба народов чувствовалась на каждом шагу.

С восторгом встретила ленинградская молодежь заказ правительства: изготовить турбины для Днепрогэса. Комсомольцы-кировцы, отправляя первый агрегат в Запорожье, заявили: «Мы с радостью отдаем свои силы почетному делу возрождения Днепрогэса. Поможем братьям-украинцам

быстрее поднять из развалин это большое сооружение, чтобы вновь, как до войны, засияли электрическими огнями заводы и фабрики, города и села близкой и родной нам Советской Украины».

Когда во Львове было решено построить мощный электроламповый завод, львовяне написали об этом москвичам. И ответ пришел незамедлительно: во Львов из Москвы прибыло досрочно и высококачественно изготовленное оборудование, приехали опытные мастера, монтажники. А когда завод был сдан в эксплуатацию и возникли трудности с кадрами, в Москве были созданы специальные курсы для львовских рабочих.

И такие примеры, ставшие сегодня уже нашей историей, можно было бы продолжать бесконечно, как можно бесконечно вести рассказ о продолжении нынешней молодежью дел предшествующих поколений и бережном сохранении исторически сложившихся традиционных уз между русским и украинским народами.

Давняя дружба связывает соседние районы наших республик — Матвеево-Курганский Ростовской области и Амвросиевский Донецкой области, — труженники которых осуществляют комплексную программу трудового и культурного сотрудничества.

Согласно договорам о социалистическом соревновании, комсомольско-молодежные коллективы хозяйств оказывают друг другу помощь во время посевной кампании, в горячую пору жатвы. Недавно молодежь двух районов-побратимов организовала агитпробег к Матвееву Кургану. Здесь, на древней земле России, в борьбе с фашистскими оккупантами отдал свою жизнь украинский парень из Амвросиевки лейтенант Владимир Есауленко, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Участники агитпробега рассказали труженникам села о вековой дружбе двух великих народов, осященной кровью их лучших сынов и дочерей, о сегодняшних достижениях молодежи двух районов. Были прочитаны лекции о вековой дружбе, а участники художественной самодеятельности посвятили знаменательной дате тематические концерты.

Комитеты комсомола республики повсеместно провели молодежные общественно-политические и героико-патриотические чтения по книге товарища Л. И. Брежнева «Целина», в которой ярко и убедительно отражена трудовой героизм молодежи России и Украины в освоении целинных и залежных земель Казахстана.

— *Сегодняшний день, нынешние дела молодежи завтра станут той же историей. Пройдет время, и по ним новое молодое поколение будет узнавать, как жила и чем жила молодежь семидесятых. Ей наверняка будет интересно узнать, как в наши дни молодежь крепила дружбу двух братских народов.*

Трудовое, творческое, культурное, научное сотрудничество комсомольцев и молодежи Украины и России столь глубоко, многогранно, разнообразно, что трудно выбрать что-то самое-самое главное. Ибо в этом деле все главное. Тут нет мелочей. Близость языков, национальных характеров и обычаев, исторических традиций двух народов, извечное взаимопонимание культур, русской и украинской, столь естественно и органично, что невозможно выявить границы, которые отделяют одну от другой. Это две могучие ветви одного дерева.

На любом заводе, руднике, на любой фабрике или шахте нашей республики

русский рабочий трудится рядом с украинцем, а руководят производством русские и украинские инженеры, техники. И это вполне естественно, как вполне естественна общность людей, которая зовется СОВЕТСКИЙ НАРОД. Трудовое и творческое сотрудничество представителей двух наций всегда оказывалось плодотворным. Вспомним стахановское движение. Зачинателем его был донецкий шахтер Алексей Стаханов, уроженец Орловской области. А наиболее ярким продолжателем его почина стал в Донбассе Никита Изотов, тоже из орловских крестьян.

В конце ноября вся страна отметила шестидесятилетие президента Академии наук Украины Бориса Евгеньевича Патона. Во всем мире знают и этого ученого и возглавляемый им институт электросварки, который носит имя его отца. Но я хотел бы сейчас напомнить об одном маленьком, но, на мой взгляд, весьма показательном факте из биографии юбиляра. В средней школе его преподавателем был Анатолий Петрович Александров, ныне трижды Герой Социалистического Труда, президент Академии наук СССР. Русский ученый, родившийся на Украине.

Таковыми фактами — а их в нашей совместной истории немало — могут гордиться и Россия и Украина. А задача молодого поколения — приумножать их.

Вот и сейчас, в юбилейные дни, комитеты комсомола республики всю организаторскую и массово-политическую работу по подготовке и празднованию 325-летия воссоединения Украины с Россией направляют на дальнейшее укрепление дружбы, единства народов нашей страны, всестороннее улучшение патриотического и интернационального воспитания юношей и девушек.

В большинстве областных, городских и районных комсомольских организаций проходят недели и дни Российской Федерации, дружбы русского и украинского народов, идет обмен делегациями комсомольцев и молодежи областей и районов, между которыми давно установились дружеские связи, организуются тематические вечера и встречи с ведущими учеными, писателями. В областях республики проводятся кинофестивали, писательские конференции, декады литературы братских республик. Но все эти мероприятия, посвященные юбилею, трюлько празднично завершают наши гигантские по масштабам повседневные дела, которые мы, естественно, будем продолжать и в будущем.

Комсомольско-молодежные коллективы, молодые труженники 22 областей, 218 городов и районов, 874 промышленных предприятий, 407 колхозов и совхозов нашей республики заключили договоры о социалистическом соревновании с молодыми производственниками многих областей и автономных республик Российской Федерации. Уже долгие годы трудовое сотрудничество связывает юношей и девушек Ворошиловградского тепловозостроительного производственного объединения имени Октябрьской революции и Коломенского завода имени Куйбышева, комсомольско-молодежные коллективы шахт Донецкой и Кемеровской областей, колхозов и совхозов Киевской и Московской областей, молодых металлургов «Днепроспецстали» и подмосковной «Электростали», станкостроителей Киевского завода станков-автоматов имени Горького и московского завода «Красный пролетарий», машиностроителей Днепродзержинска и Нижнего Тагила, текстильщиков Ровно и Костромы.

Ударным делом комсомола Украины стало шефство над сооружением

важнейших народнохозяйственных объектов, расположенных на территории Российской Федерации. География этого шефства: от Байкало-Амурской магистрали и порта «Восточный» в бухте Врангеля до завода «Атоммаш» на берегу Цимлянского моря. Тут и обустройство Сургутского нефтяного месторождения и формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, реконструкция Таганрогского комбайнового завода и многие другие стройки.

С начала десятой пятилетки более 12,5 тысячи юношей и девушек республики пополнили коллективы ударных строев России. Каждый третий из них трудится на объектах Западной Сибири.

Продолжая славные традиции ударного шефства над освоением целинных земель, комитеты комсомола Украины выработали определенную систему работы по участию комсомольских организаций в развитии сельского хозяйства Нечерноземья. Донецкий, Днепродзержинский, Запорожский, Киевский, Львовский, Николаевский обкомы ЛКСМУ разработали и осуществляют планы сотрудничества с Калужским, Свердловским, Орловским, Брянским, Вологодским, Ярославским обкомками ВЛКСМ, которые предусматривают: направление по комсомольским путевкам юношей и девушек, студенческих строительных отрядов на сооружение важнейших сельскохозяйственных объектов, шефство над своевременным изготовлением заказов для областей Нечерноземья, заключение договоров о социалистическом соревновании между комсомольскими организациями, комсомольско-молодежными коллективами, проведение совместных школ передового опыта, совместных культурно-массовых и спортивных мероприятий. Вот уже четырнадцать лет в обустройстве нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири активное участие принимают студенческие строительные отряды Украины. За это время школу трудового воспитания прошли в Тюменской области 160 тысяч посланцев учебных заведений республики. Они освоили более 700 миллионов рублей капиталовложений.

Наши студенты участвовали в обустройстве Шаимского, Уренгойского, Самотлорского месторождений, строительстве газопровода Надеж — Центр, ЛЭП-500, железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут, Сургут — Уренгой и множества других объектов жилищного, культурно-бытового и производственного назначения.

Выполняя задачи по развитию нефтяных и газовых районов Западной Сибири, поставленные перед комсомолом в приветствии ЦК КПСС и речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева на XVIII съезде ВЛКСМ в 1978 году, комитетами комсомола республики подготовлено и направлено на важнейшие стройки Тюмени более десяти тысяч посланцев учебных заведений.

А на ударных комсомольских стройках Украины, например, на Чернобыльской АЭС, монтируется оборудование, поставленное с машиностроительных предприятий России. Из ставропольского природного газа в Донбассе вырабатывают удобрения и многие виды химической продукции. На горячем, добытом в Поволжье, Предуралье, Западной Сибири, работают трактора, комбайны, автомашины украинских колхозов и совхозов. И «Атоммаш», в строительстве которого принимали участие посланцы украинского комсомола, со временем начнет

поставлять агрегаты для украинских атомных электростанций.

С каждым годом крепнут и развиваются традиционные связи молодых ученых двух братских республик. Пять лет назад по инициативе комсомольской организации Киевского института автоматики был заключен многосторонний договор о научно-техническом сотрудничестве между 17 комсомольскими организациями исполнителями, участвующими в создании автоматизированной системы управления технологическими процессами бломинга «1500» и универсального балочного стана Нижне-Тагильского металлургического комбината — Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Договор подписали комсомольские организации Москвы, Свердловска, Нижнего Тагила, Харькова, Львова, Северодонецка, Житомира. Инициатива комитета комсомола института автоматики одобрена ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ Украины. Работа в рамках такого многостороннего договора позволила оперативно решить ряд важных задач, среди которых поставка крупногабаритных деталей и вычислительной техники Уральскому заводу тяжелого машиностроения.

Интересный опыт сотрудничества с комсомольскими организациями и советами молодых ученых и специалистов Москвы, Воронежа, Саратова накоплен комсомольской организацией киевского научно-производственного объединения «Маяк». Успешно развивается сотрудничество комсомольских организаций института электросварки имени Е. О. Патона, Академии наук УССР, ОКБ Геофизприбор с молодыми учеными различных городов РСФСР. Силами комсомольско-молодежных коллективов Киевского института автоматики к 60-летию ВЛКСМ на предприятиях Российской Федерации и Украины внедрено 15 сверхплановых разработок с экономическим эффектом более миллиона рублей.

Часто в комиссии по премиям Ленинского комсомола и республиканской комсомольской премии имени Н. Островского постуапуют работы, в авторский коллектив которых входят молодые ученые двух братских союзных республик.

И очень показательно, что лауреатами нашей республиканской комсомольской премии в этом году стали москвичи — научный сотрудник Физического института имени Лебедева АН СССР В. А. Исаков и инженер Н. В. Фералонтов.

Духовному сближению украинской культуры с культурой великого русского народа, интернациональному воспитанию молодежи способствуют декады, недели, дни литературы и искусства РСФСР, фестивали «Киевская весна», «Золотая осень», «Крымские зори», «Донецкие самоцветы», «Слава труду», выливающиеся в яркие праздники дружбы, торжества ленинской национальной политики.

И в то же время для творческой молодежи Украины нет большей чести, чем выступление перед взыскательным зрителем Москвы, Ленинграда, Ростова, Ярославля, многих других городов Российской Федерации, где высоко ценят и любят украинское искусство.

Сегодня у нас общий праздник. И, отмечая замечательную дату в истории русского и украинского народов, комсомольцы семидесятых может с гордостью сказать, что есть и ее доля труда и заслуг в укреплении великого братства.

Беседу записал
Леонид ПЛЕШАКОВ.

Отзвук истории в

Роман ЛУБКОВСКИЙ

Приходят в пустыни моря,
Братаются горы и реки.
Сияет единства заря
Над нашей страной—навек!

В лучах ее—Волга и Днепр,
Могучий Урал и Карпаты,
И в каждом стремительном дне
Сиянье ее многократней.

Открытостью хат и сердец
Мы русского брата встречаем.
Священного братства венец
Отчизны чело возвышает.

Великих народов сыны
Ряды нерушимо сплотили,
И, ленинской душой сильны,
В дорогу идут побратимы.

Павло МОВЧАН

Памяти Василия Шукшина

Рожденное землей—вернется в землю,
но крепнет дух в надежде вековой:
бессмертье все живущее объемлет,
и в слове ты останешься живой.

Нам так легко
в любое время суток
тебя
в траве ли, в небе
ощутить,
и в каждой нашей прожитой минуте—
твоими крыльями
возвышенно парить.

Едины мы. Землею и водою,
и колосом, и яблоком в саду,
едины мы
разлукою с тобою,
нам выпавшей внезапно на роду.

Полны мы этим солнцем и ветрами,
обделены мы—нет тебя у нас,
но будешь ты, как память боли, с нами,
равняющая всех
во всякий час.

Траву на долготелье в узелки
связал надежно,
цветник шафрановым подрисовал роскошно
и выкружил кувшин я на гончарном круге,
еще и луч пустил по рукотворной груше;
веселый лучик мой по венчику скользит—
пей солнечный настой, чтоб жажду утолить.
А кто там повязал узлами за ночь вербы,
по стежке воск разлил от двери до лужка,
где молочай цветет, на безмятежность щедрый;
кто вычеканил солнце по всем живым цветкам?

Наследие зимы—звонит в коре морщина,
сияют перья птиц, полетами маня,
меж пальцев—голубень,
как раздвижная ширма...
— Зачем тебе?..
— Мой друг, не спрашивай меня..
Сейчас вот полечу вослед за облаками
и натрясу дождей, чтоб зимний смыли след,
и, словно в янтаре, увековечу в капле
я этот юный мир
на миллионы лет.

КРЕЩАТИК НА БАМЕ

Генрих ГУРКОВ,
специальный
корреспондент «Смены».

«Объявляется посадка в самолет,
следующий рейсом...»

Вот уже сколько раз бесстрастный
голос из репродукторов срывает с места
одних, то других пассажиров, утом-
ленных многочасовым ожиданием. Что-
то там несуразное творится, в большом
мире за пределами иркутского аэропор-
та. Где пурга, где туман. Здесь, в Иркут-
ске, погода ясная. Просто мороз. Обыч-
ный, ординарный—минус сорок два. Я
пробежал от машины до обледеневшей
стеклянной двери аэропорта—много
ли времени?—но уже отчетливо ощу-
тил, что нос начал жить какой-то са-

мостоятельной жизнью. Оттирать при-
шлось...

Напротив сидит парень в мохнатой
лисийей шапке и фундаментальных ун-
тах, ест мороженое в вафельном ста-
канчике. Поблескивает магнитофон
«Сони» у его ног. Высоцкий сетует:
«Открыты Лондон, Дели, Магадан,
открыт Париж, но мне туда не надо...»

Надо в Казачинск. Как выяснилось, не
только мне, но и парню с мороженым и
Высоцким. Вместе поднялись, когда в
радиоприглашении наконец-то прозвучало
название воздушных ворот Западно-
го участка БАМа.

В тесном «предбаннике» перед выхо-
дом на перрон парень обнаружил при-
ятеля и на роскошной украинской мове
принялся громкогласно повествовать,
чем занимался в отпуске на Полтавщине.
И расспрашивать про Сашку, Колку,
Сурена, Тоню и еще кого-то.

Так уж получилось, что путь у нас
оказался общий. Сначала до Казачин-
ска. Час сорок в воздухе—Европу из
любого конца в конце перелетишь. А
здесь просто до райцентра добрались.
Казачинск—многие ли слышали о та-
ком? Она большая, Родина...

Ну, а потом вместе добирались вахто-
вым «Уралом» до Улькана. 209-й кило-
метр БАМа. В крытом кузове с надписью
вдоль борта «ЛЮДИ» почти все попут-
чики парню оказались знакомыми. И
реплики, которые доносились до меня,
уже не имели отношения к делам отпу-
ским. (Как-то одного крупного физика
спросили о его хобби. Он ответил: «Фи-
зика». Спросите бамовцев об их хобби...)

Парень, с которым я провел вместе

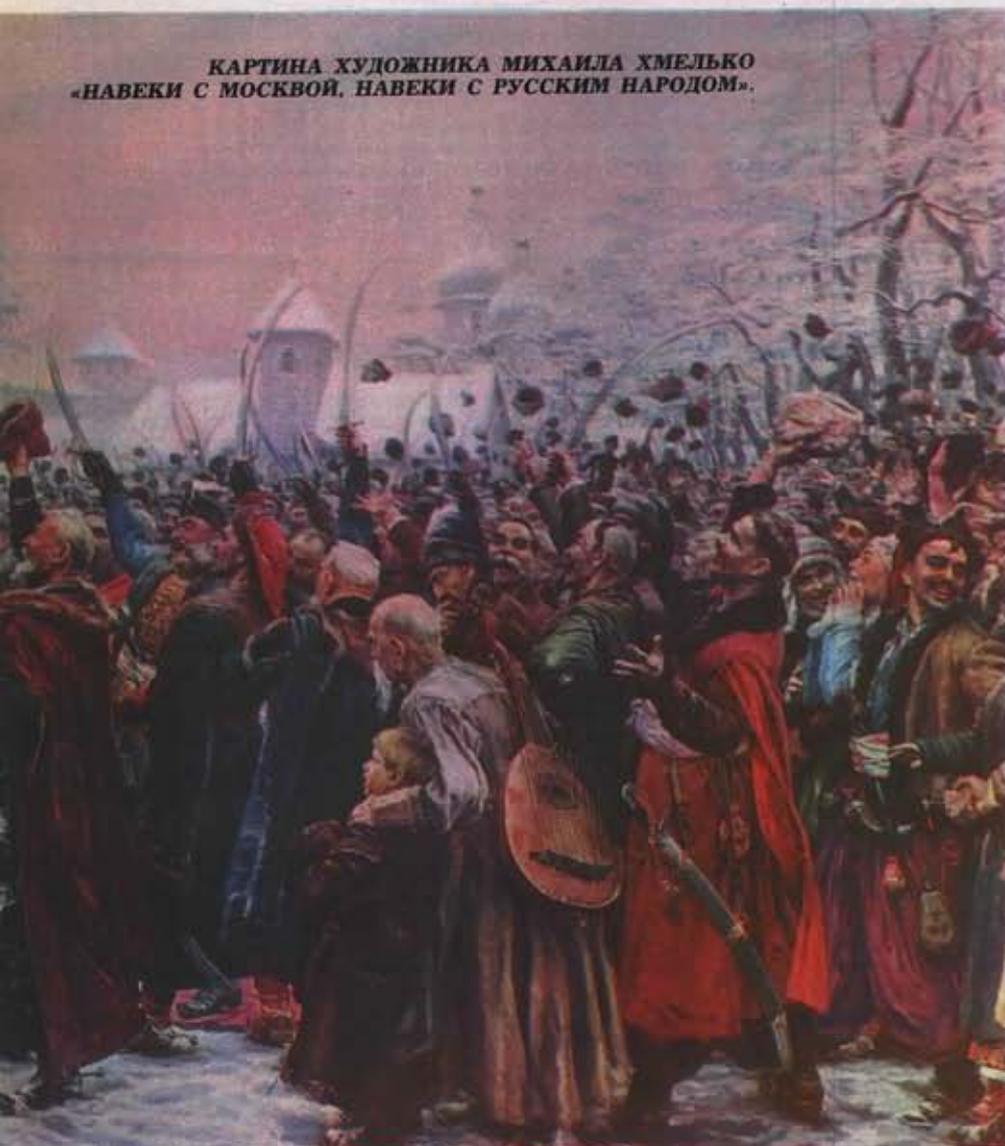
несколько часов и проделал много со-
тен километров, был, судя по всему,
одним из тех, для кого БАМ—это нечто
большее, чем штамп в трудовой книжке
и строчка в платежной ведомости.

Машина остановилась, он выпрыгнул
из кузова, игнорируя подножку, и заша-
гал к золотистому домику, на котором
красовалась надпись: «Улица Крещатик».
Чуть позже я прошел по этой
улице—она была залита солнцем, я
шел мимо припущенных снегом деревь-
ев (их в Улькане не вырубали, сохрани-
ли), печные трубы выстреливали дым в
морозное небо, зигзаги тропинок под-
сказывали путь от дома к дому. От дома
к дому—от человека к человеку. Здесь,
на таежных просторах, как-то особенно
остро осознаешь, что этот путь и есть
самый главный на свете.

Ульканский Крещатик... Памятный ка-
мень, который поставили высадившиеся
здесь в семьдесят пятом ребята из
ударного отряда «Комсомолец Укра-
ины»... Путьекладчик с надписью

Кипучести Буден

КАРИНА ХУДОЖНИКА МИХАИЛА ХМЕЛЬКО
«НАВЕКИ С МОСКВОЙ, НАВЕКИ С РУССКИМ НАРОДОМ».

Микола ВИНГРАНОВСКИЙ

Ласточка вновь за окном,
Ласточка нашей повети,
Чем тебя, ласточка, встретить:
Медом; борщом, молоком?

Ласточка, лету конец,
Взять бы птенцов твоих в хату,

Я научил бы писать их:
Небо, Днепр, сорванец...

Ласточка, где ни летай,
Мало натешиться вволю:
В сердце навеки оставь
Небо, Отчизну и волю.

«БАМ — магистраль века!», взметнувшийся над просекой, над отсыпанным полотном еще одно звено рельсов... Стремительный ритм монтажа — рождение новых метров и километров Байкало-Амурской магистрали... Долгие разговоры по вечерам...

В каком же поразительном сплыве соединились на БАМе строчки личных биографий и строки биографии страны! О двух людях, двух близких друзьях часто слышал я в Ульяновске.

Виктор Лакомов. Владимир Удовиченко. Люди на БАМе почти легендарные. Упомянули о них (или подробно говорили) то вместе, то в отдельности, но каждый раз возникали какие-то глубинные взаимосвязи. Всей логикой их жизни определены...

Владимир родом с Харьковщины. Виктор — из-под старинного русского города Ельца. Отцов звали Иванами. Одинаково. И судьба их одинаковой оказалась. Оба ушли на фронт — защищать Родину. Оба не вернулись. «...Проявив

мужество и отвагу», — было написано в похоронках. Может, в горьком и трудном военном времени, когда рано взрослеют мальчишки, и закладывались первые черточки того сходства путей и характеров Виктора и Владимира, которое сегодня кажется удивительным?

Того и другого свела железная дорога Абакан — Тайшет. Впрочем, Виктор проработал на стройке всего лишь три месяца, а потом пришла повестка из военкомата. Владимир отслужил раньше. Их общая трасса — это железная дорога Хребтовая — Усть-Илимская. 214 тяжелейших километров. Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

И еще была у них общая командировка. В Чили. В семьдесят третьем, во времена правительства Народного единства, строили там железную дорогу к медеплавильному комбинату. Частные компании брались сделать ее за полгода. Лакомов, Удовиченко и их товарищи построили дорогу за тридцать восемь

дней. Я сказал «товарищи». Это были советские комсомольцы и молодые чилийцы. Своих встречают, конечно. Бывает, реже. Бывает, чаще. Коля Чернов, например, и сейчас в бригаде Лакомова на БАМе. О чилийских парнях, с которыми тогда подружились, ничего не известно...

И снова общая строчка в биографиях и судьбах Лакомова и Удовиченко: XVII съезд ВЛКСМ. Оба делегаты. Командиром Всесоюзного отряда, выезжающего на БАМ, назначен Герой Социалистического Труда Виктор Лакомов. Заместителем начальника штаба ЦК ВЛКСМ на Западном участке становится Удовиченко.

...В Иркутске на областной комсомольской конференции, в шумном, гудящем, как улей, зале регистрации, где названия, написанные на бланках, приколотых к красному сукну, и на эмблемах, пришитых к рукавам отрядовских курток, говорят сами за себя: «Братск», «Усть-Илим», «БАМ», в этом жизнерадо-

стном праздничном скоплении людей, знакомых и незнакомых, видел, как шагнули навстречу друг другу два человека. Обнялись крепко, по-мужски. Посмотрели в глаза. Наверное, заметили и морщины новые и седину. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым...» Красиво поется в песне.

Их фотографировали... Удовиченко улыбался как-то растерянно. Лакомов недовольно морщился. Потом махнул рукой, сказал: «Извините. Пошли, Володя».

Сидели в перерыве где-то в уголке. Два человека, у которых так много общего. И такого общего.

...Она большая, Родина. Все объединяет она: Елец и Магистральный, Харьков и Ульяновск... Они расположены на далеких друг от друга меридианах, в разных часовых поясах. И все же рядом.

Спасибо, что еще раз напомнил об этом морозный и солнечный, щедрый на дружбу Крещатик на БАМе...

Станислав СТРИЖЕНЮК

Пояс славы

Не угасает
памяти экран.
История
горит багровым цветом:
Григоровка,
Дальник,
Сухой лиман.
Год сорок первый.
Поле боя.
Лето.

В окопы весть идет политруком.
Идут легенды к утомленным людям:
мол, там, за Воронцовским маяком,
«Потемкин» расчехлил свои орудья.

За окопом
то ли гром гремит,
то ль вражеские наступают танки.
Но Березань обороняет Шмидт,
комбриг Котовский ждет врага в Чабанке.

Так изнуряет и гнетет жара,
и нет воды, хоть за плечами — море.
А пулемет, как будто телеграф,
упрямо ленту сжал в зубах затвора.

Здесь — нам стоять.
Здесь — наш святой кордон.
И пулемет дрожит
от страшной боли, —
когда последний выбросит патрон,
он в смерть ударит
накилями соли.
Здесь в каждой гильзе —
грамм родной земли,
что в поросли
бессмертниками дышит...
Гудят в тех гильзах ветры,
как шмели,
и так гудят,
что мы молчанье слышим.

Целина

От юности
Лица не отвернуть,
То память добрая —
Не соль на ране.
Хотя в местах,
Где пролегал наш путь,
Кувшин воды —
Что золото в кургане.

Да, свой характер
Там я создавал,
Где слезы радости
От сверстников не прятал,
Когда,
Палаху сдвинув,
Кос-Арал
Слал к нам на помощь
Ливневые пряди.

Вот где носить хотелось на руках
Нам тучи,
Пробуждая степь до солнца...
(На молниях распяты облака,
Как ночи —
На кострах землепроходцев.)

Те зарева не гаснут.
И в грозу
Вплетаются раскаты Байконура,
Что высаял
В целинную росу
Космические зерна
Ранним утром.

И юность наша нынче не молчит —
Ведь научилась верить беззаветно,
Что солнце тоже можно приручить
И покорить
Неукротимый ветер.

Ну, что ж,
Простое слово —
Целина —
Звучит во мне
Мелодию вешней:
Я понял в Казахстане,
Что она
И в космосе немереном
Не вечно.

Перевел с украинского Николай КОТЕНКО.

Мир подростков — сложнейший мир интересов и переживаний, связанных, с одной стороны, с жизнью детей, откуда они только что пришли, а с другой — с жизнью взрослых, куда они так стремятся. Подросток — это быстро развивающийся человек. У него огромная тяга к знаниям, умениям и трудолюбивые руки, жажда инициативы, стремление совершать поступки, требующие подчас немалого гражданского и личного мужества. И такими сегодня растет большинство 14—17-летних граждан нашей страны. Но бывает, что переход из детства в юность оказывается не по силам юной личности, и тогда ломается не только голос, но и характер, пересматриваются нравственные ценности.

«Отрочество знаменательно тем, что человек не только открывает человека (это характерно и для детства), но ищет человека», — писал замечательный педагог Василий Александрович Сухомлинский. Именно в это время очень важно, кто протянет подростку свою руку, кого откроет он для себя — мудрого, серьезного наставника или «шефа» с улицы, ивешего уже конфликт с законом.

Остаток подростка — школьника, учащегося ПТУ или техникума, начинающего рабочего — от дурного времяпрепровождения во дворе, от дурной компании, научить его полезному и радостному общению со сверстниками и с окружающей миром, направить его буйную энергию на доброе, интересное дело — важная и благородная задача взрослых — родителей, педагогов, комсомольских активистов, всех, кто призван заниматься воспитанием юношества. Конечно, в один день эту проблему не решить. Тут нужна постоянная координация усилий семьи и школы, производственного коллектива и комсомольской организации. Только при их заинтересованном внимании к подросткам, умения и желании развить все хорошее, что есть в юных душах и сердцах, можно нейтрализовать то дурное, отрицательное, что подросток успевает получить в жизни.

Надо сказать, что «Смена» не раз поднимала на своих страницах тему

взросления юного человека, но всякий раз это происходило без участия самих подростков. А сегодня под рубрикой «Прошу слова!» мы публикуем исповедь юноши, который из «трудного» чуть не превратился в преступника, о чем сам открыто поведал нашему корреспонденту. Рассказ молодого писателя Бориса Васильевского тоже посвящен раскрытию сложного внутреннего мира юноши в отношении его со взрослыми. Завершением этой темы служит репортаж о работе одной из комиссий по делам несовершеннолетних, существующих сегодня при исполкомах местных Советов народных депутатов. Комиссия, сделавшая много хорошего для тех, кого мы называем «трудными».

Формировать у каждого подростка активную жизненную позицию, высокие нравственные качества — одна из важнейших задач комсомольских организаций. В Резолюции XVIII съезда ВЛКСМ записано: «Комсомольцы обязаны строго следовать моральному кодексу строителей коммунизма, высшим принципам нашего общества, самоотверженно служить идеалам коммунизма, любить Родину, занимать активную жизненную позицию, хорошо знать свои права, уметь применять их в интересах общего дела, отчетливо понимать неотделимость прав от добросовестного выполнения обязанностей гражданина СССР. В нравственном воспитании молодежи полное опираться на трудовые и учебные коллективы, семью, общественное мнение».

Что делают комсомольские группы, комитеты комсомола, райкомы для того, чтобы претворить эти рекомендации съезда в реальные дела? Какие существуют проблемы на пути решения важнейшей задачи, возложенной на комсомол, — коммунистического воспитания молодежи? Кто из известных нам воспитателей, наставников подростков мог бы служить хорошим примером для остальных? Напишите нам об этом.

Мы ждем ваших писем.

Что-нибудь из бывшей хулиганской жизни? Во-первых, прошлое мое — это прошлое, и пускай для всех я буду каким-нибудь... ну, скажем, Сергеем Фоминим по кличке Фомка, а во-вторых, не такой уж я был

отъявленный хулиган, да и в душе, может, вовсе не хулиган, чтобы из меня «героя» делать... Не верите? Я и сам порой удивлялся: вроде нормальный человек, чувствительный даже — то за мать переживаю, то за сестру, — и вдруг бац! — выкинул что-нибудь, а откуда что взялось — понять не могу... Раздвоенность какая-то во мне постоянно сидела — думал одно, а делал другое. Вернее даже так — чувствовал одно, а делал другое, потому что думать — это у меня всегда получалось плохо, и не потому, что я дурак от природы, говорят даже, наоборот, от природы я сообразительный, а потому, что размышлять логически не умел, додумывать вещи до конца, все вроде никогда как-то было, не до размышлений.

А начиналось все это... Вы подумали о школе? Нет, еще раньше, в детском садике, в который я ходил, как все, ничем от других не отличаясь, тихий, скромный, послушный мальчик, по праздникам носил белые носочки и пел звонкие куплеты. Толком я ничего не понимал, но как-то так все вокруг звучало и бодрилось, что и я делал вид, что я веселый, бодрый и понятливый, а на самом деле я был все время какой-то испуганный, немного заторможенный и отрешенный. Я был все время как бы настороже — меня домой тянуло, спрятаться от всех где-нибудь под кроватью, где никто меня не видит. Теперь вопрос — почему у меня такой характер складывался... Я много думал об этом, и вот только теперь, когда я уже взрослый и давно «завязал» с прошлым, у меня появилась кое-какая догадка. Говорят, хулиганы берутся из неблагополучных семей... Я думаю, неблагополучность — это что-то внутреннее, скрытое, непонятное на первый взгляд. Ну, а то, что там пьют, ругаются, скандалят, — это уже следствие, хотя, возможно, следствие решающее. Вот наша семья... Отец мой не пил, с матерью они не ругались. Было у них в жизни одно большое горе — в тринадцать лет погиб мой старший брат, попал под машину, — и все-таки что-то между ними было не так, а что — не могу понять даже сейчас. Когда я родился, меня назвали именем брата, мать вкладывала в мое воспитание всю душу, это я сейчас

очень хорошо понимаю, и все же, когда мне было лет пять или чуть меньше, отец вдруг ушел от нас. Ушел навсегда, и не к другой женщине, нет, а просто так и до сих пор живет один — в однокомнатной квартире, которую получил от стройки: он всю жизнь работает

ПРОШУ СЛОВА!

Сергей ФОМИН

прорабом. А мы, как видите, остались вот в этой комнатенке — мать, я и моя старшая сестра, которая, правда, вышла недавно замуж и живет теперь с мужем-военным в другом городе. Мать у меня фронтовичка, всю войну была санитаркой, три раза получала тяжелые ранения и контузии, защищала Ленинград, награждена разными боевыми медалями, а я, олух, долго все это не мог осознать. Казалось бы, я должен был быть у нее хорошим, а я чем старше становился, тем все больше нагнел и хулиганил, грубил матери...

Вот кого мне не хватало больше всего на свете, так это отца. Рядом со мной, пока я был маленький, должен был находиться сильный, волевой, мужественный человек — мужчина, с которого бы я мог брать пример, который бы был моей опорой и защитой, который бы научил меня презирать трусость, слабодушие, заискивание перед сильными сверстниками. И не для того, чтобы я был каким-нибудь особенным, нет, а просто чтобы рос нормальным парнем, без комплексов, как сейчас говорят. Но отец бросил нас, бросил меня, и в том, что я стал хулиганом, я вижу прежде всего его «заслугу». Потому что, как это ни покажется странным, но среди хулиганов всего каких-нибудь пять — десять процентов ребят сильных, с твердым характером, а остальные все либо «шестерки», либо просто бесхарактерные. Лично я был из таких вот бесхарактерных, которым сам бог велел подчиняться сильным, исполнять волю других.

Но слабовольный-то я был слабовольный, а воображением меня природа не

обделила. Может, это даже закон такой: если ты сильный — ты командуешь и подавляешь, а если слабый, то только воображаешь да тысячу раз прокручиваешь в уме, как ты даешь, например, сдачу или расправляешься с несправедливостью. И вот это воображение тоже,

на пару мы с ним колошматим всех моих бывших обидчиков, то еще какую-нибудь катавасию нарисую перед собой. А кончилось это тем, что стал я за ним по пятам ходить, угрождать начал, подхалимничать. Мало того, что он был намного сильнее и смелее меня, так он

по-моему, сыграло со мной злую шутку — мечтал я, мечтал о том, чтобы стать сильным, ловким да выносливым, и вдруг в моей жизни, классе так во втором, происходит одно событие, которое и повернуло мою судьбу в другую сторону.

Дело было так. Мать, собирая меня в школу, всегда совала мне в портфель какую-нибудь еду — хлеб с колбасой или с сыром, ну, и бывали, конечно, случаи, когда ребята постарше отбирали у нас, малолеток, бутерброды: подойдет к тебе дылда, даст хороший щелбан, залезет лопой в портфель — и будь здоров. И попробуй пожалуйся — хуже только будет. Однажды, когда трое «гавриков» отобрали у меня сверток, за меня вдруг заступился Женя Полковников. Не знаю даже почему: может, враждовал с кем-нибудь из этих троих. «А ну, верни пацаненку завтрак», — говорит. «А тебе-то какое дело, Полковник?» — спрашивает один из тех. «Полковник» в то время учился в четвертом классе, хотя было ему уже лет 14 (он несколько раз оставался на второй год), дрался налево и направо, вообще был смелый и сильный, никого не боялся; рассказывали, он мог во время урока встать и уйти, и никто ничего с ним поделать не мог. В общем, слава у него уже была среди нас кое-какая. Так вот, достает он из кармана цепочку, на конце — гайка, говорит еще раз: «Ну?! Отдадите жратву?!» Те пихнули мне бутерброды — и бежать. «А ты чего губы развесил? Раззява...» И пошел от меня, ничего больше не добавив.

Вот с тех пор и разыгралось мое воображение... То представляю, как я сам тех троих удельываю, то мне видится, что Полковник — лучший мой друг и

еще был гораздо старше и ничего ему от меня не нужно было. Ну, подай то, принеси это — так, мелочи... Но постепенно он привык, что я за ним как тень, и сделалась мы вроде «друзьями». Меня никто больше не трогал, не обижал, да и сам я вдруг стал понахальней, посмелей, даже мать начала удивляться: «Сергея, что это с тобой происходит-то? Ну-ка, посмотри в глаза мне...» — это когда я вдруг огрызнусь.

Ну, а когда я перешел в четвертый класс, мы уже были неразлей-друзья. О нас так и говорили: «Вон идут Полковник с Фомкой, сейчас дело будет...» Тогда-то я не понимал, а теперь вижу: все, что было во мне темного и дрянного, поползло наружу — сам слабак и трус, а лезу драться, угрожаю, хамлю. Учителя, например, диву давались, глядя на меня: был пай-мальчик, тише воды, ниже травы — и на тебе... Мать тоже в толк не могла взять, никакие слова и уговоры не доходили до меня, а что до сестры — так она вообще перестала для меня что-нибудь значить, скажет мне слово — я ее так отбрею, у нее глаза на лоб лезут. Я, конечно, в драках немного поднатаскался, окреп. Ведь как бывало — Полковник поймает кого-нибудь, говорит мне: «Бей!» — а сам рядом стоит. Я бы, а сдачи мне бояться дать. Пацаны, малышня еще, и бил я не так, чтобы кровь там да синяки, но ожесточался уже по-настоящему... Вот так я «воспитывался» постепенно...

Великая это сила — уверенность. Сначала я был уверен в Полковнике, а позже стал уверенным в себе. Как ни странно, но я постепенно переделал себя и свой характер, и все это в конце концов для того, чтобы впоследствии осознать всю низость и жестокость ху-

лиганства, его разрушающую душу сущность.

Первый раз я попробовал вино где-то в классе пятом. Для чего? А просто так. Пришли мы с Полковником к нему домой, а на кухне у них стоит бутылка вина. «Пробовал когда-нибудь?» — кивнул на бутылку Полковник. Хотел я соврать, да Полковнику не соврешь: нет, говорю, не пробовал. Налил он себе и мне — и хлоп стаканчик, даже не поморщился. Я тоже вроде с удалю хотел, глотка два сделал, закашлялся, на глазах слезы, а Полковник смеется: «Эх, раззява...» Он вообще-то мало меня щадил, называл и обзывал как хотел — я все сносил. А куда денешься? Кумир все-таки...

Ну, пошли мы на улицу. Два глотка я выпил, а все равно чувствую — не то что-то со мной. Полковник останавливает двух девочек: «Эй, косички, дай за бантики подергать!» Девочки переглянулись, приснули — и в разные стороны. Я даже удивился: Полковник-то какой добрый... Позже я понял: он, когда немного выпьет, как-то мягче становится, а когда чуть больше — тут все, давай задирачь кого-нибудь, ругаться, ну, и драки, конечно...

Вот я подумал сейчас: как начали мы выпивать, так и драки наши стали ожесточенней, посерьезней. Когда я в шестом классе учился, Полковник уже совсем здоровым парнем был... Прибавьте его безрассудство, смелость, наглость, опыт драк, дружков разных. Так что мы когда приходили, к примеру, на

скорость люблю, так мы однажды и порешили: а чего бы нам не покататься? Ребята мы лихие, мотоциклов повсюду — пруд пруди, так что дело только за хорошей накатанной дорогой. Выбрали мы один сарайчик, там «Восход» новенький стоял, пришли как-то под вечер, сорвали замок — и вот мы рядом с заветным транспортом. Завели машину, сели — и вперед галопом. Ну, и выпивши, конечно, были, так что катили с ветерком. Мчимся по шоссе, фара горит, ветер свищет, кровь в жилах кипит... Накатались мы всласть, нашли парк один заброшенный и там припрятали «мотор». Потом сообразили, что лучше новый мотоцикл где-нибудь «позаимствовать», чем на этом кататься, — этот уже ищут, поймают еще.

В общем, дело это нам очень даже понравилось. Полковник, тот гонять умел, ну, и меня научил. Также вот деталь для заметочки: хулиган-то я хулиган, а машиной управлять когда научился? А вот когда мотоциклами промышлять стали. У нас страсть появилась, забота, наслаждение — на мотоциклах гонять. Скорость — это штука великая, от всего лечит. Другое дело, конечно, не с того боку мы к этой скорости пришли...

Но что интересно — мы так ни разу и не попались с мотоциклами. Или везло нам, или еще что, но вот как говорю, так и было.

А попались мы совсем на другом. На «хобби», так сказать. Но до этого вот что случилось — свалился я с четверто-

настолько, что даже тогда ничего не понял. Не идет и не идет — мало ли что, думаю. А провалялся в больнице я месяца два. Вот ребята из класса, помню, приходили. Они меня все перевоспитывали, в комсомол даже хотели принять, чтоб я личную ответственность почувствовал... Классная руководительница тоже приходила, хорошо помню. Все вздыхала. А мне как-то даже весело было лежать перевязанным да перебинтованным. Мрачнел я только, когда мать приходила: она без слез на меня глядеть не могла, все платком глаза вытирает и причитает... А так — нет, не скажу, что мне плохо было. Воображение-то мое и тут заиграло: пиратом себя чувствовал, отчаянным индейцем, ну, в крайнем случае пострадавшим в какой-нибудь серьезной передраге. Эх, мне бы книжки сочинять, а я всю свою молодость черт знает в каких катавасиях провел...

Вышел я из больницы, меня все жалеют, а мы с Полковником новыми делами занялись. Мотоциклы теперь не погоняешь — нога-то моя еще в гипсе, так что мы на медленные скорости перешли. Вот тут-то мы однажды и попались в первый раз...

У нас при жэке «комната школьников» есть, ну и инвентарь там разный — для спортивных игр, занятий кружков и прочее. Как раз Новый год приближался, жэк закупил кой-чего для елки, для маскарада, и все это в комнате сложили. Мы идем как-то мимо, смотрим — свет горит, подарки лежат. Думаем: надо и нам самим себе подарки сделать. Покрутились, повертелись, выставили стекло — и вот мы уже внутри. Что я беру чужое, ворую то есть, об этом я как-то не думал, мне было весело и тревожно, как всегда, а думать — я говорил уже, — думать я редко когда думал, иначе бы и не занимался этими делами. Ну, набрали мы конфет разных, печенья, по клюшке взяли — в хоккей играть, фотоаппарат прихватили. А попались на том, что слишком долго там торчали, не хотелось уходить. Какой-то мужчина заметил нас из дома напротив. Ну, и позвонил, конечно, куда надо.

Так я впервые оказался в милиции, в инспекции по делам несовершеннолетних.

Думаю, давно бы мне пора туда попасть, может, не натворил бы многого, от чего сейчас в дрожь бросает. Поставили, значит, меня на учет. Помню, какое впечатление произвела на меня начальник инспекции, старший лейтенант Белокурая такая, глаза голубоватые, добрая вроде, сижу я напротив нее, и как-то мне не по себе, чувствую, насквозь меня видит. И я дурачком прикидываюсь, и вроде даже на инвалида смахиваю, и плачусь: мать у меня труженица, фронтовичка... А эта женщина спокойной так смотрит на меня и говорит: «Понимаешь, Сережа, сидишь ты пока вот здесь. А может случиться, дела твои похуже обернутся. Если о жизни своей не задумаешься. А для того, чтобы ты задумался получше, давай дадим тебе шефа. Студентку. И попробуй только обидеть ее. Понял меня?» Я, конечно, скорей кивать: еще бы не понял, все понял. А в голове одно: лишь бы спотыкаться отсюда поскорей, а там...

А что «там», я и сам не знал. Скорей всего, ничего я не понял тогда.

Стала меня навещать эта студентка. На третьем курсе историко-филологического факультета училась. Но, знаете, придет она ко мне, поговорим о том о сем, а в разговоре я пай-мальчик, ну, она и уходит успокоенная. Только она за дверь — у меня в голове и мысли старые появляются и все другое в старом русле. Шефу-то моему обо мне толком ничего не было известно: биография у

меня вон какая длинная, а на виду только один проступок — полушалость-полуворовство в жэке.

И вот весной как-то сижу я у окна, слышу, кричит кто-то из шамагинцев: «Ребята, драка! Наших бьют!» Шамагинцы — это ребята из соседнего двора, с которыми мы все время враждовали; увидели они, что Полковник избивает кого-то, решили: из их компании. А я подумал: ну, и черт с вами, и правильно делают, что бьют ваших. Проходит какое-то время, вдруг истошный крик: «Убили, убили-и-и!» Выскочил я, конечно, на улицу, бегу на крик. Смотрю, на асфальте лицом вниз, с ножом в спине лежит парень, и кровь ручьем хлещет.

И лежит он напротив окон Полковника. А в окне — белое лицо Женьки, и он губами шевелит и все повторяет: «Пускай не прыгает, щенок. Пускай не прыгает. Сам нарвался...»

Вокруг народ, милиция прикатила, «Скорая помощь», и отец Полковника, пьяный в дребодан, пальцем тычет: «Он жену мою оскорбил, поняли? Поняли вы, нет?»

Парень тот умер почти сразу. Потом я узнал, что он только недавно из армии демобилизовался. Шел по улице, а Полковник с отцом в этот день «гуляли». В этот час как раз. В эти минуты. Выпили они крепко, показалось мало, Полковник еще сбегал. По дороге парень этот попался, Полковнику показалось, будто парень толкнул его. Слово за слово — и пошло у них. Отец тоже выскочил. За ним мать: «Женя, не надо, домой идите, домой...» А Полковник уже неменяемый совсем, показалось ему вдруг, будто парень мать его оскорбил, или просто на суде уж он так говорил, не знаю. Выхватил нож: «А, так ты мать мою обижать?!» — и ударил парня несколько раз.

Полковнику дали десять лет. Отцу его три года присудили. Нас всех, дружков Женьки, тоже в свидетели таскали. Но не это сейчас главное.

Главное — то внутреннее потрясение, которое я пережил. Я как-то разом, мгновенно, со всей полнотой ощутил, что же я такой и что могло бы быть, если бы я тоже находился там. Значит, я тоже мог убит? И я понял, что да, тоже мог убит, будь я там; это могло произойти автоматически, само собой, бездумно, без всякого намерения, могло произойти, потому что к тому времени я созрел для преступления, и только случайность сделала преступником Полковника, а не меня.

Вот это все меня потрясло. Я не мог представить себя убийцей и в то же время ясно осознал, что уже не раз бывал на грани совершения преступления. Потому что последнее время мы, бывало, носили с Полковником ножи и даже угрожали ими, когда хотели чего-нибудь добиться. Конечно, носили не для убийства. Для угрозы. А оказалось, нож — это не угроза, это смерть, когда созревает для этого минута.

И минута эта созревает внутри нас, только внутри нас самих.

И уж только потом наступает смерть человека, на жизнь которого мы не имеем никаких прав.

Понимаете — никаких!

В каждую клетку моего сознания, в каждую пору вошло страшное потрясение самим собой, и вскоре я не выдержал, заболел от нервного перенапряжения...

...Я выбросил из себя свое прошлое. Навсегда отрекся от него. Не пью, не хулиганю. Окончил городское ПТУ. Работают слесарем. У меня все хорошо. Но сербце иногда сжимается от жутки, когда в воспоминаниях накатывает на меня мое прошлое...

танцплощадку — к тому времени мы и туда повадились заглядывать, — нас узнавали издали: дорогу уступали, с девочками знакомили, вина выпить предлагали. Полковник еще чем интересней был: понравится ему девочка, идет ее провожать, а назавтра, когда приходит на танцплощадку снова, будто и не замечает эту девочку. Она и так и сяк — ну, не всякая, конечно, — а он все равно ноль внимания: сегодня он уже с другой уходит. Вот так со всеми он обходился. И верите — многие по нему потом сохли. Но главное: раз он каждый день новых девочек заводил, значит, обижает многих парней — предыдущих или будущих ухажеров. И только ударил оркестр повеселей музыку играть — мы за ограду танцплощадки выяснять с кем-нибудь отношения. Полковник на танцах всегда дрался жестоко, репутацию поддерживал, как мы говорили, — мифы вокруг себя «рисовал». Вот так мы и жили: я учился в шестом классе, «шестерил» вокруг своего друга, Полковник после восьмого учебу забросил, пили, дрались, на танцплощадке пропадали. Я-то, конечно, еще не танцевал, но вертелся там всюду — тоже был свой человек, попробуй меня только кто тронь... Надр еще вот что сказать: многие ребята, кто туда редко ходит, — народ трусоватый: придут разок, их поколотят хорошенько, назавтра их туда уже не заманишь. А вот чтоб объединиться, дать нам бой — куда там. Хулиганы-то ведь держатся друг за друга, иначе им хана.

А потом вдруг Полковнику все это надоело. Надоело — как отрезало. Появилась у него новая страсть — мотоциклы. Он и раньше к моторам разным был неравнодушен, я тоже, признаться,

го этажа. Осень была, я уже в восьмом классе учился, и вот вспомнил — дурак дураком — детскую игру «прятки». Рядом с нами новый дом строили, этажей так шесть уже отстроили, и мы давай в этом доме в «прятки» играть. И главное — малышня одна была, ну, и я с ними затесался. А дело было под вечер. Спрятался я на балконе четвертого этажа, там ящики стояли, думаю — тут уж меня не найдут. А балкон-то недостроен еще был — ни перилец, ни ограждений. И так случилось — «галевои» меня первым заметил. Ну, рванул я из-за ящиков, чтоб до столба добежать раньше «галевого», «застукаться», да и поскользнулся... Неудачно как-то загнулся о ящик, и меня отбросило в сторону, с балкона. Надр вам сказать — падение свое я хорошо запомнил: падаю, долго падаю... И падаю на кирпичи вниз, а не на какую-нибудь там травку или песочек. Но уж так подфартило: одной ногой я на горку кирпичей упал — эту ногу и сломал, а вторая вскользь прошла — так что ей ничего. Ну и головой тоже прилично приложился — что-то там хрустнуло, хряснуло, но, как говорится, дурную голову бог бережет. Корооче, когда матери моей сказали, что я с четвертого этажа... Вы же помните — у меня брат погиб.

В общем, что было с матерью, вы сами можете представить. Говорить мне об этом не хочется — мать у меня хорошая, но я с олько ей разных хлопот и бед доставил в жизни, что лучше об этом и не вспоминать.

Об этом случае я рассказал вот для чего. Друг-то мой, Полковник, за которого я жизнь был готов отдать, думаешь, хоть раз ко мне в больницу пришел? В том-то и дело — ни разу. А уж глуп я был

Мое первое в жизни самостоятельное путешествие связано с деревней. В тринадцать лет мне купили велосипед. На лето мы увезли его в деревню. Как раньше пропадали из дому на целый день, так и теперь, только теперь — с велосипедом. Я быстро освоил его, научился садиться на ходу, закидывая ногу и через седло и пронося ее спереди, над рамой, соскакивая на обе стороны, ездить, не держась за руль и даже положив на него ноги — обычные все мальчишечьи фокусы... Освоил и все окрестные тропинки, проселки, лесные дорожки, лихо скатывался в овраги, чтобы с налету выскочить на другой склон, пролетал, не тормозя, по узким мосткам через ручьи...

И помню, нечто странное стало происходить со мной в то лето, словно томило что-то, и особенно сильно чувствовалось это под вечер: я вдруг хватал велосипед и, наскоро пробормотав что-нибудь на бабушкин возглас: «Куды на ночь глядя?», — мчался через деревню и дальше по дороге, гнал, изо всех сил налегая на педали, будто очень хорошо знал, куда тороплюсь и зачем... И вот открывалась другая, совершенно незнакомая мне деревня, я останавливался в отдалении и долго смотрел на ее избы, ветлы, по ровному прямоугольнику деревьев угадывал, что в том месте, наверное, пруд, а по отдельной густой рощице с возвышающейся над ней церковью определял, что там кладбище, и узкая полоска вечеряющего неба в просвете колокольни всегда казалась мне почему-то более далекой и печальной, чем то же небо вокруг... До меня доносились звуки — точно такие, как в нашей, когда готовилась она к ночи, деревне: мычание и блеяние скотины, скрип ворот во дворах, зыканье ведра, поколачивание движка, чей-то зов, затихающая возня грачей... Так постояв, я разворачивался и ехал обратно, теперь медленно, как бы успокоившись, будто неизвестная мне самому цель и впрямь была достигнута. Пыль на дороге от выпавшей росы увлажнялась и уплотнялась, на ней особенно отчетливо виднелся оставленный мной только что узорчатый, местами двоющийся след, машинально я пытался повторить этот след, потом сосредоточивался на застрявшей в спицах синей головке вазильки, глядел, как она вращается вместе с колесом, низвергается вниз, возносится вверх... В лоцинах явственно ощущалась сырость, прохладой веяло от близкого леса с его непроницаемой темнотой, начинающейся сразу от опушки, и лишь в поле, среди хлебов, по-прежнему было еще сухо, сохранилось слабое тепло... Я думаю, что странные те и необъяснимые для меня тогда прогулки и были первыми попытками, предварением путешествия...

Конечно, и раньше, до того, как ему случиться, я каждый год собирался и отправлялся на лето в деревню, а к осени возвращался в Москву, однако, кажется мне, это было не путешествие, но привычный переезд. Из города в деревню, из деревни в город... Заманчивее, радостнее, нетерпеливее, разумеется, было — в деревню. Сидя в поезде, я поглядывал в окошко на перелески, поля, овраги, речки, деревни с единственным интересом — сравнивая, насколько они похожи на известные мне поля и овраги, на нашу речку, на нашу деревню, — с интересом, охлажденным заведомым знанием, что все это — иное...

Настоящее путешествие, как мне кажется, всегда сопряжено с усиленной душевной работой, с деятельным восприятием именно дороги и с благотворным ее влиянием, а тут, по приезде в деревню, дорога сразу позабывалась, как и не было ее. Кроме того, настоящее путешествие не имеет, по крайней мере для меня никогда не имело, особенной конечной «практической» цели, а если и имело, то как повод, чтобы хоть как-то объяснить себе и, главное, другим смутное, но властное движение души, заставляющее тебя неожиданно срываться с места, куда-то ехать... Например, такой внешней и якобы разумной, в расчете на взрослых, целью моего первого путешествия было навестить дядю Васю, Василия Андреевича, жившего в ближайшем городке, но для меня-то самого это действительно был только повод, а настоящая, первоначально важная причина выглядела бы, с точки зрения взрослого человека, детской и глупой, попытаться я рассказать о ней: мне очень хотелось, чтобы бабушка и дедушка смотрели мне, уезжающему, вслед и так же высматривали меня, возвращающегося обратно, как они делали это всегда, встречая и провожая своего сына...

Борис ВАСИЛЕВСКИЙ

РАССКАЗ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Василий Андреевич обязательно несколько раз в лето приезжал в деревню — проводить родителей, помочь по хозяйству... С нашего огорода хорошо был виден уходящий в гору большак, и когда появлялась там далекая точка, старики начинали гадать: машина ли это, или кто на лошади, а может, на велосипеде... Вот становилось ясно, что это велосипедист, и дед говорил: «Мать, а ведь никак Василий? Рубашка-то навроде его...» И снова мы вглядывались неотрывно, пока путник, так и не узнавший нами, разлетевшись с горы, не исчезал из наших глаз. Теперь я выбежал за калитку палисадника следить и... или с разочарованием видел, что велосипедист проскочил мост и едет по деревенской улице, или же, когда он долго не показывался за речкой, во мне укреплялась надежда: значит, он свернул с большака в нашу сторону, затормозил у ручья, перешел по бревнышку и скоро покажется на тропинке внизу бугра. И вот он появлялся из-за поворота, ведя за высокий руль свой старомодный, прочный, на мощных широких шинах велосипед с перекинутыми через раму сумками — дядя Вася.

Я любил его... Какие отличные луки он мне делал! Мы отправлялись с ним в лес, выбирали молоденький дубок и несколько тонких, стройных побегов орешника. Лук из дубка выходил необыкновенной упругости и крепости, а из орешины рука Василия Андреевича, точная рука учителя математики, привыкшая без инструмента вычерчивать на доске любую геометрическую фигуру, выстреливала замечательно прямую и гладкую стрелу. Испытывать лук мы шли на открытое место. Дядя Вася до отказа натягивал тетиву, пуская стрелу вертикально в небо, она быстро терялась в синеве, и вот пора бы ей было возвращаться, а ее все не было, а я с недоумением глядел то вверх, то на дядю, а он с улыбкой на меня, как вдруг стрела с тупым звуком вонзалась в землю рядом с нами... Он был такой же страстный грибник, как и я. Помню, на опушке, перед тем, как войти в лес, Василий Андреевич всегда с неизменной торжественностью, с расстановкой, будто стихи, произносил: «Ну, кто первый белый гриб найдет, тот мне лучший друг!» Как я старался! И все-таки первый гриб обычно находил он... Я хорошо знал наш лес и даже считал его «своим», но мой дядя не раз указывал

мне новое, неизвестное для меня, а ему памятное с юности грибное местечко. И я понимал, что это и его лес, что этот лес еще прежде, чем сделаться моим, был его, и странно, не ревновал...

С Василием Андреевичем связывались разные истории из моего бессознательного младенчества. То бабушка рассказывала, как ни моей маме, ни ей не удавалось уложить меня спать, как я разыгрывался, сидя в кроватке, сам веселся и веселя окружающих, безошибочно угадывая, наверное, сдерживаемый смех в их притворно строгих голосах, но подходил дядя Вася, приказывал совершенно серьезно: «Спать! Спать!» — и я, посмотрев вопросительно и очень внимательно ему в глаза, как это могут делать только совсем маленькие дети, и не увидев там и тени улыбки, послушно отворачивался к стене и быстро затихал. Уверен теперь, что вот тут, переглянувшись с бабушкой и мамой, Василий Андреевич улыбался... То сам он вспоминал, как случилось ему везти меня, едва научившегося ходить, в деревню, как я рыдал и цеплялся за мать, не желая идти к нему, а оставшись с ним на вокзале, потопал куда-то, видимо, в надежде отыскать родное лицо. Дядя Вася не поспешил за мной — спокойно сидя на месте, просто следил, что стану я делать, я же, окончательно растерявшись в толчее, вдруг нашел его, узнал, кинулся, приник и, когда уже приехали в деревню, не захотел отпускать дядю и оставаться с бабушкой и дедом... Снисходительно, как не о себе, но о ком-то другом, смешном и несмысленном, слушал я в детстве эти рассказы, и все-таки тогда они были обо мне — я понял это позже, понимаю сейчас, когда они превратились для меня в рассказы о дяде Васе... Да, я любил его, вначале безотчетно, по-детски, как любим мы всех, кто с младенчества окружает, и любит нас, и занимается с нами, — любил вот за эти воспоминания о нас с ним, за 'лук со стрелами, за грибы... А потом, взрослея, стал любить все сознательнее, вдумываясь в его характер, в его необыкновенную судьбу и все более считая идеалом человека.

...Рассказывала бабушка, что все ее ребята — и Лексей, и Иван, и меньшой Герасим — росли бедовые, только Василий был «смирный», однако слово это никак не подходит к нему, просто на нашем деревенском языке означало оно, что

не любил он озорничать, драться... Был бы мой дядя «смирный» в обычном, распространённом смысле, то есть был бы он кротким, боязливым, покорным, как помыкала бы им безопытно угадывавшая эти качества и беспощадная в таких случаях мальчишеская компания! Но опять же говорила бабушка, что ребята-сверстники никогда не трогали его, напротив, уважали и слушались, чувствуя в нем взамен воинственности какую-то иную силу. Силу эту я определяю как очень рано развившееся в Василии Андреевиче сознание своего человеческого достоинства, сознание твердое, спокойное и сдержанное, без малейшей заносчивости, без высокомерия, которые, как правило, вызывают в окружающих естественное желание подвергнуть сомнению, проверить, умалить вот такое, чрезмерно бьющее в глаза достоинство. И что, пожалуй, немаловажно: сознание своего достоинства присуще было ему постоянно — ведь как часто бывает у многих из нас, что оно то есть, то нет... А еще лучше сказать — это чувство не столько собственного, сколько чувство человеческого достоинства вообще, так что любой из встречавшихся с Василием Андреевичем людей, пусть самым недобрым, злобным, самым сомневающимся в других и в себе, непременно ощущал в нем это воплощение всеобщего достоинства и сразу или постепенно, но обязательно верил в него и, мало того, проникался в конце концов таким же спокойным, уверенным чувством в отношении себя...

После рабфака Василий Андреевич окончил пединститут, успел немного поучительствовать. В войну, как и все бабушкины сыновья, ушел на фронт, был артиллеристом. С весны сорок второго года пропал без вести и только летом сорок пятого прислал письмо: находился, оказывается, в концлагере, в немецком плену. Письмо это, по семейному преданию — сам я не помню, — принес я, дал мне его деревенский наш почтальон, увидев меня на речке с ребятами и поленившись, наверное, идти к нам на бугор. Говорят, я пришел с письмом под вечер, и впоследствии дед с бабушкой всегда ужасались задним числом, как это я, заигравшись, не потерял его, а я, в свою очередь, изумляюсь теперь легкомыслию почтальона — как смог он в то время доверить мне такое, по общему мнению фронтовое еще письмо?! Перебывала у нас тогда вся деревня, и начинали утирать глаза сразу же, после первых слов: «Здравствуйте, мои дорогие родители, Папа и Мама! С большим душевным волнением пишу Вам эти строки после столь продолжительного перерыва и полной неизвестности...» А дальше там шли слова: «Десятки раз смерть своими костлявыми щупальцами пыталась вырвать меня из этой жизни...» И тут уже плакали навзрыд... Потом дядя сам приехал, и опять собирались и плакали, слушая его, хотя рассказывал Василий Андреевич с обычным своим спокойствием и сдержанностью. Известные это теперь все рассказы — о жизни в немецком плену — и выглядят сейчас даже не очень страшными в сравнении с ужасами, о которых потом мы услышали и прочли (а скорее всего, дядя Вася еще с многом и не говорил, щадя отца с матерью), но все-таки те рассказы были первыми, и от родного человека, и слишком действовали тогда на всех, слишком реальны и ощутимы были тогда для всех вот хотя бы «костлявые щупальца смерти»...

Рассказывал он, как кидались некоторые пленные на сырую свеклу, брошенную для потехи немецкими солдатами, как дрались из-за нее, и прибавлял: «Я не кидался...» — и я помню, слышу до сих пор, как звучал при этом его голос — без гордости за себя, за свою выдержку, без противопоставления себя потерянному человеческому облику, но задумчиво, с печалью: «Я не кидался...» Печаль эта пронзала меня, я уже тогда понимал, не мог бы высказать, но точно чувствовал ее смысл: если вы так остро ощущаете не свое, отдельное, но общее человеческое достоинство и видите, как другие его теряют, как их заставили все-таки, довели до этого те, кто утерял его раньше, то вас, наверное, мало утешит, что лично вы-то свое собственное достоинство сохранили, но в вас неизбежно родится вот такая — высшая, за всех, печаль...

Вскоре после возвращения переехал дядя в райцентр и снова начал учительствовать. Постепенно природное жизнелюбие, деятельная его натура взяли верх над пережитым, с увлечением отдался он своей работе, часами, приезжая, говорил о ней и заражал нас, и так же интересно, как ему работать и рассказывать, было интересно нам слушать. Он действительно был настоящий учитель, но когда, случалось, приходилось слышать ему от коллег, что у него врожденный педагогический талант, смеялся и возражал: откуда у него, сына крестьянина, бывшего подпаска, может быть «педагогический» талант, да еще «врожденный»? Просто привык добросовестно относиться ко всякому делу... Было это правдой, но правдой был и талант, я не думаю, чтобы Василий Андреевич не знал о нем, не чувствовал его в себе, так что отрицал его скорее всего опять же «в педагогических целях». Про себя-то он уж, наверно, понимал, что такой талант только и должен быть врожденным, что умение обращаться с детьми и учить их главному — человечности — не специальность и что нигде, ни за какие годы этому не обучишься, если нет в тебе изначального сердечного умения и желания... Но, кажется мне, он потому еще отрицал признаваемый за ним талант, что под этим талантом, как и под иным, обычно подразумевают нечто, присущее отдельным, редким людям. А Василий Андреевич считал, твердо верил, что учительским талантом положено обладать каждому, что это даже и не талант, а одно из необходимых человеку качеств... И за многие годы работы и жизни в городке дядя Вася незаметно, вовсе о том не помышляя, осуществил идеал властвования над людьми тем самым способом, который смутно мерещился мне в детстве, то есть сам прежде всего являя образец человеческой любви, самоотверженности, бескорыстия и чести и вызывая такие же ответные чувства в окружающих...

Он умер несколько лет назад от неизлечимой болезни желудка, развившейся в нем постепенно, видимо, со времен голодовок в концлагере. Но до сих пор, когда случается мне быть в том городке и обмолвиться, что Василий Андреевич — мой дядя, я всякий раз начинаю ощущать особенное, доброжелательное отношение к себе и отлично понимаю, что это отблеск уважения и любви к нему, и мне тоже хочется совершать хорошие и добрые дела. Более того: я понимаю, что теперь мне просто невозможно не совершать их. Так я включалась в эту цепочку, в «цепную реакцию» чувств, с разницей, что первое звено, источник ее здесь не я, а Василий Андреевич... Да и вообще — как можно было полагать себя источником, откуда возьмуть начало добра и любовь и распространяться на других, когда жило столько людей, предшествовавших тебе и передававших друг другу эти тысячелетние понятия, и, наконец, жили те, у кого и ты непосредственно тылся!.. Бабушка, бабушка, дядя Вася...

Так вот, именно то, как Василий Андреевич несется вниз с горы по большаку и, еще более, как уезжает потом, уводит свой велосипед в гору и садится там, так далеко, что уж не разобрать, подействовало на мое воображение и соединилось,

наверное, с внутренней настоявшейся потребностью путешествия, потому что однажды вечером — помню, я уже лег спать, — меня вдруг словно толкнуло: ехать! После чего большую часть ночи я не мог заснуть, заранее представляя свою поездку...

Наутро, когда объявил я о своем намерении, сколько было отговоров! И заплутаешь, и дорогой кто встретит, и мать узнает — она ведь с ума сойдет, а главное, не могли бабушка с дедушкой взять в толк, с чего это я «одумал»... Я был непреклонен. Моей любви к ним противостоял долг: да, я уже ощущал, что должен ехать и что ни моя любовь к ним, ни их любовь ко мне не могут меня остановить, и оттого все это — любовь и чувство долга — еще более обострялось...

Я долго, с сосредоточенностью путника, которому предстоит дальняя и трудная дорога, выводил велосипед в гору, наконец, сел и поехал. Почти сразу слева, среди понижающегося поля увидел я узкую серповидную полоску невысоких деревьев и догадался, что это ведь знакомый мне Глиняный обал, овраг, куда бегали мы за клубничкой, а «невысокие деревья» — это только макушки их, действительно выглядевшие сверху подрастающей рошпидей, если не знать, с какой страшной глубины тянулись они. Глиняный обал как бы проводил меня, был последним приветом моей деревни... И вдруг я спохватился, что не оглянулся на том месте, не помахал на прощание бабушке с дедом и так и не узнал, видит ли нас дядя Вася, когда мы машем ему, — совсем забыл обо всем этом, дорога захватила меня! С каким упоением я ехал!.. Кругом разворачивался новый, но и привычный пейзаж: перелески, овражки, одинокие деревья поодаль дороги и — поля, поля, отрадный сердцу простор полей, замыкающийся на горизонте темными полосками далеких, загадочных, подернутых дымкой лесов. День был солнечный, жаркий, какими бывают они в разгар лета, знойный воздух почти не двигался, и не двигались легчайшие облака, ослепительно белые среди чистой синевы неба. И надо всем стояло тоже будто недвижимое, в какую-то минуту утра начавшееся, быстро набравшее силу, да так и застывшее на самой ликующей ноте звенящее перие всех, что незримо обитал в траве, в хлебах, в придорожных кустах, в небе... Жаворонки! Я нарочно останавливался, задираю голову, безуспешно искал их в вышине. Вот краем глаза замечал я, что совсем близко от меня, из травы, треща крыльшками, начинает подниматься вертикально вверх маленькая птичка; шурясь от льющероса с неба света, я следил за ней неотрывно, чтобы не потерять, и все-таки потерял, потом, казалось, снова находил, но был это, наверное, уже некий призрак, обман зрения, был это лишь отпечаток земной крошечной точки, возникшей в моих глазах от долгого пристального глядения.

...Неожиданно под горой открылась деревня, о которой я знал, что она в шести верстах от нашей, и я поразился, как быстро и незаметно проехал это расстояние, треть моего пути. После долгого и пологого спуска опять пришлось слезать, идти пешком в гору, именно о ней дядя Вася говорил, что это самая большая и крутая, самая тяжелая гора на дороге. И я внимательно следил, тяжело ли мне, — странно, я хотел чувствовать усталость... Из деревни по проселку тоже выехал велосипедист, направляясь к большаку; получалось, что мы должны были сойтись с ним, и я стал медлить, останавливался, делал вид, что проверяю что-то в велосипеде, — чтобы пустить этого человека ехать вперед. Я не желал попутчика, разговоров, мне было так хорошо одному на дороге, кроме того, все-таки смутно жило во мне предостережение бабушки: «Кто встретит». А выйдя наверх, я с неудовольствием увидел, что он просто стоит и поджидает меня. Но он так приветливо мне улыбнулся, так легко со мной заговорил!.. Это был молодой мужчина небольшого роста, черноволосый, кудрявый, смуглый, с крутым, темным от загара лбом, в шелковой полосатой рубашке с короткими рукавами. Левая штанина его чистых, нерабочих брюк была схвачена специальным для езды на велосипеде зажимом. «Поехали?!» — весело предложил он, и ничего не оставалось, как садиться и рядом с ним ехать. «В город?» — спросил мой спутник. Я коротко отвечал: «Да». «А из какой деревни?» Я назвал. «Это чья там?» — продолжал он, не смущаясь, что отвечаю я так односложно. «Райских». «Слышал, слышал... Василий Андреевич не родственник вам?» Мне польстило, что он слышал нашу фамилию и знает Василия Андреевича. «Это мой дядя». «Ага! Значит, к дяде в гости?! А сам, небось, у бабушки с дедушкой на канулах?!» По его общению, по особой свободе и умению расслаблять меня, подростка, и по тому, как быстро он выведал обо мне, и разгадал меня, и упомянул вдобавок дядю Васю, я предположил, что он тоже, наверное, учитель. Настороженность моя исчезла, я все охотнее отвечал ему, поглядывая, как изящно и небрежно лежат его маленькие, крепкие, загорелые руки на руле — не на резиновых ручках, а на сгибах, ближе к середине, — и уже незаметно сдвигал свои, чтобы они лежали так же, как вдруг, сказав: «Ну, приятно добрый-ся!» — он свернул с большака на другую сторону и уехал по узкому заманчивому коридорчику, сразу терявшемуся среди высокой ржи. Оглядываясь, я некоторое время видел его темную голову — как она, то пропадая, то выныривая, будто сама по себе движется над колесьями. Я расстался с ним без сожаления, но и без досады, что нарушил он ненадолго мое дорожное уединение. И снова отдался дороге...

Да, моя душа уже не была детской, воспринимающей все бездумно и впрок, — она ощущала потребность чувствовать и одновременно, тут же, отдавать себе отчет в своих чувствах. Мне теперь надо было останавливаться, замирать, созерцать деревья, облака, травы, струящийся над полями воздух, надо было вдыхать полной грудью этот воздух, и еще, и еще, пытаясь уловить в отдельности каждый из бесчисленных его ароматов, запечатлеть навсегда само мгновение вдоха, разобраться, что же все это такое, что окружает меня, и разобраться сверх того, что же такое мое потребность разбираться в этом... И я вдруг в первый раз осознал то, чего не замечал раньше, осознал свое одиночество в мире, показавшееся мне безнадежным, ибо, сказал я себе, никто и никогда не узнает, что я сейчас здесь стою и смотрю, а главное, не узнает, как я вижу, что при этом чувствую... Ну, что я чувствовал?! Я пытался определить это хотя бы для себя и ощутил свое бессилие, я понял, что и сам никогда не сумею рассказать об этом, что все будет лишь жалкие попытки. Впервые в жизни и не однажды с тех пор я смотрел на эту прекрасную землю с мучительной грустью, даже с тоской от сознания невозможности постичь до конца и выразить ее красоту. В самом деле, отчего мы можем, по крайней мере пытаемся как-то высказать свое отношение к событию, к книге, к любой сотворенной человеком вещи и даже к человеку, но удивительно немые становимся перед природой?! Может быть, это какое-то завораживающее нас воспоминание о далеком невообразимом времени, когда были мы еще неотделимой счастливой частичкой природы — как эти деревья, вода и травы, — а отделившись безвозвратно, ради слова, все равно были закляты ею, обречены в общении с ней на бессловесность... Помню, что тогда же, на

дороге, чтобы как-то избавиться от охватившего меня угнетающего ощущения одиночества и беспомощности, я вообразил, что вокруг собралась незримо все-все и увидели, как я тут стою и смотрю, и увидели вместе со мной, что я вижу... А еще было бы лучше, продолжал я мечтать, если бы здесь оказался кто-нибудь один, но чувствующий и понимающий совсем как я и ему ничего не понадобилось бы показывать, объяснять — молча мы стояли бы рядом и были бы одни...

Видимо, это зрела потребность в иной, не мальчишеской дружбе, это пробуждалась необходимая в юности жажда духовного единения...

Город я увидел неожиданно и будто с высоты, несмотря на то, что ехал по равнине. Он предстал вдалеке, как яркое, чуть размытое в мареве жаркого дня нарядно-пестрое пятно: зеленое, белое, красное, золотистое... Равнина медленно понижалась вместе с дорогой, и, чем ближе я подъезжал, тем выше становился, выросал надо мною город. Под высоким и крутым обрывом, на котором он стоял, угадывалась река. По склону обрыва лепились домики, одними крышами выглядывая из сплошной зелени садов. А надо всем, на холме выделялся кремль с четкими и строгими очертаниями крепостной стены и башен, с могучей единственной главой храма в центре его, и еще, поодаль, с целой стайкой маленьких, легко вознесшихся в небо куполов... На краю города торчала темная старинная водонапорная башня, похожая на шахматную ладью... К моему большаку приблизились еще несколько дорог; сначала они продолжали идти, как бы сами по себе, как бы не желая сливаться, но вот, ближе к мосту, соединились в одну широкую, со многими колеями... Что была наша деревенская речушка в сравнении с этой рекой, и наш ветхий, со сквозными дырами мост перед этим мостом, тоже деревянным, но очень длинным, с крепкими перилами, с ровным, без зазоров, дощатым настилом во всю длину, по которому мой велосипед покатил плавно, как по асфальту!..

Город я воспринял с тем же обостренным чувством, что и дорогу. Я шел, озираясь, по мощеной бульварной улочке, страшно круто поднимающейся вверх, внимательно разглядывая домики, в большинстве одноэтажные и деревянные, но на высоких каменных фундаментах, или двухэтажные, с каменным нижним и деревянным верхним этажами, с глухими высокими воротами и такими же калитками, в которых были прорезаны узкие щели для почты. По обочинам, как и у нас в деревне, росла гусиная трава, так же бродили гуси и куры... Странно, что я, в общем-то городской мальчик, то есть живущий большую часть года в городе, в огромной столице с ее огромными домами, с собственной большой рекой («Москварека» — неразделимо слышалось в детстве; «Пошли на Москвареку») и многими другими достопримечательностями, тогда, приехав из деревни в этот маленький городок, вступил в него с ощущением деревенским и сравнивал его дома не с московскими домами, но с деревенскими избами, и реку не с «Москварекой», а с нашей деревенской речкой, и с почтением приготовился отнестись к показавшейся сверху улочки красно-белой стене кремля... Отыскав дом Василия Андреевича, с деревенской же застенчивостью вошел я во двор и долго стоял у крыльца, не решаясь подняться...

И жизнь в городке — разумеется, я говорю о жизни ребячьей — оказалась и похожей и непохожей на жизнь в деревне. Дядя Вася познакомял меня со своим приемным сыном Глебом, спокойным, серьезным мальчиком моих лет. Глеб тут же свел со своими товарищами, и разом я окупился в эту новую для меня жизнь. В ней удивительно сочетались сельская свобода и раздолье и столь хорошо знакомые мне по Москве запреты города, а вместе и то и другое приобретало особую, обновленную прелесть... С утра мы убегали купаться и удить рыбу с высокого моста; его деревянные сваи наклонно уходили в воду, серые сверху и зеленые в воде, и, приглядевшись, можно было различить темные спины ходивших в глубине возле свай рыб, увидеть, как вспыхивают иногда на солнце их серебряные бока. Еще конопатили и смолили какую-то старую, разохшуюся лодку, обнаруженную где-то в оспе и — неизвестно — насовсем ли брошенную хозяином, поэтому приходилось ее прятать. План был: спуститься вниз по реке с ночевкой... По дороге с купания обязательно заглядывали на базар, вечно замусоренный соломенной трухой. Здесь продавалось все, что в изобилии и задором имелось в наших деревенских садах и огородах. Равнодушно миновали мы огурцы и помидоры, пробовали смородину и крыжовник, выставленные в граненых стаканах, и яблоки — кислые, брызжущую соком антоновку, и другие, с неизвестными названиями, сладкие, почти белые, с тонкими красными штрихами на боках. Более же всего привлекал нас молодой горох в стручках и семечки: мелкие, угольно-черные и крупные, сизые, с продольными белыми полосками. Мы оттопыривали майки, и все это насыпалось нам за пазухи... Или мы покупали большой, причудливо выгнувшийся от зрелости круг, темный с краев и светлеющий к сердцевинке, — никогда толком было не понять, какой узор образуют в нем семечки: то, посмотришь, это прямые пересекающиеся ряды, то плавные кривые линии, соединяющиеся в лепестки, а то увидишь исходящую из центра туго закрученную спираль. Мы разделяли подсолнух на части; меж плотным и жестким покровом семечек и желто-зеленой шершавой изнанкой скрывалась такая белоснежная, такая воздушная на ощупь мякоть!.. Возвращаясь к обеду домой, мы лениво, размеренно шлепали босыми ногами по горячему бульварному базарной площади, потом сворачивали в тенистую улицу, на прохладные каменные плиты тротуара... Помню, на этой улице, возле одного из домиков, соседствующих с дядиным домом, целыми днями просиживала в легком плетеном кресле скорбленная старуха в черном, несмотря на летний зной, одеянии, в черном кружевном платке на голове. Сидела она всегда одиноко, молча, ни на кого не глядя. Когда я в первый раз увидел ее, Глеб шепотом сообщил мне, что это была помещица. Тогда я не обратил на старуху особого внимания, но потом, вспомнив, решил для себя быстро и совершенно точно, что она оттого так угрюма и сидит всегда в черном, что это ей, наверное, принадлежал раньше дом, отданный теперь под общежитие педучилища, тот самый дом, где жил дядя Вася...

Это действительно был старинный высокий двухэтажный дом, с намеками на колонны на фасаде, с двумя массивными каменными воротами, за которыми открывался просторный, поросший травой двор. При доме сохранились кирпичные службы, флигель, в глубине двора имелся небольшой садик из нескольких раскидистых яблонь, давно сомкнувших свои ветви, так что образовалось что-то вроде живой беседки. Рядом разбит был цветник... И все это: и двор и дом с его двумя подъездами, со сквозным коридором, с узкими и крутыми деревянными лестничками, огражденными перильцами на толстых фигурных столбиках, с отвесной железной лестницей и люком на чердак — все это тоже как нельзя

лучше подходило для наших игр. Отлично было, например, играть во дворе в прятки, хоронясь в лопухах и бурьяне у забора, в пустой кадучке, врытой зачем-то в землю, и даже под разрушенным для просушки сеном. Любили мы забираться в сарай на сеновал, куда тотчас являлась изгонять нас бдительная дворничиха тетя Дуня. «Вот щас метелкой-то охабачу!» — нестрашно грозила она, и очень нас веселило это «охабачу», и, притаившись, давились мы от смеха и зажимали друг другу рты. А сколько веселья было однажды, когда играли мы совсем в другом углу и вдруг услышали, как тетя Дуня, упустив нас из виду, покрикивает на сеновал — на всякий случай, для острастки!.. Еще хорош был этот двор тем, что к нему вплотную примыкал большой городской парк. Вечерами пускали туда по билетам. И вот, как только смеркалось и из парка начинала звучать музыка, мы влезали на крышу деревянного сарая, спрыгивали с другой стороны и оказывались на запретной территории. Теперь задача была: незаметно, по кустам, пробраться в ухоженную часть парка — с клумбами, аллеями, фонарями, танцверандой — и смешаться с гуляющей толпой. Но тут, на границе света и тьмы, как правило, поджидали нас сторожа, и, спасаясь от них, с воплями «Срывайся!» и «Атас!» мы убегали вниз, под обрыв, в темноту, в дикий и запущенный угол, где на немыслимой крутизне удерживались могучие деревья. Ноги несли тут сами, и приходилось на бегу хвататься за толстые стволы, обнимать их с налету, чтоб не разогнаться слишком, не полететь кувырком, не свалиться в воду. Там, в самом низу этого бесконечного обрыва, мы знали, покоился обширный некогда пруд, с каждым годом все более зарастающий осокой, затянутающийся раской, и уцелевшее посреди пруда маленькое зеркальце воды напоминало чье-то усталое, медленно и навсегда закрывающееся око...

Но хорошо также помню, что в это время не только ребячьих игр, преследования, убегания, соперничества в ловкости, быстроте и силе прельщали меня. Я уже начинал смутно волноваться иным: звуками музыки из парка, всеми этими, популярными тогда падепсами, падеграсами, танго, грустными и прекрасными старинными вальсами, а еще пряным запахом цветов, оживающих к ночи на клумбах, неожиданно таинственным обликом улочки, с яркими редкими пятнами электрического света возле фонарных столбов и густым мраком под деревьями, стойким теплом позднего летнего вечера, лунными бликами на ветвях и траве, неясно белеющими в темноте платьями, тихим говором на скамьях у заборов, внезапным девичьим смехом, — всем, что с такой силой ощущается в юности и именно вот в таких маленьких городках... В том же доме жили девушки, студентки педучилища, они часто приходили, пробегали мимо нас по двору, и всякий раз я чувствовал, как непонятно, томительно и счастливо замирает что-то в глубине меня, выражаясь наружу полным безразличием и незамечанием да усилившимся вдруг интересом к нашим мальчишеским делам. Но при этом «незамечании» я уже выделял среди них одну, отличал по внутреннему трепету, охватывавшему меня, когда я видел ее. Не так уж был я мал, чтобы не сказать себе, что это любовь, и в самом деле — что же это еще могло быть, если не любовь?! Была она тоненькая, трогательная, с прелестным чередованием светлых и темных прядей в ярких глазах гладко зачесанных волосах и с тем цветом глаз, которые в зависимости от освещения кажутся то серыми, то голубыми... Очень нравилось мне и платье ее, в тонкую синюю и белую полоску, с белым поском, и белые подвернутые носочки, и белые легкие парусиновые тапочки, какие мы все носили тогда, начиная мелом. Помню, как был я удручен, увидев вдруг такое же платье на другой девушке. Это было чуть ли не оскорблением моему чувству: как она могла, какое имела право носить такое же платье, что и предмет моей любви?! Откуда было мне в то время знать, догадываться, что эти два одинаковых платья, скорее всего, были одним, которое по обычаям общежития подруги надевают по очереди, но если бы и знал, еще более вознегодовал бы... Еще помню, как однажды я с грохотом, перемахивая разом через добрую половину марша, несся вниз по лестнице и, повернув, чуть не сшиб ее, поднимавшуюся мне навстречу. Мгновенно я замер, она подняла голову и улыбнулась. Око было за моей спиной, сверху, и даже от тусклого луча, проникшего сквозь это годами пылившееся лестничное окно и упавшего на ее лицо, глаза ее сделались совершенно синими... Во мне же в тот момент возникло сразу два противоположных ощущения: я был рыцарь, да, я был рыцарь, возвышавшийся над ней со скрещенными на груди руками, сильный, властный и суровый в своем отречении от любви ради долга, и одновременно это она стояла надо мной, а я был паж, на коленях припадающий к ее столам и готовый немедленно, по единому ее слову, жертвовать собой ради любви к ней... Причем сами эти ощущения не противоборствовали одно другому, но как бы восполняли, усиливали друг друга, они, будто сговорившись помимо меня, нарочно объединились во мне, чтобы еще сильнее, еще верней меня мучить... Господи, и все это в одно мгновение, спустя которое я уже летел дальше! Запомнила ли она это мгновение так отчетливо, как я, а если не запомнила, то может ли когда-нибудь вдруг вспомнить?! Ощутила ли она сотворившееся во мне смятение чувств или ничего, кроме подчеркнутой досады от прерванного бега, не увидела на моем лице?!

Конечно, я стыдился тогда своего пробуждающегося волнения, украдкой вопрошающе смотрел на Глеба, видел, что он-то равнодушен, далек от этого, сосредоточенно, не поднимая головы, продолжает возиться со своим планером, когда девушки проходят мимо нас по двору. И мне тоже хотелось оставаться таким же невозмутимым, самоуглубленным, не замечать этих девушек, и я, естественно, делал вид, что не замечаю их, и понимал уже, что Глеб-то не замечает их по-настоящему, а я, однажды заметив, теперь не могу не замечать иначе, как только делая вид, и что от этого, выходит, я еще более их замечаю...

Может быть, это послужило толчком к тому, что я начал раздумывать о нашем несходстве с Глебом, интересоваться, почему один человек столь отличается по характеру от другого. Я был живым, беспокойным, подвижным, быстро на все реагировал, мгновенно схватывая суть, легко увлеклся каким-нибудь предприятием и так же скоро к нему охладевал. Глеб, напротив, выглядел медлительным, неуклюжим, тяжелым на подъем, но был дотошным, основательным и упорным в любом деле, если уж брался за него. Он увлеклся авиамоделированием и мог часами строгать, так и эдак соединять какие-то ажурные планочки, терпеливо клеить и переклеивать папиросную бумагу на крыльях. Мало того, он уже твердо решил, знал в тринадцать лет, что после школы пойдет учиться в авиационный институт... Я спохватился, что сам никогда не задумывался над этим. Что интересовало меня? Добросовестно я перебрал многочисленные школьные предметы, по которым успевал одинаково легко: математику, физику, историю, зоологию, географию... Ни один из них в особенности не увлекал меня, иные же были просто скучны. Литература? А почему? Только потому, что я любил читать

книги? Но разве не любили читать их многие другие, тот же Глеб? Нет, кроме чтения книг, непременно должен быть еще какой-то настоящий, серьезный, взрослый интерес. У меня его пока не было, а у Глеба уже был. И, завидуя ему, я разбирался, означает ли его сосредоточенность и целеустремленность, что Глеб взрослее меня, или черты эти бывают присущи человеку с самого начала, от рождения. Конечно, не от рождения, говорил я себе, ведь не мог же он с младенчества знать, что хочет стать, к примеру, авиаконструктором?! Следовательно, качества эти приобретаются, когда определяется цель, и как только я найду предназначенное для меня дело, я тоже стану сосредоточенным и целеустремленным... Но, может быть, наоборот—именно его врожденные серьезность и цельность помогли ему сосредоточиться и избрать себе главную цель в жизни, в то время как я еще не помышлял об этом?... Тут я терялся... Одно я чувствовал точно: мне нравились эти качества Глеба, и я прямо связывал их с его внешним обликом, и в ожидании, пока во мне выработаются такие же качества, я невольно начал заимствовать наружные признаки их—подражал медлительности Глеба, его неловкой походке, рассеянности, старался так же медленно говорить, запоздало смеялся...

И опять же—я замечал, что подражаю ему! Ах, это неизвестно откуда и зачем свалившееся на меня свойство все, решительно все замечать: в себе, вокруг, в других людях,—и замечать, как я замечаю, и успевать посмотреть, замечает ли кто еще, и попытаться определить—так же, как я, или нет! Свойство это, без привычки к нему, я воспринимал как обременительное, как очень мучительное порой, даже просто как недостаток, как «отрицательную черту» — инстинктивно понимал, что это свойство будто расщепляет меня изнутри, раздробляет, рассеивает как личность, а я, безусловно, хотел быть цельным, интересоваться чем-то одним и только об этом думать. Могло ли прийти мне в голову, что это означало, что я уже интересовался, давно и незаметно для себя увлекся только одним и только об одном и раздумывал—о человеке, о едином и первоначальном цельном человеке, неизвестно когда и как разделившемся—вот на бабушку, деда, маму, отца, дядю Васю, Глеба, на меня...—и что с помнящим упорным стремлением к цельности я стану снова собирать их в себе, со мною же, опять в единого человека, и снова он будет дробиться на многих людей, которых я еще узнаю, и всю жизнь, как завороченный, только и буду делать, что собирать, и следить, и пытаться постичь это бесконечное сходство и несходство, изменчивость и постоянство, разъединение и общность человека...

...Помню, был вечер, наша компания носилась по двору. Через двор к столу под яблонями, как обычно, проследовал Василий Андреевич со своим коллегой по педучилищу и соседом по дому Василием Михальчем. Неизменно в этот час Василий Михальч стучался к нему и с церемонностью спрашивал: «Готовы ли вы, сударь, пожаловать на ежевечернюю партию в шахматы-с?» И Василий Андреевич откликался: «С удовольствием, Василий Михайлович!»...

Мне вдруг расхотелось—убегать, догонять... Я постоял немного возле дяди Васи и его партнера, послушал тот характерный для шахматистов диалог, который ведут они почти бессознательно, уставая в фигуры, не глядя друг на друга и как бы не слыша ни своих слов, ни ответов противника, повторяя одно и то же на разные лады, то медленно и с раздумьем, а, когда наконец, решение найдено, с грозным весельем.

С похожей безотчетностью действий, словно ища чего-то, я покинул двор, прошел по улице, обогнул дом и вышел к обрыву. Будто впервые за все дни в городе я увидел далеко простирающиеся за рекой поля с темными разбросанными пятнами лесов и нашел среди них серую ленточку дороги, уходящую к горизонту, где уже ступились сумерки, и дальше, в нашу деревню. Вдруг представил я наш дом, бабушку с дедом, одних... Сердце мое сжалось, в пору было хоть сейчас ехать!

И наутро я уже уезжал, и опять было то же: уговоры погостить еще, и твердость, и чувство освобождения от чего-то, и предвкушение дороги... Все-таки откуда возникла эта тяга у меня, чьи предки всю жизнь сидели на своей земле?...

Минув кремль, я сошел с велосипеда и перед окончательным спуском к реке постоял у Караульной башни. Конечно же, лазили мы и здесь, бежали по широким крепостным стенам, протискивались в узкие бойницы, нависали над темными провалами в башнях, рискуя свалиться на груды осывающегося кирпича. Я вспомнил, как Глеб с уверенностью сказал мне: «Все это восстановят!» Я вообще очень хорошо почувствовал гордость, с какой показывал он мне эти призмистые, суровые, настоящие боевые стены и башни с грубо и несимметрично прорезанными на разной высоте бойницами—узкими и высокими, а еще прямоугольными, почти квадратными,—с глубокими и глухими каменными нишами, показывал щель, через которую поднимали и опускали несуществующие теперь ворота... С неожиданной в нем живостью Глеб тащил меня в музей, размещавшийся неподалеку от кремля, в церкви, говорил, что «вот эту кольчугу нашли именно здесь, у стен», с восторгом растолковывал воинственную символику старого городского герба: княжеская шапка, обнаженный меч и башня с расходящимися от нее лучами... Запомнилась мне висевшая там же, в музее, картина: молодая женщина с длинными светлыми, красиво разлетающимися волосами, прижимая к груди малолетнего сына, ступает на край башенной кровли. Это была княгиня Евпраксия, узнавшая, что муж ее, любимый князь Федор, отправившийся на переговоры с ханом Батыем, убит... «И абие наполнил слез и горести и ринуся из превысокаго храма своего, и с сыном своим со Иваном на среду земли, и заразиса до смерти...» Удивительно: до сих пор живущая старуха помещица как-то не интересовалась, ничего не говорила воображению, а эта, жившая бог знает когда княгиня... Ведь где-то здесь, на этих кручах, ринулась она «на среду земли»!.. Но более всего в кремле почему-то поразило меня место у Караульной башни, где я теперь стоял. Граненый ее цоколь мощно расширялся книзу, из щелей между белыми нижними камнями пробивалась трава. Стена в этом месте поворачивала и уходила вдаль, к следующей башне. Отвесная сверху, линия стены ближе к земле слегка преломлялась, а еще более преломлялась она, переходя в ровный земляной зеленый вал с пропеллинами рыжей глины. Вот эта округлость древней башни, прысло стены, угол между стеной и валом—никогда никакое историческое сочинение не сказало бы мне больше, чем это место...

...А потом так же долго стоял я и глядел на нашу деревню, когда показалась она, наконец, под горой, на ее крыши и ветлы, на знакомый изгиб речки, на окружающие леса и—с особенным чувством, будто вернулся издалека и после очень долгой разлуки,—на наш бутор, на одинокий вяз у колодца, крышу нашего дома... Казалось все это мылым, родным и почему-то очень беззащитным, и хотелось укрыть, защитить...

Валерий ПЛЕШАКОВ. Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные корреспонденты «Смены».

АНДРЕЙ, ЛЕНА, БОРИС И ДРУГИЕ...

РЕПОРТАЖ О РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

«Развивать совместную деятельность ВЛКСМ с государственными, хозяйственными и общественными организациями в решении вопросов, касающихся молодежи. Расширять контакты с постоянно действующими комиссиями по делам молодежи в Советах народных депутатов...»

Из резолюции
XVIII съезда ВЛКСМ.

Жмурое зимнее утро. Уличные фонари еще проливают свой блеклый свет на покрытую выпавшим за ночь снегом мостовую, а в кабинете ответственного секретаря комиссии по делам несовершеннолетних при Центральном райисполкоме Совета народных депутатов города Тулы Николая Павловича Брябрина уже сидит первый посетитель. Мы тоже присаживаемся у окна и наблюдаем, с чего начинается рабочий день этого немолодого уже человека, фронтовика, посвятившего себя благородной задаче воспитания (и перевоспитания!) подростков, чья жизненная судьба складывается пока не так, как у их большинства сверстников.

Напротив Николая Павловича— невысокий веснучатый паренек. Кличка—«Валет». Симпатичный в общении, общительный подросток, с заметно пробивающимися черными усиками. Держится непринужденно.

Из инспекции по делам несовершеннолетних в комиссию поступила информация о том, что Андрей Т. играет в карты на деньги. Мать Андрея на днях доставила в больницу с острым сердечным приступом, и парень остался один.

Николай Павлович незамедлительно вызвал его на беседу.

— Что случилось, Андрей?
— Ничего особенного. Зачем вызвали-то?

— Говорят, к картишкам пристрастился...

— Да, а что тут плохого? Карты развивают мышление.

— Ты так думаешь?
— Уверен.

Николай Павлович усмехнулся:
— Ну, а в шахматы умеешь играть?

— А как же!

На столе появляется шахматная доска.

— Садись,—пригласил Николай Павлович.

Паренек на мгновение растерялся, затем решительно пододвинулся к столу.

Белыми выпало играть Андрею. Ходил он деланно небрежно, но иногда можно было уловить его цепкий, внимательный взгляд, оценивающий по-

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.

зирно на доске. Минут через пятнадцать Николай Павлович потерял ладью и надолго задумался.

Андрей откинулся на спинку стула и засмучал. Наконец Брябрин сделал ход. Парень быстро ответил.

— Карты, говоришь, мышление развивают?—спросил вдруг Брябрин, и его ферзь нанес сопернику молниеносный удар. Исход партии был ясен: Валет следовал мат в два хода.

— Играешь ты неплохо,—постарался успокоить расстроенного паренюха Николай Павлович.—Если бы всерьез занялся шахматами, мог бы, мне кажется, добиться успехов. Ну, а карты...

Мелкие уловки, слепая вера в выигрыш, да и у игроков одно на уме: кто кого перехитрит. Ведь для них главное одно—деньги. Деньги любой ценой.

Кстати, у тебя-то много ли осталось после карточных встреч с друзьями?

— Мне хватит.

— Отец, что ли, помогает?

— А как же, по закону обязан,—покривился Андрей.—Интересы детей охраняются государством.

— Это верно. Только почему ты традишь их на игру в карты? Излишки завелось? Лучше бы матери на эти рубли в больницу гостинцев отнес.

При этих словах Андрей низко опустил голову.

— Пойми, Андрюша, ведь ты у матери единственная поддержка. Впрочем, какая ты поддержка! — Брябрин махнул рукой. — Балласт ты. Дерзишь, срываешь уроки. И во дворе все от твоих проделок страдают.

— Учусь я не хуже других. — Андрей поднял голову.

— Я не про твои отметки. Даже образованный человек может быть дрянью.

— Ну да, правильно. А взрослые каждый день только и твердят одно: «Не опаздывай на уроки, аккуратно выполняй домашние задания». А в этих обязанностях, как сказал один известный педагог, «узкое поле для борьбы и преодоления трудностей, для формирования идейных убеждений».

— Вот видишь, ты и Сухомлинского, оказывается, знаешь. Только поверхностно. Великий педагог больше всего ценил в людях аккуратность и точ-

справишься. А без среднего образования профессией в совершенстве не овладеешь.

— А примут меня? — неуверенно спрашивает Лена.

— А как же! Хочешь, я с тобой в школу схожу?

Девушка молча кивает.

— Тогда, — весело говорит Николай Павлович, — подходи сюда в пятницу часиков в десять. — Брябрин делает пометку на календаре.

— Спасибо вам, Николай Павлович. — Лена направляется к двери, но неожиданно поворачивается и тихо говорит: — За все спасибо.

Брябрин постукивает карандашом по столу и рассказывает:

— Нелегкая у девочки судьба. Полгода назад возвратилась из спецпрофтехучилища, куда была определена за бродяжничество и нежелание учиться. Все из-за семейной драмы. В детстве ни ласки не испытала, ни теплого слова не слышала. Отец дебоширил, потом был осужден за хулиганство.

ность. Эти качества позволяют преодолевать любые трудности. А насчет формирования убеждений... Не в темном сарае с колодой засаленных карт в руке они приобретаются. — Николай Павлович встал, положил руку на плечо парня. — О матери подумай, Андрей. Каково ей будет, если с тобой случится что-нибудь серьезное?

Парень ничего не ответил. Да и, судя по всему, Брябрин и не ждал от него каких-либо уверений и обещаний. Не в его это характере — вытягивать ни к чему не обязывающие клятвы.

Когда за подростком закрылась дверь, Николай Павлович сказал нам:

— Хороший в общем-то парень. Только трудно ему будет найти себя. Ох, как трудно! Но улице мы его ни за что не отдадим.

В дверь постучали. Как-то бочком, робая, в кабинет проскальзывает милостивая девушка лет пятнадцати. Брябрин радостно улыбается.

— Ну, рассказывай, Лена, как у тебя дела, как с жильем, с работой?

— Спасибо вам, Николай Павлович. Живу в общежитии, комната на двоих. Освоила профессию швей-мотористки. Вот вступаю скоро в комсомол.

— Рад за тебя, Лена. У тебя, кажется, восьмикласска? Дальше учиться думаешь?

— Боюсь, не справлюсь: трудно будет и работать и учиться.

— Ты же упорная, обязательно

Мать зашла, была направлена на принудительное лечение. Сейчас за судьбу Лены борется не только наша комиссия. Помогают партийная и комсомольская организации ателье, где она работает. Думаю, Лена на правильном пути и станет настоящим, счастливым человеком.

В три часа дня члены комиссии во главе с ответственным секретарем отправились инспектировать одну из школ района. Вместе с ними поехали первый секретарь райкома комсомола Сергей Казаков и секретарь райкома Геннадий Проценко — комиссия работает в тесном контакте с комсомольскими организациями района. Школа, в которую они выехали, несколько лет назад находилась в числе «передовиков» по части совершенных ее учащимися правонарушений. Школьная комсомольская организация запустила идейно-воспитательную и спортивно-массовую работу среди подростков. Нарушители дисциплины, прогульщики, что называется, зажали вольготно.

А потом в школе случилось ЧП. При загадочных обстоятельствах из спортзала были похищены кожаные маты. Похитителями оказались семиклассники, которые самовольно оборудовали в подвале одного из домов тренировочный зал, где занимались... борьбой и боксом. Пока их не задержали работники милиции.

Брябрин вместе с райкомовскими работниками стал разбираться в слу-

В УЧЕБНОМ ЦЕХЕ.

«ЖЕЛАЮ ТЕБЕ УСПЕХОВ!»

жившемся. Обнаружилось, что спортивные залы от микрорайона на значительном расстоянии. Уроки физкультуры в школе проходили скудно, часто срывались, секций вообще не было. Вот и потянуло ребят к самостоятельности. Надо отдать должное работникам Центрального райкома комсомола, которые вместе с членами комиссии сразу после этого случая принялись исправлять положение. Были проведены субботники и воскресники, построены дворовые спортивные городки, хоккейные коробки, волейбольные площадки. Пустьерь очистили под футбольное поле. Из числа лучших спортсменов района выделили тренеров-общественников. Над трудными подростками взяли индивидуальное шефство члены районного комсомольского оперативного отряда. Ввели в практику еженедельные рейды с посещением неблагополучных семей. Вся эта работа в комплексе скоро дала ощутимые результаты: ребята стали лучше учиться, снизилось количество правонарушений, совершаемых подростками.

Что же касается сегодняшнего выезда членов комиссии и комсомольских активистов в школу, то он понадобился исключительно как профилактическая мера.

На следующий день мы застали Николая Павловича в тот момент, когда он перелистывал свою записную книжку.

— Сегодня надо бы зайти к Юрию Б. Скоро месяц, как возвратился парень из спецпрофтехучилища, а ни слуху, ни духу о нем. Не стряслось бы чего-нибудь...

Дверь открыл сам Юрий. Нечесаный. Рубашка расстегнута. Увидев знакомых людей, вздрогнул, а на вопрос: «В гости-топустишь?» — недовольно проворчал: «Болен я, чего зря пристаешь?»

— По-моему, ошибаешься ты, Юра, — твердо сказал Брябрин, в упор смотря на подростка. — Не болен ты, а пьян. Где и с кем пил, признавайся.

— Да угостили тут мужики, — проворчал Юрка. — Друзья. Познакомились, ну и вып... пили немножко...

— Интересно... — Брябрин присел к столу. — Не работаешь нигде, дружок завел сомнительных, вот и выпивать уже стал. Что-то тут не так, Юра. Давай-ка начистоту. Кто поил? Откуда деньги?..

Долго пришлось Николаю Павловичу «располагать» к себе парня, пока тот наконец не сознался, что познакомился сегодня утром с двумя «добрыми» дядями. Те пригласили Юрку в кафе, там вместе с ним выпили, дали еще денег на вино и попутно попросили вроде бы о пустяке: припрятать дома кой-какое «барахлишко».

— На сколько намечена встреча? — спросила участковый инспектор Людмила Фирсова.

— Через час.

Когда сотрудники уголовного розыска прибыли на «свидание» и забрали двоих «добрых» дядей, те оказались опасными преступниками, совершившими в разных городах страны различные преступления.

О Юрке между тем не забывали. Парень и сам был напуган происшедшим. Поступил с помощью Брябрин на оружейный завод, стал осваивать профессию токаря.

— Из парня толк будет, — уверенно заключил начальник учебного цеха Сергей Максимович Минаев. — Правда, вспыльчивый очень, ершистый. Ну, да в нашем коллективе не один уже такой перековался. Поумнеет, я уверен, и Юрка, будет мастером своего дела. Ребятам есть с кого пример брать на заводе: с молодежью работают такие замечательные наставники, как Герой Социалистического Труда слесарь Геннадий Пушкин и лауреат премии Ленинского комсомола слесарь Владимир Горбатов. Воспитание молодого рабочего — дело хлопотное, но ответственное, и мы ежегодно выдаем постоянные пропуска на завод более ста подросткам с трудной судьбой. Это пополнение — очень, конечно, беспокойное — присылают нам Николай Павлович Брябрин и другие члены районной комиссии по делам несовершеннолетних.

Такая у них работа — трудная, благодарная и благодарная.

Владимир Монастырский
Ходит прямо, хлопцем

Высокий смысл ответственности

Спокойной и размеренной была жизнь Бориса в родительском доме. И будущее казалось ясным и определенным: после школы — институт. Но умирает отец. И мать, не имеющая специальности, житейски беспомощная, остается с сыном и дочерью-школьницей. В это сложное время мы и знакомимся с героем повести «Ходи прямо, хлопцем», давшей название книге краснодарского писателя Владимира Монастырева (издательство «Современник»).

Резко меняется жизнь Бориса. Он чувствует себя главой семьи. Груз ответственности за спокойствие и благополучие семьи неожиданно ложится на его плечи. Мечта об институте откладывается — надо приобретать профессию и зарабатывать на жизнь. И Борис устраивается в одну из рыболовецких бригад, что работает на Азовском море. Здесь к нему приходит и первая любовь и первое осмысление окружающего мира.

Борис привлекает нас главным — нравственной чистотой, душевной стойкостью и бескомпромиссностью. И, расставаясь с Борисом, хочется верить, что он и дальше будет идти по жизни прямо.

Казалось бы, совсем не похожа на юного Бориса героиня повести «Диспетчер Баранова». Клавдии Барановой сорок лет. О таких, как она, обычно говорят: «Не сложилась личная жизнь».

Действительно, что, казалось бы, может быть общего у этой выдавшей виды женщины с юном, только вступающим в жизнь Борисом. Но чем дальше развивается перед нами действие повести «Диспетчер Баранова», тем отчетливее мы понимаем, что ее роднит с Борисом та же непримиримость к любой фальши, нравственный максимализм.

Образ Клавдии Барановой — явная удача автора. Это характер незаурядный. Резкая, прямая, несдержанная, она «принадлежит к числу тех людей, которые всегда, при любых обстоятельствах встают против несправедливости — и в большом и в малом. Дерутся, не думая о себе и о том, чем та драка кончится».

Повесть «Диспетчер Баранова» написана основательно, раздумчиво. Ее краски спокойны, неброски. В. Монастырев избе-

гает соблазнительной эффектной занимательности, хитроумного петляния сюжетных ходов, предпочитая простоту, ясность — почти прозрачную, подлинную, глубинную. В обычном, внешне как будто заурядном, ничем не примечательном писатель ищет и обнаруживает редкое, высокое, значимое.

Смысл жизни... Как жить, чтобы, чем живешь ты, было необходимо другим людям?

Каждый из героев книги В. Монастырева по-своему отвечает на эти вопросы. Но к каждому из них можно отнести слова, сказанные о Клавдии Барановой, — «настоящий человек».

В своей новой книге В. Монастыреву удается за простыми словами и поступками героев подметить очень важное и существенное. Подметить и рассказать об этом без лишнего пафоса, просто и серьезно. Тонко и ненавязчиво, никогда не впадая в дидактический тон, писатель учит нас быть стойкими на крутых поворотах, учит человечности и благородству.

Елена ВЛАДИМИРОВА

ПОЭЗИЯ

На бессонных дорогах планеты

Лирический герой стихов Владимира Виноградского — наш современник с характером твердым, непримиримым. Но при этом нет в нем модной сейчас рациональности, напротив, он буквально пронизан романтическим пылом ушедших, казалось бы, навсегда отменчивших свое семнадцатилетие.

Первая книга стихов Владимира Виноградского «Есть такая земля» («Молодая гвардия», 1978 г.) не просто начало творческого пути, это и серьезный экзамен. Пышные образы и аллегории отсутствуют в стихах Владимира Виноградского, ему присуща скромная, неброская манера письма. Ни внешнего блеска, ни погони за новыми формами. Он пишет традиционно, но свежест, честность мышления, созвучие времени, точность скрупулезных образов обязательно привлекут читателя.

Много было пройдено, много увидено — целина и сибирские стройки, дороги, дороги, встречи с добрыми и недобрыми, как это неизбежно в жизни, людьми. Дороги — лейтмотив поэзии Владимира Виноградского, и хотя это само по себе романтично, конечно, не в географии смысла его творчества. И бессонные ночи у тлеющих костров не для красного словца. Просто у поэта часто не было другого времени для раздумий о судьбах и путях современников, для творческих исканий. Да и не вспомнить эти трудные походные ночлеги было бы нечестно по отношению к себе, к товарищам, к жизни. Они в прошлом, нелегкие дни и ночи строек и таежных привалов. Но они звучат в стихах доцента факультета журналистики Московского государственного универ-

ситета Владимира Виноградского, а значит, они навсегда останутся в его сердце.

А у нас закаты, как пожары.
А у нас дороги спят в пыли.
И хороших писем ждем мы жадно,
Словно новых песен о любви.
Бредит степь, стеклянная от зноя,
Противным, бушующим дождем.
Ты, любовь, мечталась нам такою.
Мы тебя всю жизнь такую ждали.
Чтоб от ветра губы распухали,
Солнце жгло до боли не шутя...
Чтобы писем от любимых ждали,
Словно степь целинная — дождя!

Лирические строки зримо наполняются публицистическим звучанием. Пример тому — великолепное стихотворение «Над Вислой»: образ растерзанной фашистами, безмерно страдающей и возродившейся для бессмертия Варшавы. Та же тема борьбы с самым страшным злом, которого должно всегда остерегаться человечество, — фашизмом, тема победы мира и счастья — в очень мягком, сдержанном по стилю, но полном внутренней силы, страстной непреклонности стихотворении «Сердце Шопена». Интересен и эмоционально насыщенный цикл стихотворений, явившихся результатом зарубежных поездок. Видимо, дороги дают жизнь всей поэзии Владимира Виноградского и будут источником его новых творческих удач.

Валентина
МИХАЙЛОВА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сердце настежь

Нуждается ли Маяковский, давно уже осознанный как явление мирового масштаба, в какой-то рекламе? Надо ли открывать поэта, разговаривающего с нами так накоротке, что, разумом понимая его «Я» — обобщенный художественный образ, — все равно находишься под обаянием непосредственного, без околнностей — «Разрешите представить», Маяковский — рассказа «О времени и о себе»?

Подобные вопросы звучат риторически. Но все же они не случайны, хотя знакомые читателей с автором рекомендуемой книги («В. Маяковский. Громеда любви», «Молодая гвардия», 1977 г.) необходимости, может быть, и нет. Ведь поэта, чье прочно сроднившееся с эпохой творчество как никогда актуально сейчас своей открытостью идеалом, за частую просто «проходят» в школе.

Маяковский наших дней — достояние нового читателя. Этого современного читателя уже вряд ли заденет за живое рафинированный до схемы образ «лучшего, талантливейшего», каким некоторые литературоведческие комментарии анонсируют поэта-новатора.

Встающий со страниц своих «партийных книжек» настоящий Маяковский сложнее, пройденный им «путь познания» — драматичней. И именно этот противоречивый порой, но всегда одухотворенный поиск слова сделал его певцом миллионов.

Не останавливаясь подробно на особенностях лирического дарования поэта — во вступительных очерках сборника об этом говорится достаточно полно и убедительно, — подчеркнем только, что это лирик глубочайшей человеческой отзывчивости. С «необычным» лириком и знакомит нас выпущенная в серии «Тебе в дорогу, романтик» «В. Маяковский. Громеда любви».

Конечно, трудно разместить такого большого в творчестве и в жизни художника в сотне другой страниц популярного издания. Но стихотворный материал подобран с научной строгостью знатока и горячей приверженностью поклонника поэта. Молодому поколению, отправляющемуся в прекрасную дорогу жизни, сборник предлагает стихи о любви, понятии емком и многозначительном у Маяковского. Здесь и поэма «Облако в штанах», и отрывки из поэм «Война и мир», «Человек», «Хорошо!», «Во весь голос», стихотворения «А вы могли бы?», «Юбилейное», «Письмо товарищу Кострову» и другие.

Получается удивительная вещь: чувство, которое, казалось бы, никак не вяжется с суровым обликом «агитатора, горлана-главаря», — любовь на деле оказывается главным из того, что придавало стремительное движение его поэзии, питая «сердце-мотор». А это сердце билось, будет биться, в такт веку отсчитывая шаги поэта в «коммунистическое

Мгновенно исчезнувший с прилавков — при тираже 200 000 экземпляров и частых переизданиях Маяковского у нас в стране — сборник, несомненно, порекомендует книголюбам. Помогли же интересной встрече с любимым поэтом составитель и автор вступительных очерков кандидат филологических наук А. С. Субботин, автор примечаний В. В. Макаров, художник Л. Непомнящий и работники издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Евгений ЗАШИХИН

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

О завещанном и святом

Уже давно нам известно про блоковский Святой камень. Его нашел художник Юрий Васильев, разрыл к краю деревни Осинки, в овраге взрослую было уже совсем в землю матерую каменную глыбу. А иные крестьяне помнят: Блок знал камень, проходил мимо него часто, а ребятишки крестьянские осиновские играли здесь всегда в прятки.

Теперь стоит Святой камень в Шахматове, на месте, где был когда-то дом великого русского поэта. О том, как отыскали этот камень, написал Станислав Лесневский в только что вышедшей книжке «Завещанное, завещное» («Молодая гвардия», 1977 г.), выступив в ней защитником того хрупкого, нежного и того нетленного, негасимого, живучего, что называется душой народа, его культурой. Отстаивать ее оказывается подчас непросто, в боях, пусть бескровных, но жестоких — с косностью, невежеством, потребительством, а победы в этих сражениях помогают обрести тем, кто обрести способен то, без чего человек не человек: рациональное достоинство.

О чем эта книжка? О знаменитом Ипатьевском монастыре в долговечной Костроме; о прониновенном старинном художнике Григории Островском; о Вологде, Владимире, Рязани; о селе Константинове, где родился Есенин; о нерукотворно-божественном силуэте церкви на Нерли; о нашем современнике, поэте Александре Яшине; о Пушкине. Все это — Россия. Родиться в ней — еще не значит быть русским, не географическое это понятие, не от пропускать оно зависит. Быть русским — это нести в своей душе, в своей крови и памяти все народом созданное, рожденное: от «Слова о полку» и живописных гармоний Рублева, от бывальщин и сказаний до стихов Блока и Есенина, ибо здесь народ воплотил свой дух, здесь то, что формирует национальное наше сознание и питает наши корни. Об этом пишет Лесневский, и книга его похожа на проповедь.

Станислав Лесневский — литературный критик и пишет обычно о стихах. Чаще всего встречаешь в его статьях имя Александра Блока. Потому и неполной была бы книга, если бы автор не сказал здесь о нем своего слова.

Стоял недалеко от Москвы, в Шахматове, дом. Дом как дом, совсем простой, скромный, но так одухотворенно-любимый были Блоком эти места, что в них для него соединилась вся деревенская Россия, горькая и прекрасная, поведанная этим поэтом и человеком «бесстрашной искренности», как никем другим. Здесь были написаны, быть может, лучшие его стихи — гордость русской культуры и достоинства народа нашего. Этого дома сегодня нет. Есть бескрайние дымчатые дали, холмы, небосвод, и есть люди, которые еще помнят Блока. Теперь на месте дома стоит Святой камень. Селтой и вечной — как стихи великого поэта. Во имя любви к ним исходил автор нашей книжки все эти места, испросил каждого, кто помнит о далеких и близких временах, когда жил здесь Блок, и рассказывал нам об этом с любовью.

Эта любовь — к Родине, прошлой которой сурово и прошлое которой прекрасно. Прекрасное это внутри нас, в завещанной нам памяти. «Слишком много слито в этом слове, — пишет автор. — И если бы мне нужно было в одном слове дать наказ своему сыну, то я сказал бы: — Помни!».

Книжка Станислава Лесневского небольшая, но проблемы в ней поднимаются существенные очень для всех нас. Мал золотник, да дорог.

Александр БАСМАНОВ

Поле детства в пене иван-чая,
в молодых побегах ячменя,
поле пело, мятой привечая,
розовою кашкою меня.
...Вспомнив синь сиреневого сада,
летних птиц неистовый хорал,
я в Алжире собирал маслята,
под Аделаидой мяту рвал.

Даже при волшебном удаленье
в космос или на краю земли
не прожить без соприкосновенья
с миром, где мы детство провели.

— Есть ли ощущение простора?
— Есть ли ощущение высоты?

Без них очутишься ты скоро
на грани вечной нищеты,
не той печальной, но условной,
когда нет хлеба на столе,
а той, позорной и духовной,
когда живешь как червь в земле.

Оттого на сердце нет заботы,
оттого моя душа светла,
что, верша ошибки и просчеты,
все-таки не сотворю я зла.

Не разыгрываю я святошу,
просто я на жизненном пути
на себя взвалил большую ношу,
думал лишь, как ношу донести...

Мать моя скончалась очень рано,
а могла бы жить еще да жить...
Та незаживающая рана
помогла мне душу обнажить.

И от той трагической потери,
боли ощутив горячий свет,
искренним я стал без всякой меры,
даже искренним себе во вред.

Кто оценит жизнь мою?
Из каких мужчин и женщин
Подойдет ко мне оценщик
И оценит жизнь мою?

Впрочем, надо ль оценивать?
Жизнь — она не невод рыбы...
Впрочем, пару слов сказать,
Может, вы о ней могли бы?

А каких же пару слов?
Покрасивше иль посуше?
Только не были бы хуже
Тех, что слышал от врагов.

Ну, скажите:
«Жил да был...»
Это очень много значит.
Это не переиначат.
Ну, скажите:
«Жил да был...»

И по-царски жил, и жил несыто,
путь был и ликующ и суров,
главное, что прожил жизнь открыто,
жизнь не замыкал я на засов;
слово дам — умру, а не нарушу,
ибо в чести человека суть.
Каждый может заглянуть мне в душу,
только встань на цыпочки чуть-чуть.

Женщины, которые любили,
постарали, сникли и ушли...
В солнечной и золотистой были
лишь твой образ светится вдали.

Встреча наша редка, но желанна,
просто так к тебе не подойду...
Ты, как потаенная поляна,
чьи цветы вдыхаю раз в году.

Болгарии

Владимиру Голеву

Славянства слава и праматерь,
так живо мой объемлет взор
твоих равнин зеленых скатерть
и складки вознесенных гор.

Нет, не из-за хвалы застольной,
не за наград манящий звон
я воспевал твой облик вольный
с почти мальчишеских времен.

Ну, разве, нежно мать лаская,
сын в ясности души своей
мечтает, чтобы мать родная
ему ссудила сто рублей?

Ну, разве дед под Плевной грозной,
хватая воздух ртом сухим,
мечтал, чтоб лавр венеценовский
торжественно гремел над ним?

Я пел, прося одну лишь милость,
не пряча от судьбы лицо,
чтоб наших уз нерасторжимость
вплетала и мое кольцо.

Пес подбитый, скворушка робкий
с опаленным где-то крылом
ковылял по рыжей тропке,
как два брата, ко мне вдвоем.

Это было на грани сказки,
когда я им возле крыльца
делал ловкие перевязки
и кормил щенка и скворца.

Почему, мне совсем чужие,
почему они вдруг решили,
что приду я на помощь им?
Мы ведь не в родстве и не в свойстве,
отчего ж душа в беспокойстве,
как склоняюсь к моим больным?

Люди верят, что мир венчают,
что умнее мига стократ...
Ну, а твари нас различают
и не к каждому в дом спешат.

Переводя Евтима Евтимова
Сколько лет дружили, как дружили!
Позавидуют нам, славный друг!
Ничего, что порознь жизнь прожили,
сердце ощущало сердца стук.

Но теперь с тревогою великой
в первый раз за эти двадцать лет
я склонился над твоею книгой
как твой переводчик и поэт.

И впервые с небывалой силой,
как светёлка, распахнулся мне
образ твой, доверчивый и милый,
сердце, раскаленное в огне.

Как тебя любили, предавали,
возносили, били навзничь с ног.
Только я и в счастье и в печали
со своей судьбой сравнить бы мог.

И пытаюсь передать искусно
в ясных строках русского письма
южное сжигающее чувство,
и меня сводившее с ума.

Как важны мне успехи друзей,
чтобы справа и слева успехи,
чтобы книги их были, как вехи,
на глазах у республики всей.

Лежебокой не станешь лежать,
неторопоко почесывать пятки
и себя несравненным считать
по своей безмятежной раскладке.

Честолюбие, конь вороной!
Я тебя спозаранку седлаю.
И уж сам я напрягся струной
и в работе не ваньку валяю.

И не в чей не вступаю я след,
я в телеге чужой не поеду,
возбужден я от братских побед
и свою настаю победу.

А коль было б в искусстве мертво,
не свистели б друзья оглашенно,
я б и сам не свершил ничего,
ковылял бы по ниве блаженно.

Жизнь не может склоняться к закату!
Несводимы ведь жизнь и закат.
Только молодо, только крылато,
только пламенно годы летят.

Жизнь на свете прекрасна не тем ли,
что, до крайнего мига светла,
вдруг ударила молнией в землю
и победно сквозь землю ушла?

Я своим у каждого народа
ощущал себя,
ибо братство для меня
не мода...

Сможешь жить, любя
чьи-то песни,
чьи-то письма,
быт
иной понять,
судьбу,
природу,
только если своему народу
отдал жизнь сполна.

Был товарищ, но я, прозревая,
понял вдруг: не товарищ он мне.
А мы шли от блокадного края,
наше детство пылало в огне.

Ах, как горько, как страшно прозренье,
ах, какой я тоской обуян,
общность мыслей и общность паренья
отрицаю, как фальшь и обман!

Понимаю с душевною болью,
за доверчивость каюсь стократ,
— наша близость сводилась к застолью,
где слова, как посуда, бренчат.

Но я знаю: счастливы потери,
если вспыхнет душа чистотой,
если пошлость, хотя б в некоей мере,
ощутишь вне судьбы за чертой.

Смогли ли златые мониста.
А златые ли? Я не скажу.
Ах, как осень заманчиво чиста...
Ясным отроком в осень вхожу.

Говорят иностранцы:
— Ленинград — удивительный город,
не сравнимо ни с чем
совершенство дворцов, площадей...

Говорят москвичи:
— Что за радость — свиданье с Невой!..

Я молчу,
я не выскажу чувств
в этом городе жизни моей.

Здесь прошел я дорогу
от хвалы до хулы;
от блокадной крови
и до первой любви;
здесь от горя ни с счастья,
сквозь славу и зло
брел
не с поводьями —
меня Время вело;
здесь не в заводи затхлой,
не в мещанской тиши
постигал величавость я
русской души;
здесь за все испытанья свои
наконец
дружбы чистой и верной
я принял венец.

Этот город не город,
а сердце мое.
Этот город не город,
а мой талисман.
Этот город не город,
а песня моя.

Расставайтесь сразу, разлюбив.
Расставайтесь сразу.
Коль померкнут радость и порыв,
не целый ни разу.

Выход не найдете, видит бог!
Чувство утихает.
Обожженный инеем цветок
просто увядает.

Рисунок
Владимира
РОДИНА

«Совместными усилиями партийных, профсоюзных, комсомольских, хозяйственных организаций необходимо создать во всех трудовых коллективах атмосферу творческой и дружной работы, в которой каждый трудящийся мог бы полнее проявить свои способности, чувствовал высокую ответственность за результаты как своего труда, так и труда коллектива».

Из постановления ноябрьского (1978 года) Пленума ЦК КПСС.

Пригородный электропоезд «Новокузнецк — Гидрошахта» отошел от вокзала, как обычно, полупустой. Павел Глазырин перешел из вагона в вагон, пока не увидел знакомых. Пожал руки, прибавил к газетным сверткам на полке свою «забутовку» — так кузбасские шахтеры называют еду в перерыве между работой.

— Ну чего, Паша? С тебя вроде причитается.

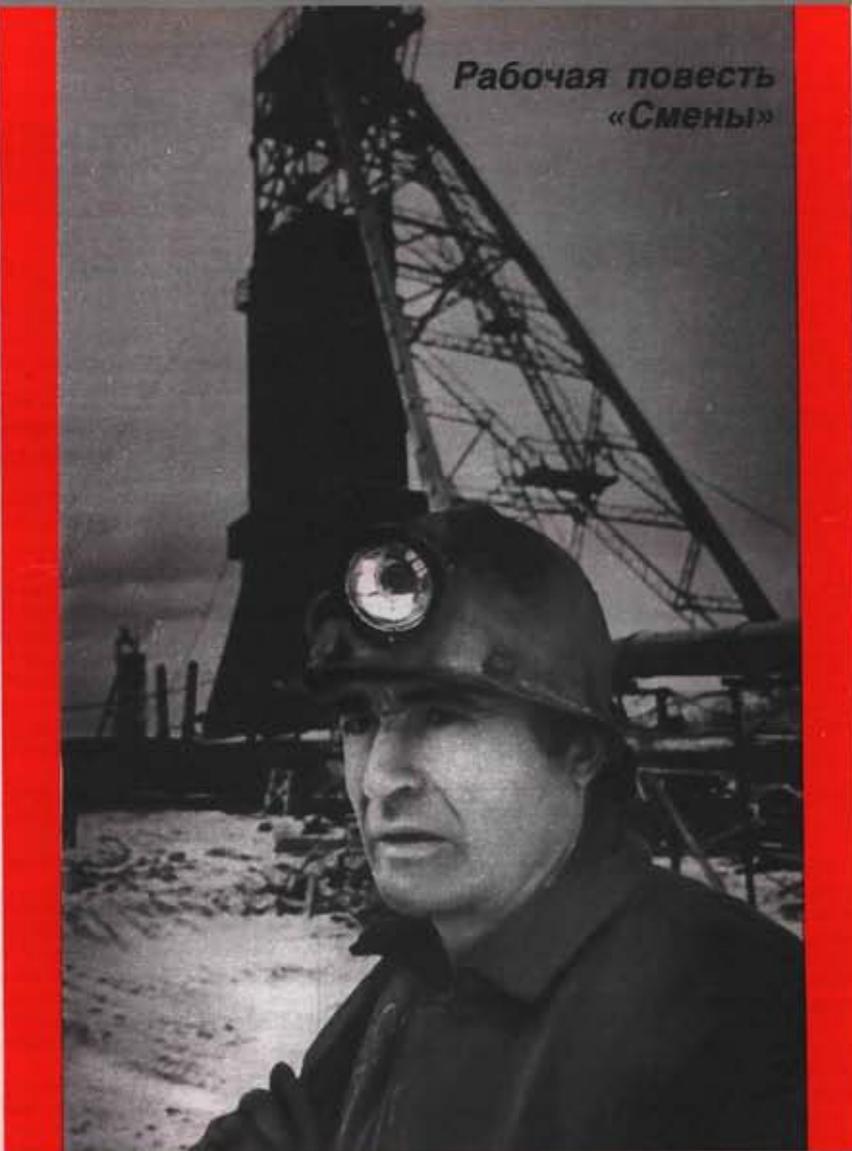
— Да он его, орден, уж когда получил? Скоро второй отхватит. Точно, Паша?

— Не в ордене дело. Миллионером скоро будет. Слышь, верно, что тебя к Мусохранову в новую бригаду кидают?

Бесхитростное, со вздернутым слегка носом лицо Павла сникло. Он недовольно пошевелил губами, достал сигарету и вышел в тамбур. Следом направилась остальная. Всех заинтересовали подробности происшедших на шахте событий.

Чем два года назад славилась в Кузбассе «Юбилейная»? Добычей и тран-

Владимир ФРАНЮК

Рабочая повесть
«Смены»

первых, ее ядро образовали двадцать шесть асов-смирновцев. А уж к ним набрали около сотни горнорабочих. Вторых, те же прославленные смирновцы взяли над новичками шефство, официально скрепленное договором коллективного наставничества. В-третьих, Мусохранов дополнительно дали более совершенные комбайны с дистанционным управлением.

И, все же причин для отставания с выполнением плана хватало. Сказывалась разношерстность собранных людей. Но в основе неудач таилось другое, чего, кажется, никто не предусмотрел. Оттого и пошло все с самого начала кувырком.

Наряды перед сменами на десятом участке проходили бурно. При распределении экипажей по забоям то и дело возникали споры.

— Глазырин с Тресиним едут до сбойки, потом наращиваются, — давал задание экипажу комбайна начальник участка.

— А крепить кровлю кто будет, папа римский? — перебил машинист. — Мудрецы нашлись. Я не крепильщик, мое дело добывать уголь!

— Паша-Паша, — сказал Мусохранов.

— Чего Паша! Ты бригадир или?.. Вспомни, чего обещал людям. И перевыполнение и заработка! Где все?

— Знаешь не хуже меня. На углубку пошли, давление усилилось. Без крепи не обойтись. Так что придется и уголь давать и кровлей заниматься.

— Ничего себе! Выходит, условия с шестым участком разные, а миллион на равных и они и мы дай. Ну, действитель!

— У нас больше народа, чем у Смирнова. Шансы одинаковые.

— Да проку с того народа, Женя! Вот Галиев здесь, комсорг. Скажи, Мансур, разве такая должна быть комсомоль-

Фото Юрия УСТИНОВА

ГИДРОШАХТА

спортивной уголь с помощью воды? Не только. Бригадой «миллионщицей» Геннадия Смирнова. Первой в стране очистной бригадой, выдавшей на-гора за год больше миллиона тонн угля.

Это уже после на «сухих» шахтах достигли миллионного уровня известные бригады Чиха, Мурзенко и других, а первыми были они, смирновцы.

Неполные пять десятков человек, по существу, выполняли план приличной шахты. Поэтому и числились люди на особом положении. Говорят, устроиться в бригаду Смирнова — все равно что избраться действительным членом Академии наук.

Преувеличение небольшое. Бригадир — Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР. Квалификация каждого рабочего — профессиональное совершенство. Зароботная плата любого чуть ли не вровень с окладом академика.

Так вот, машинист угольного комбайна Павел Глазырин был из той бригады и теперь покидал ее. Курившие в тамбуре все допытывались у Паши, на сколько времени его отлучают от Смирнова.

— А ни на сколько, — сердито ответил Глазырин. — Сам перехожу.

Он вернулся в вагон, подсел к окну. На остановках заметно прибавлялось народа. Новокузнецк — город промышленных поселков, многое вокруг связано с историей освоения Кузбасса.

Скажем, железнодорожную ветку, по которой шел пригородный электропоезд, проложили в начале строительства Западно-Сибирского металлургического завода — знаменитого теперь Запсиба.

С той поры минуло почти двадцать лет, и ничто уже в округе не напоминало о палатках, бараках тысяч строителей-добровольцев. Сейчас под Записибом вы-

рос целый город-филиал. Остановка называется «Сад металлургов».

После нее в электричке становилось тесновато. Народ ехал главным образом заводской, но входившие шахтеры неизменно собирались вместе.

— Слыхал, бригаду сколачивают. Комсомольско-молодежную. Мусохранова вроде на нее ставят.

— Ставят! Тебя или меня не поставили. Сам в хомут полез твой Мусохранов. Посмотрим, чем ихняя кутерьма кончится.

— А что смотреть! И пойдут ребята. Хватит им на подхвате бегать.

Залсиб приближался, обветренный сизым маревом. Рыжеватый оттенок особенно сгустился над домами. Для нужного там кокса и качала уголь «Юбилейная».

Павел смотрел через запорошенное темной пылью стекло и думал, что еще не поздно все переиграть. Можно было честно сказать Мусохранову: «Женя, я должен остаться у Смирнова. Понимаешь, семья...»

И сразу мысль: а у Мусохранова, значит, не семья? И уходил Женя от того же Смирнова. Со звеньевого. Ради чего?

Совсем рассвело. После остановки «Космическая», где из вагонов выходили последние заводчане, в электричке оставались только едущие до гидрошахты.

За окнами появились сопки. Чем дальше, тем выше. Поросшие редкими деревьями, застывшие в диковитой сибирской красоте. Ничто больше не напоминало индустриального пейзажа Запсиба.

— Случайно, не по ним транспортируется уголь? — спросил паренек, кивая на ряды труб вдоль железнодорожного пути.

— Случайно, по ним, — неохотно ответил Павел.

— Грандиозно! Ни терриконов, ни составов с углем.

Глазырин осматривал парня. На рабочем не похож, для специалиста молод.

— Студент, что ли?

— Пока нет. Оформлюсь на шахту и подам документы в вечерний.

— На ша-ахту! Ты смотри.

— Не боги горшки обжигают, правда ведь? Кстати, давайте познакомимся. Вячеслав. Можно просто Славик.

Глазырин посмотрел на лучезарную физиономию Славика, на протянутую руку. Недоуменно пожал ее.

— Чудило.

— А вы, случайно, не из комсомольско-молодежной бригады?

— Ну, допустим. — Глазырин вздохнул.

— Серьезно? Я комсомолец, имею второй разряд по гимнастике. Как вы думаете, примут в бригаду?

— Отмолотишь года два доставщиком, выучишься на гроза...

— На гроза?

— На горнорабочего очистного забоя, гроза сокращенно.

— Согласен.

Глазырин, вставая, качнул головой.

— Ка-адр.

Двери электрички зашипели пневматикой. Конечная. В окружении сопки несколько зданий да башня шахтного копра с не выключенной после ночи красной звездой.

За первый месяц существования комсомольско-молодежной бригады вместо 70 дала 53 тысячи тонн угля. При всех-то созданных для нее условиях.

По расчетам руководства, успех новой бригады должны были обеспечить тщательно продуманные меры. Во-

ско-молодежная? Кто собрался-то? Юнцы неразумные. Языком привыкли болтать... Милльон выдадим! За миллион уродоваться надо, а не спать в заходке!

На остальных участках давно заканчивали распределять задания, а десятый шумел, торговался. Прежде чем направиться в раздевалку, сворачивали доспорить в курилку.

Мусохранов потемнел лицом от такой жизни. Скуластый, с черными широкими бровями, выбритый до синевы щек, он по характеру не отличался особой разговорчивостью, а тут вовсе замкнулся.

Молодежи его тридцативосьмилетний возраст, большой подземный стаж, ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, знаки «Шахтерская слава» трех степеней внушали известную почтительность, заставляли уважительно величать Евгением Сергеевичем. Но на стоящую цену ему знали лишь те, с кем Мусохранов доводилось работать раньше.

Соглашаясь на бригадирство, он рассчитывал найти в товарищах опору. Профессиональное мастерство Глазырина, Громкова, Рудакова, Лебедева, Золотовецкого да и других представлялось решающим для трудового соперничества с бригадой Смирнова, но не так-то просто складывалось все на десятом участке.

Планируя результативность комсомольско-молодежной бригады, специалисты упустили из вида одно немаловажное обстоятельство. Выделенные ей для разработки пласты находились гораздо ниже уровня, где на шахте добывался уголь, и образовывали так называемый второй горизонт.

До тех пор нарезки штреков, к примеру, в бригаде Смирнова велись без

укрепления свода. Округлый контур способствовал удержанию кровли, и шахтеры заботились только о сохранении высоких темпов выработки. Люди же с десятого участка первыми на «Юбилейной» ощутили действие усиленного горного давления. Но, разумеется, главная беда заключалась в нехватке опыта гидродобычи на глубоко залегающих пластах. Уголь здесь не рубят, а «моют». Хотя, кроме мониторов, есть и оснащенные отбойными органами комбайны и комплексы с механизированной щитовой крепью, вода тут всему хозяйка.

Правда, Мусохранову, с учетом трудных условий, разрешили набрать вдвое больше народа, чем было у Смирнова. И кое-кто рассчитывал, что энтузиазм доброй сотни здоровых парней способен преодолеть все на свете.

Парни действительно многое преодолели. Но перед ними стояла слишком высокая цель, в общем, недостижимая для великого множества похожих бригад: за год добыть миллион тонн угля! Сразу одним, как говорится, махом, сравнялись со знаменитостями!

Сбивались предсказания ветеранов. Заработок у «пенкоснимателей» снизился до тарифной ставки. Что ни день ведь, то простои. А гидрошахта, она такая: не заладилось где с комбайном или монитором — вода к ним перекрывается, важно сохранить ее напор для остальных агрегатов.

На традиционной шахте непрерывно занимаются откачкой воды, в борьбе с затоплением ухлопываются немалые средства, а «Юбилейная» использует грунтовую воду как почти дармовую энергию. Почти, потому что эту воду замкнутым кругом гоняют, насосы. И не только гоняют, но и подают к агрегатам под давлением. Зато от мониторов, комбайнов она, превращаясь в пульпу, самостоимательно выработками несет размельченный уголь...

Клокочущая темными петляющими уклонами, пульпа способна так воодушевить, что не хочется останавливать добычу для закрепления кровли.

Вот где начиналась морока. По инструкции нужно через два метра бурить в своде глубокие отверстия-шпурсы, забивать туда длинные стальные стержни-анкеры, а к ним привинчивать половинки распиленных вдоль бревен — однорезки. Еще свод крепится металлической панцирной сеткой. Также отнимает не меньше времени...

Ну и находились бесшабашные головы — лезли вперед без остановки по десять метров.

А Толик Никифоров, принятый в бригаду машинистом после окончания горного техникума, не закрепляя кровлю, прошел однажды двадцать два метра.

Пока кабель дистанционного управления позволял машинисту находиться под крепью, помощник, опытный шахтер Василий Борисович Зезиков, беспокоился о комбайне.

— Не дури, Толька! — кричал он в шуме Никифорову. — Засадим машину — месяц!

С надеждой на грудь кнопочным пультом, прозванным шахтерами «баяном», Толя, не отрываясь, смотрел в забой, ногой пробовал натяжку электрокабеля и водяного шланга. Зезиков вытягивал их из пульпы, подтаскивал, чтобы комбайн продвинулся еще вперед.

Молодой машинист явно наслаждался собственной работой. Пальцы давно онемели на кнопках от напряжения, в водяной пыли плохо различались ниша забоя, ходящий по ней вкруговую отбойный орган — шарошка.

— Не дури, Толька!

— Слабину, Борисыч!

Когда Никифоров вслед за комбайном вышел из-под укрытия, это уже граничило с самоубийством. Опытный помощник решительно нажал на «баяне» кнопку выключателя.

— Выводи комбайн, крепиться надо!
— Ехать надо, а не время тратить! Я машинист и отвечаю!

— В прошлом году так же завалили комбайн, месяц откапывали...

— Вспомните еще, что при царегорохе было!..

— Тихо!

Оба прислушались. Даже среди шума продолжающейся биты в забой воды доносились способные встревожить кого угодно звуки. Впереди началась осыпь, с треском отслоилось несколько угольных пачек.

Никифоров нажал кнопку заднего хода. Гусеничный комбайн послушно попятился. Шахтеры, опасливо отступая, отошли под закрепленную кровлю.

— Давай, родной, давай, — приговаривал Зезиков, обращаясь не то к машинисту, не то к медленно выезжающему из опасной зоны комбайну.

Но было уже поздно. Сотрясаемая земную толщу, оглушающе грохоча, в заходку рушились глыбы.

От тугой воздушной волны заложило уши, лучи фонарей застряли в непроглядной синеватой дымке...

Засадил тогда комбайн Толя Никифоров капитально. Недели полторы с изрядным риском звал разбирали вручную. Проступок Никифорова обсуждали на совете бригады.

Врезали Толику крепко. На три месяца перевели в доставщики. Наказали справедливо. Хотя жесткие меры мало что могли изменить в общем положении.

Уже к весне семьдесят шестого стало ясно: миллион бригаде не по зубам. Комсорг Мансур Галиев, инженер, решивший начать карьеру горняка с рядового шахтера в очистном забое, признался секретарю бригадной парторганизации машинисту Шачневу:

— Если откровенно, Николай Павлович, то в наших условиях практически исключается всякая организационная комсомольская деятельность. Я не сравниваю с институтом, — продолжал Мансур, не уловив в реплике иронии. — Но мне пришлось поработать на щите у Мингулова. Там ребята собраны вместе, все на виду, знаешь, кто чем дышит. Попробуйте тут проконтролировать. Двое в одной заходке, двое за триста метров в другой, третьи еще через полкилометра на погашении...

— Видишь ли, браток... Гидродобыча не просто шаг в техническом прогрессе. Она и людей по-иному начинает лепить. Я как-то пошел к телефону вызвать электрослесаря. Свернул в мехходок и чуть не наступил на человека. Выключил, прохвост, фонарь и дрыхнет.

— Кто же это?

— Да из доставщиков. Сказали, уволился потом. Не смог, видишь, выдержать без контроля. Где-нибудь на виду может, стал бы порядочным работягой, а потребовалось проявить рабочую совесть, не устоял. Нет, Мансур, здесь не только закладывается, выверяется новая система добычи угля. Предстоит воспитывать в человеке чувство личной ответственности, долга... Немножко громкие слова, но они выражают суть нашей с тобой жизни.

Мансур не считал себя дилетантом в гидродобыче. Студенческая практика, работа на комплексе сделали его настоящим шахтером, но в первые минуты забой и монитор воспринялись им почти восторженно.

Жизнь скоро охладила восторги. Чуть чего, Галиев — «на ковер». Случались прогулы, пьянки, драки. Где работа комсомольской организации? Все верно. Некогда работать комсомольской организации. На шахту ребята приезжают электричкой впритык к наряду; после смены — в душ, одеваться и скорей опять на электричку.

— Ты вот что, комсорг, — посоветовал Мусохранов в разговоре с глазу на глаз. — Институт тут не разводи. Знаю все эти дискуссии, заседания клубов веселых и находчивых. Ты мне без лишней фантазии смобилизуй хлопцев так, чтоб май месяц нам сработать на полную железку.

— Что же делать прикажете?

— Учить. Учить работать, учить жить, учить думать... Вот что, пощи контакт с этим рыжим.

— Из училища который?

— Тот. Там стипендии пятнадцать рублей получал, а в шахту попал, богачом себя почувствовал. Ну и понесло пацана по кочкам. Рестораны, музыка на заказ...

— Комедия.

— Смешного мало. Приезжала, в общем, девчонка. Из педучилища. Плачет, ребенок будет. Жизнь начинают люди, и наискосок пошло. Так ты поконтрачь, авось быстрее общий язык между собой найдете...

Не нравились, ох как не нравились бригадире такие штучки, как с этим рыжим. Мусохранов спустился в шахту и сам сразу после восемнадцати, но два десятилетия назад юность сменялась зрелостью на глазах. Или просто так казалось?

При переноске водоводных труб здоровяку Леше Колесному в напарники достался странный тип. Парень не выглядел слабачком, первым брался поднимать стокилограммовую ношу и все же потешал на каждом шагу.

— Извините, вы... каким видом спорта... занимались? — натужно спросил он, покачиваясь под тяжестью.

— Яким спортом? — не понял Колесный. — А... Ну як его... Этим. Шашками.

— Гранди... озно. Я еще в школе... заинтересовался теорией международных шашек...

От необходимости вдаваться в какую-то теорию Лешу избавила неровность почвы темного штрека. Трубу дернуло и потянуло назад. Колесный сообразил, что напарник поскользнулся. Леша поспешил перехватить трубу ближе к середине, чтобы она не придавила интеллигента.

Силища Колесного пришлось кстати. У напарника оказался содранный рукав спецовой куртки. Кровь на запястье.

— Пустяки, — спокойно сказал интеллигент. — Мне как раз сегодня сделали укол от столбняка. Лишний укольчик после смены, и все будет в порядке. К тому же утверждают, что под землей намного меньше микробов, чем на поверхности.

Колесный сразу проникся к напарнику уважением. Спросил:

— Тебя, друг, как зовут?

— Вячеславом. Можно просто Славиком. А вас?

— Будем знакомы, Леха. Слухай, друг, пойдешь на укол, спросят фамилию, скажи: Колесный, мол, Алексей. Нехай только отметят. Сделаешь, друг?

— С удовольствием окажу услугу... А вам, простите, наверное, некогда?

— Ага, некогда. Пока помоешься, покуришь, на электричку бежать надо. Такая она жизнь, корешок, все бегом, бегом, укол некогда сделать.

Обычно горластый, несдержанный на крепкие выражения, Леша теперь сладко ворковал. Он до смерти боялся уколов и всячески от них уклонялся. Но на шахте порядки соблюдаются. Рано или поздно предстояло идти в медпункт, подставляться под устрашающий шприц. А такая перспектива заранее вызывала в Колесном ощущение полувзвешенного состояния.

— Ты от шо, друг, — на радостях предложил Леша. — Отдыхай. Стишки там усякие посочиняй, а я до монтажа схожу, хлопцы ж ждут.

Колесный поднял край тяжелой трубы, довольно непринужденно взвалил ее на плечи и двинулся вверх темным штреком.

— Постояйте, куда же вы! Нет, я не позволю!

Тридцатый пласт второго горизонта напоминал лабиринт бесчисленных, полого уходящих на подъем и спуск черных нор.

Гидродобыча делает шахту пустой, словно заброшенной. Здесь не встретишь олицетворяющих механизацию труда ленточных транспортеров, груженых углем вагонеток, не услышишь гудков электровозов. Безлюдность, плеск или клокотание воды да изредка

громыхание потревоженной земной тверди. Иногда мелькнет светлая точка фонаря на каске шахтера и донесет струя свежего воздуха лязг металла.

Это доставщики. По-здешнему «студенты». Все они, или почти все, стремятся в «грозы». А путь в горнорабочие очистного забоя на гидрошахте ведет через «студенчество».

Леша Колесный, к примеру, подался в доставщики на щит в бригаду Мингулова, хотя мечтал о профессии мониторинщика. Поэтому, когда образовалась комсомольско-молодежная, сразу перешел сюда. «По законному праву», — как он выразился.

Доставщики по-настоящему, как здесь говорят, «уродовались», поднося к отдаленным заходкам и забоям увесистые однорезки, анкерные штыри, трубы.

После одного особенно изнурительного перехода с грузом Славик, привалившись спиной к прохладной сырости стены штрека, отвинтил пустую алюминиевую фляжку, высосал из нее последние капли несладкого чая и сказал:

— Труд становится бессодержательным, если не видишь его результата.

— Шо-шо? — не понял Леша.

— Я говорю, человеку необходимо испытывать удовлетворение от собственного труда. Иначе он, стало быть, человек, венец природы, превращается в элементарное выючное животное.

— Уж не ты ли считаешь себя венцом природы? — подал голос язвительный Шестаков.

— Я человек, и этим все сказано. Меня учили мыслить, относиться творчески к собственной деятельности. Сейчас, пожалуйста, вынужден на протяжении шести часов уподобляться, извиняюсь, мулу.

— От дает! — восхищенно крутнул фонарем на каске Леша.

— Мул ты и есть, если не понимаешь, для чего нужны эти однорезки, трубы. Переучили тебя малость, Славка. Одних недоучивают, руками и ногами крестятся, когда из школы вытравивают... Верно, Леша? А с тобой перестарались. Все-то ты знаешь, про все читал. Эйнштейн. Жак-Жак Руссо.

— Жан-Жак Руссо, если угодно. Французский философ-просветитель, писатель, композитор...

— Может быть. Только — от труб, которые мы на скоростях таскаем, скорее начнет рубить уголь комбайн. Для того и уродуемся, венец природы.

— Ну, пошутковали и хватит, — примиряюще сказал Колесный. — X-x, венец природы! Придумают же.

Между тем свара на десятом участке становилась всеобщей. Ругались по всякому поводу. В основном недовольство выражалось низким заработком. Знающие себе цену шахтеры сидеть на тарифе не желали.

Опытный машинист, уважаемый на «Юбилейной» ветеран, когда ему при распределении наряда назначили в помощники длинноволосого парня, выразился так:

— Молодь, она хороша только в виде огурчиков к столу. Да и то для закуски. В общем, Алексей Андреевич, плана от меня не жди. Буду смену следить, чтоб огольца на шарошку за патлы не накрутили.

— Ты, батя... — начал обидчиво парень, но ветеран перебил его:

— Не тыч мне, не тыч! На горшке еще сидел, когда я эту гидродобычу начинал. Теперь, видали, работать не научился, а денежки получаем наравне.

Ребята вступились за товарища, ветерана тоже поддержали — и пошло. Схлестнулись вроде из-за мелочи — кто какую стрижку признает, а перекинулась ругань на действительно сложные вопросы.

Добыча полезных ископаемых с помощью воды вообще-то началась давным-давно. Чуть ли не полтора века назад. Определено ею в Кузбассе занимались уже лет двадцать пять. Шахту «Юбилейную» сделали своеобразной экспериментальной лабораторией.

Гидрошахта долгие годы числилась просто испытательным полигоном.

Лишь после того, как в 1973 года бригада Геннадия Смирнова начала поражать воображение сверхмиллионными добычами, гидрошахта привлекла к себе повышенное внимание.

Ее преимущества перед «сухими» шахтами больше не нуждались в защите. Основной экономический показатель — себестоимость продукции — заставил развести руками самых замшелых скептиков. Гидроспособ значительно удешевил добываемый уголь. Если, скажем, тонна его при традиционной выемке обходится государству в определенную сумму рублей, то смирновцы снизили ее цену до пятидесяти двух копеек.

Тут было-таки за что платить шахтерам хорошие деньги. Люди привыкли к ним. И вот на десятом участке возникла ситуация, когда напряженный высококвалифицированный труд оказался малоэффективным.

В обычной лаве с собранными вместе рабочими обучение молодежи происходило как бы само собой. Там все делалось сообща. Прошлишь от незнания — ну, получишь педагогический «вытк», а работа выполнена.

По-другому обстояло дело в гидрозабое. Здесь от каждого человека зависит выполнение сменной плана. Практически каждый управляет ходом работ. Даже на подсобных операциях.

Замечание ветерана об одинаковой с помощником зарплате было не случайным. Комплексный характер бригады, где каждый ее член — специалист, предусматривает и равноправные отношения между рабочими. Поэтому длинно-волосый парень, выйдя следом за шефом из нарядной десятого участка, обидчиво сказал:

— У меня такие же корочки машиниста, как у тебя. Раскомандовался.

— У вас у всех нынче полно всяких корочек, да только работать некому.

Раздевшись до трусов, оба шахтера прошли в большой светлый контейнерный зал. Здесь у шахтеров имелись индивидуальные ящики-контейнеры, куда после смены подвешивалась для просушки спецовочная одежда, ставились резиновые сапоги.

В отличие от аккуратной, сухой спецовки машиниста, куртка, брюки помощника оказались скомканными, жесткими. Парень натягивал их на себя морщась.

— Ну как твои корочки? — посмеивался шеф, степенно обматывая ноги теплыми портянками. — Кусаются корочки?

— Не твоя забота!

— А чья же? Привык, что дома все мамка делает. Тут я тебе мамка, вот и слухай во всем. Скажу задвижку открывать или закрывать — беги на задвижку. Скажу патлы обстриги...

— Не остригу!

Так, пререкаясь, оделись в рабоче-измазанное углем брюки, куртки, резиновые сапоги, на головы — пластмассовые каски. Зашли в ламповую, взяли с электрорядки каждый свой аккумулятор с фонарем, жестяную коробку аварийного самоспасателя на запящем ремне. Машинист дал помощнику мятую алюминиевую фляжку.

— Набери и мне заодно чайку.

— Я, может, кофе по-турецки употребляю, — с обидой в голосе ответил парень, беря фляжку.

— Это ничего. Вот только работай по-русски.

Под землю шахтеры берут несладкий чай. В одном кармане фляжка, в другом «забутовка». Случаются смены, когда о содержимом карманов и не вспоминается — до того захватывает работа.

До входа в шахту шли, переругиваясь. Сели в разные вагончики, прицепленные к маленькому электровозу. «Коза» долго спускалась по уклону.

Внизу «пассажиры» вереницей потянулись освещенным люминесцентными лампами тоннелем. Попарно, экипажами, сворачивали в темные штреки к стоящим где-то комбайнам, мониторам.

Оставшись наедине с помощником, машинист шагал молча. И парень помалкивал. Хотя оба думали об одном.

Их комбайн работал на погашении. Другими словами, пятась, выстругивал уголь, на место которого обрушивалась или «садилась» порода.

Подойдя к комбайну, напарники ознакомились с обстановкой. Кроваво-большой камеры, называемой шахтерами «стадионом», удерживала оставленная предыдущей сменой «ножка» угля. Она давала возможность свободной маневрировать комбайном и одновременно таила угрозу. Ножку предстояло брать, и брать так, чтобы «стадион» не сел на комбайн.

Здесь должно проявляться даже не просто профессиональное мастерство — искусство. Его невозможно постичь в профтехучилище, ему не научиться ни по каким самым толковым книгам. Есть вещи, природу которых невозможно объяснить словами, ее нужно угадывать, чувствовать.

— Выберем ту краюху, — рассуждал машинист, — и зайдем на ножку с этой стороны.

— Оттуда как раз площадь нависания большая, — возразил помощник снисходительно.

— Шибко ученый, смотрю. Давай на задвижку.

Задвижка — запорное устройство на водоводной трубе в нескольких десятках метров вниз по штреку. Добрался туда парень, стал поворачивать железное колесо. Давление в восемьдесят атмосфер начало трясти его все сильнее. Труба гудела от напора. Казалось, еще пол-оборота, и магистраль разорвет.

Отвернул задвижку до упора. Стало жутко от ощущения одиночества, возможной аварии. Заспешил обратно. Пульвовым штреком по серой, похожей на талый лед породе уже текла вода.

Отступали по штреку перед вспятой идущим комбайном. Затем почва дрогнула, плотная масса воздуха сорвала каску с головы помощника. Сел «стадион». Все в норме.

— Ну чего, перекур? — спросил машинист.

— Может, по новой зарубимся, батя?

— Не умотался?

— Самочувствие, батя, как после первого тайма! Охота еще штуку заделать.

— Арти-ист.

Если в чем порой и проявлялось преимущество зеленой молодежи по сравнению с великолетними шахтерами, так это в стремлении проявить собственную неутомимость, способность управляться с повышенной рабочей нагрузкой...

И все же, как показало дальнейшее, одной силы молодых мускулов было недостаточно для решения судьбы бригады.

Летом на гидрошахте трудно ждать особого повышения выработки. Становится слишком жарко.

Вода здесь, как уже говорилось, совершает замкнутый цикл. С пульпой попадает в гидрокамеры, оставляя там уголь, коротко отстаивается и опять гонится под давлением к комбайнам, мониторам.

Нагревается, разрушая угольный пласт, превращаясь в пульпу, проходя через углесосы, насосы. Трубы становятся теплыми, повышается испарение. Штреки, забои наполняются липким тропическим туманом.

Кругом вода, плеск, а что ни смена, то мучения от жажды.

Увеличилось количество аварий, простоев техники. Причины одни и те же: несработанность людей, нехватка опыта, нередкое разгильдяйство — случались прогулы, выходы не в свою смену.

Принимались воспитательные меры. Совет бригады обсуждал проступки, выносил предупреждения, наказывал по-прежнему не хватало. А сумрачно переживавший невзгоды бригадир упрямо гнул прежнюю линию.

— Почему, комсорг, тянешь с примером? Комсомольцы нужны. Нужны комсомольцы, понимаешь? Кто там у тебя на очереди? Луконин, Нехорошев... Вызывает сомнение?

— Да нет, отличные парни, Евгений Сергеевич. Устав никак не выучат. Будет кто-нибудь из райкома, неудобно, если не ответят на вопросы.

— Устав выучить заставь. А райкомовских пригласи в забой, пускай увидят ребят там. Давай, намечай день собрания, народу организуй побольше, нечего резину тянуть. На кого и опираться, если не на таких ребят...

Лето получилось длинным, тяжелым. Особенно накалялась атмосфера в дни зарплаты: возле кассы людей с десятого участка встречали насмешками.

— Ну-ка, встань от окошка. Не видишь, миллионеры пришли.

— Где ж ваши мешки для грошей, хлопцы? В карманы не поместятся!

— Они их за пазуху складывают!

Без смеха же мусохрановцев называли тарифниками. Каждому понятно: ниже установленного тарифа заработной платы никто не получал.

Приближался кризис. И предостеречь его, казалось, ничто не могло.

Сложность происходящего процесса заключалась не в том, что кто-то не сумел совладать с плохо организованной людской массой, а в непосильности поставленной перед бригадой задачи. Точнее, в неадекватности определения предпосылок для ее выполнения.

23 сентября на общем бригадном собрании обсуждался жизненно важный вопрос: как быть дальше? И специалисты и рабочие десятого участка пришли к единодушному решению: необходимо повысить техническую мощность оборудования. Мощност, связанную с увеличением напора воды и внедрением более производительных гидромониторов ГД-12.

На них возлагали большие надежды. Шутка сказать, одна такая машина «дула» струей воды в сто двадцать атмосфер! ГД-12 в бригаде Мусохранова называли «секретным оружием», способным коренным образом изменить ход неблагоприятных до сих пор событий.

Гидрошахта оснащалась прекрасной техникой. Самоходные угольные комбайны, управляемые на расстоянии гидромониторы, надежная крепь — все предназначалось для облегчения труда человека, его безопасности.

До конца года оставалось два месяца и двести тридцать три тысячи тонн. Слишком мало времени и слишком много недобытого угля из обещанного миллиона. Ни модернизация техники, ни личное мужество, ни предельное напряжение сил уже ничего не могли изменить.

— Вовка, а Вовка, — встретил машинист помощника. — Слышь, что Петро говорит? Вроде нам Смирнов отдает на месяц двадцать девятый пласт.

— Да ну?! Правда, Петр Сергеевич?

— Правда.

— Петр Сергеевич! Так это ж значит — возьмем миллион!.. Да нет, не может такого быть. Что ж он, Смирнов, не соображает? Двадцать девятый пласт — золотая жила. Что-то тут не так. Можно поделить забуткой, сигаретами, а пластом...

— По закону коллективного наставничества, приятель. Слышал про такой договор между нашими бригадами?

— Ай, бросьте, Петр Сергеевич!

Никто не верил. Допускали, что на десятый участок из бригады Смирнова в виде подмоги могут дополнительно подбросить несколько человек — «поучить» отстающих. Но чтобы пожертвовать наличными из собственного кармана? Нет, в такое не верили.

Ефтеев смену напролет ходил по тридцатому пласту. От заходки к заходке, от забоя к забою. Ему лучше, чем кому другому в смене, было известно положение с выработкой, настроение людей. Периодически он связывался по телефону с диспетчером шахты, докла-

дывал о состоянии комбайнов, гидромониторов, возникновении неполадок, их устранении, просил перекрыть или дать воду.

Под землей обстановка меняется чуть ли не через час. Перенапряжение горных пород вызывает их оседание, скопление до взрывоопасных пределов рудничного газа. Поэтому сменный мастер постоянно определяет процент метана в воздухе, мелком переносит показания прибора на развешанные по пласту специальные доски.

С созданием на «Юбилейной» комсомольско-молодежной бригады для мастеров десятого участка служба стала особенно напряженной. То и дело где-нибудь по недосмотру, неопытности «разувался» комбайн, то есть соскакивали с катков гусеницы. Или плавильщик подшипники — из-за того, что не проследили за уровнем масла. Был случай, когда при перегоне в заходку комбайн ввели задом.

С месяц, если не больше, на «Юбилейной» потешались над цирком, устроенным мусохрановской компанией. Не всегда оправдывалось определение выпускников ПТУ к знающим машинистам в «мальчики». О недавнем пэтушнике Рожкове, например, отзывались категорично: толку не будет.

Володька отличался чрезмерной самонадеянностью. Взял его теперь к себе помощником прекрасный машинист Вениа Шумилов. Для парня, понятно, Вениа Степанович. «Держи, Вовка, — говорит, — хвост морковкой, сделаю из тебя профессора по нарезке штреков».

Так вот, «профессор» устроил раз... Доверил ему Шумилов «баян» дистанционного управления. Посмотрел на работу — чувствует: старается хлопец. Занялся другим делом, а Рожков так увлекся нарезкой, что не обратил внимания на крен. Борт штрека содрал с комбайна трансформатор электросверла. Выбило напряжение, надолго остановились. Рожкова наказали. Но машинист от него не отказался.

— Хоть и шалопай ты порядочный, Вовка, а «профессора» я с тебя непременно сделаю.

— Какие могут быть разговоры, Вениа Степанович? Забито.

Чем-чем, а недостатком уверенности в себе ребята не страдали. Люди по-старше называли это спесью. Мастер же испытывал к парням вроде Володи Рожкова, Коли Калинина, Славы Праселко-ва смешанное чувство — восхищала мальчишеская дерзость и страшила неуправляемая бесшабашность.

К технике некоторые молодые шахтеры относились варварски, не жалеючи. И зачастую становилось непонятно, почему: от неопытности или безразличия?

Понятным было первоначальное желание молодежи добыть к концу года миллион тонн... С тех пор настроение бригады основательно изменилось.

После разговора с рабочими у Ефтеева появилось сомнение в достоверности слуха о «жертвоприношении» смирновцев. Их поступок противоречил логике. За два месяца до окончания года ни для кого не оставалось сомнения в том, что шестой участок стремился к установлению очередного рекорда добычи. И вдруг отказ от этого — и от всего, что с этим связано?

Мастер прошел по штреку к укрепленному на деревянной стойке телефону, покрутил ручку индикатора, снял массивную трубку, попросил соединить с десятым участком. Сообщил начальнику о положении комбайнов и мониторов. Под конец спросил:

— Алексей Николаевич, так что там с двадцать девятым пластом? Неужели?..

— Петя, двадцать девятый получаем на целый месяц! — торжествующе ответил Трубачев. — Переходим на золотую жилу, Петя!

Ефтеев замедленно повесил трубку, дал ручкой индикатора отбой и возбужденно сдвинул со лба каску.

Окончание следует.

Лауреаты
премии
Ленинского
комсомола

ПРОДО

ИННА ЧУРИКОВА, ЗАСЛУЖЕННАЯ АРТИСТКА РСФСР.

Фото Николая ГНИСЮКА

Когда б вы знали, из какого сора
Растут цветы, не ведая стыда.
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Помню—уже лет семь назад,—ленинградский кинодраматург Юрий Клепиков написал для «Советской культуры» об Инне Чуриковой: дело в том, что он сам тогда снялся вместе с ней в роли Режиссера в фильме «Начало».

И вот среди трех плотных страничек текста, которые он прислал, были эти строчки Анны Ахматовой. Они звучали так, что было непонятно, к какому именно таланту относятся—к таланту художницы Тани Теткиной из фильма «В огне брода нет», к таланту ли актрисы Паши Строгановой из «Начала» или, наконец, к таланту самой Инны Чуриковой. Ведь и он возрос на множестве мелких, смешных, эпизодических ролей, что тоже можно при желании посчитать «сором».

Ахматовские строчки мне очень нравились. Но я вертела их в голове и так и этак, как горячую картошку в руках,—мне казалось, что они все-таки как-то задевают актрису...

С тех пор прошли годы, и я все-таки привожу эти строчки: талант нельзя оскорбить, он действительно растет на самой земной, житейской почве. И, как мне кажется, очень верно строчки Ахматовой выражают суть того, что делает на экране Инна Чурикова: ее героини действительно растут из «сора», из самой что ни на есть повседневности—и Тани Теткина, и Паша, и Елизавета Уварова, и, если хотите, даже Любовь Яровая, в которой актриса подчеркивает простоту, даже простонародность, что-то от народоделки, резкой и грубой.

Но вот тогда же, то есть лет семь назад, и мне захотелось встретиться с Чуриковой, чтобы попытаться узнать, из какого же все-таки «сора» возросло ее дарование. Ведь она немало снималась и до фильмов Глеба Панфилова. Таким ли уж высоким барьером отделены те ее роли в фильмах «Тридцать

три», «Старшая сестра» и других от Тани Теткиной и Паши Строгановой?..

Таким. Безусловно. Об этом пишут сейчас решительно все. Родилась актриса. То есть она была—и все же она родилась. Мы ее знали—и не знали. Она играла—и как будто не играла. Сплошные парадоксы. Одним словом, ее «открыли».

Поговорив тогда с актрисой, я была немало удивлена, убедившись, что все бывшее до «Брода» она сама не только зачеркивает, но, пожалуй, даже ненавидит. С таким ожесточением говорила она о прежних своих ролях. По ее словам, те роли мешали ей прорваться к Тане Теткиной, к Паше Строгановой и Жанне д'Арк, наконец.

И только теперь, когда она в своем творчестве воздвигла такой прекрасный и несокрушимый бастион из этих трех ролей, только теперь она, наконец, навсегда отгородилась от прошлого. От прошлого Инны Чуриковой—актрисы на смешные роли.

Любопытно рассказывала она о восприятии ее работы зрителем. Говорила о том, что картина «В огне брода нет» многих оттолкнула от себя и что она даже склонна этих многих понять: человека естественно тянет к красивому. И что вторая картина, «Начало», в чем-то примирила ее со зрителем. А если не до конца? Что ж, надо делать третью картину. Понимать искусство учит только искусство.

Мне тогда же пришлось поговорить с некоторыми людьми, которые знали Чурикову еще по тому, допанфиловскому периоду. И вот что рассказал режиссер Георгий Натансон, снимавший фильм «Старшая сестра»:

— Да что там говорить! Все мы были заворочены удивительной и полной поглощенностью ролью, такой крошечной по объему и занимавшей так мало места в фильме. Сразу стало ясно, что эту актрису нельзя снимать привычными кинематографическими короткими «кусками», что ее нужно снимать только на одном дыхании, одной сценой, иначе

можно расплескать вот эту поразительную актерскую цельность. Так мы и снимали.

Никогда не забуду, как в сцене в общепитии она ела курицу. Просто ела курицу—и смотрела своими огромными глазами на Надю—Татьяну Доронику.

Репетировали мы с ней минимально. Репетировать, обговаривать, готовиться—все это было как-то лишне и даже, пожалуй, вредно. Единственное, что ей было нужно,—это абсолютная тишина. И тогда она играла так, что мы все порой забывали, находимся ли мы в павильоне, снимаем ли кино. Казалось, мы в театре, и мы зрители, и смотрим на сцену.

— Ну как же,—вспоминает актер Евгений Леонов.—Она занималась у нас, в драматической студии при Театре имени Станиславского. Потом как-то след ее потерялся—так часто бывает в нашей актерской среде. Кажется, она играла в ТЮЗе. А в работе мы с ней встретились на картине «Тридцать три». Актерам здесь было нелегко: требовалось играть и гротеск, и эксцентрику, и почти фантастику, а за ними—вполне реальное жизненное содержание: то есть соединить почти несоединимое. И вот тут, в нашей общей совместной работе, я понял, что у этой актрисы есть одна особая черта—за формой она всегда видит суть. Понимаете, за формой, самой неожиданной, самой эксцентрической или гротесковой, называйте, как хотите, видит жизнь. Драму. То, чем живет человек, одним словом.

Вы спрашиваете, удивила ли она меня в фильме «В огне брода нет»? Да, удивила. Но не талантливостью—о том, что она талантлива, я знал. Удивила другим. Как бы это сказать? В жизни Инна симпатичная, милая, обаятельная. В фильме она угловатая, угрюмоватая, какая-то резкая по всему своему внешнему облику. Я понимаю, что она стремится идти от этой непривычности внешнего облика, его жесткости к мягкости и щедрости души. Но на такой рискованный путь не всякая актриса отважится...

ЛЖЕНИЕ «НАЧАЛА»

Я долго не могла понять, почему мне тогда все время хотелось здесь, именно в этом пункте, в отношении к прежним ее работам спорить с актрисой. Почему хотелось ей самой доказать, что она была раньше и что никакой актер не может обрести свою одну-единственную тему, не попробовав себя таким, другим, третьим, не ощутив в себе человеческого и творческого разнообразия.

Я могла понять, когда такое резкое «рассечение» актера на две половины производят другие, не видя связи этих половин, более того, враждебно противопоставляя их друг другу. Но если такое делает сам актер? Почему?..

Неожиданно мы заговорили о Жанне д'Арк.

Ну, а если бы Паше Строгановой не предложили сыграть Жанну д'Арк, как бы она открыла себе и всем себя? Как бы тогда она доказала незаурядность свою, человеческую талантливость? И не слишком ли Жанна—сильное доказательство для Паши Строгановой?

Я не буду дословно пересказывать того, о чем и как мы спорили с актрисой. То мы говорили о девочках—простеньких и непритязательных, которые со школьной скамьи ушли в войну и обрели бессмертие. («И вот Паша могла бы так»). То мы говорили о том, что мужество ведь необходимо и в самой неповседневнейшей повседневности. Чтобы сказать человеку, который рядом, все, что ты о нем думаешь. Чтобы уйти от любимого человека, если стало ясно, что он слаб душой и предаст и себя и тебя. Чтобы иметь силу отвернуться от друзей, если ты понял, что они не друзья. Чтобы быть честным перед самим собой и перед всеми.

Да, надо иметь великое мужество обрести себя в жизни, вырваться из того, что не твое, что сковывает тебя по рукам и ногам, и смело идти по обретенному пути, каким бы трудным, каким бы тяжелым он ни был.

И чем больше мы говорили, и спорили, и не соглашались, тем больше я понимала, что в лице Инны Чуриковой передо мной редкий представитель человеческой породы—именно человеческой, а не только творческой. И я не знаю, как это назвать. Но, пожалуй, можно было бы применить слово «максимализм».

И вот когда я это поняла, то все стало для меня проясняться. И отношение Чуриковой к своим прежним ролям, и ее отношение к ролям нынешним, и откровенное нежелание говорить об этих нынешних ролях («Все сказано на экране, а словами ничего не объяснишь, да и не надо объяснять»).

Отлично помню свое первое и самое, пожалуй, сильное ощущение после просмотра «В огне брода нет». Это была... растерянность. То есть я все чувствовала: и неожиданность фильма, его социальной и философской концепции, и его эмоциональную агрессивность, и яростный натиск талантливости всех, кто его сделал. Может быть, от этого натиска и была растерянность?

Прошло два года. Появился фильм «Начало». И снова я вышла из зала с определенным чувством смятенности. И снова стала пытаться «раскрутить» это чувство. И случилось совсем странное—теперь, уже задним числом, резкий натиск ленты «В огне брода нет» казался оправданным и временем, и историей, и определенностью социального и временного типа. Здесь же, в «Начале», сочленение Паши и Жанны виделось лишь изысканнейшим, тончайшим и сложнейшим кинематографическим приемом.

А главное, думалось: почему работы талантливой актрисы так странно воспринимаются? Каждое ее достижение осознается многими только спустя годы. Годы, как любят писать журналисты, для актрисы кино «необратимые». Лично мне виделась эта проблема как чисто творческая, уходящая всем своим существом в особую природу дарования Чуриковой. Мне виделась проблема и теоретическая, когда мы порой так произвольно делим путь актера на удачу и неудачу, на открытия и провалы, когда не умеем или не хотим увидеть тенденцию, не умеем быть к актеру бережными и готовы «разнести его в пух и прах» за первую попавшуюся плохую роль.

...С тех пор прошло несколько лет. Споры вокруг Инны Чуриковой и фильмов Глеба Панфилова—хотела сказать, затихли. Но нет, вот и о

последнем их фильме, «Прошу слова», опять ведь спорили. Но спорили уже по-другому. Явление Чуриковой, если хотите, «феномен Чуриковой» уже в общем-то вошел в повседневность искусства. По правде сказать, это само по себе уже достаточно любопытное явление—каким образом то, что еще вчера казалось нам таким непривычным, почти неудобоваримым, вдруг становится повседневным, а назавтра—уже чуть ли не классикой. А разве мы уже не можем так именно говорить сегодня о фильмах «В огне брода нет» и «Начало»?

Нет, здесь нужны не только годы и не только время. Здесь нужна еще и очень большая работа самого искусства по формированию, по воспитанию умов. Сделать зрительское восприятие более гибким, более сложным, многослойным—вот в чем эта работа. Да, героини Чуриковой нетипичны, они скорее единственны, уникальны. Много ли найдешь таких Теткиных и Строгановых? Да, они рождаются в самой гуще реальной жизни, но рождаются редко, очень редко. Чтобы понять эту мысль, сравните этих героинь хотя бы с девочками нашего кино тридцатых—сороковых годов, теми, кого играли Серова, Смирнова, Федорова, Целиковская. Те были обычные, как все, и в этом тогда было завоевание нашего кинематографа. Эти необычные, непохожие, и сегодня в этом открытии. Хотя все мы понимаем, без тех девочек в красных косыночках не было бы этих: искусство движется своими сложными путями, осваивая разные пласты жизни, по-разному откликаясь на запросы времени.

В своем последнем кинофильме, «Прошу слова», Чурикова как бы прикасается к привычному пласту жизни—вот если бы та девочка тридцатых—сороковых пережила войну и выросла, то она стала бы Елизаветой Уваровой, председателем горисполкома, или, как сейчас принято говорить, мэром.

Чурикова обращается к обычной для наших дней биографии—фабричная работница, спортсменка, общественница, наконец, депутат, наконец, председатель горсовета. Не потому ли—в знак воспоминания о нашем кино сороковых годов—и сцены-воспоминания о фабричной молодости сделаны, пожалуй, именно в манере того кино? Даже под песни Леонида Утесова, которые здесь звучат несколько ностальгически, когда молодая Лиза Уварова в футболке гуляет в камышах со своим будущим мужем, стреляет в тире на соревнованиях, выходит из роддома с первенцем на руках? Думала ли она, что эта речка, где она бездумно и счастливо колобродила, станет предметом ее неусыпных горсоветовских забот? Мост-то ведь просто необходимо перекинуть на противоположный берег, чтобы освоить новые микрорайоны? Думала ли, что и их первенец так трагически, так нелепо погибнет, убитый выстрелом из ее именного оружия—оружия ворошиловского стрелка? Думала ли, что столько высокого и трудного будет ее ожидать в будущей жизни, которая начиналась так бездумно и легко?

«Ворошиловский стрелок»—эти слова пройдут через весь фильм своеобразным рефреном. «Ты—ворошиловский стрелок, была, есть и будешь»,—говорит ей муж, Сергей Уваров. Ну что ж, ей приходится иногда принимать мгновенные и очень серьезные решения, как, скажем, с тем домом, который дал трещину и в котором сейчас, ничего не подозревая, празднуют свадьбу, а ее нельзя нарушить. Как и вообще покоя людей, живущих в нем.

Да, ее может напавал сразить пуля, посланная в Сальвадора Альенде,—для нее нет и не может быть просто отвлеченных новостей в бушующем вокруг огромном мире.

И она может вдруг схватить половую тряпку и начать яростно мыть полы в доме, когда никак не решается ее заветный вопрос о заветном мосте.

Да, она ворошиловский стрелок, была, есть и будет. Это значит, что жизненное кредо ее ясно и определенно «по гроб жизни»,—Чурикова этого не скрывает. Как не скрывает своего понимания, что кто-то может осудить ее героиню за то, что пришла на работу сразу же на другое утро после похорон сына. Не скрывает и ее прямолинейности, быть может, даже негибкости, в разговоре с местным драматургом (Василий Шукшин). Да, вот она такая, но ведь иной она и быть не может...

Прямолинейность, прямота... Но простота ли? И можно ли назвать ее Уварову простой, как бы ни была заурядна ее биография? Нет, конечно, нет. В чем-то и не стоит, пожалуй, бояться здесь этого сравнения, ее Уварова—это «Член правительства» на новом витке времени. Будем говорить не столько о фильмах, сколько об образе. О типе. Но ведь время-то не стояло на месте, оно катилось «весомо и зримо», грохотало железной лавиной: Уварова просто не могла быть такой, как Александра Соколова, хотя, по сути, это одна и та же героиня, только повзрослевшая ровно на тридцать лет жизни страны.

...Недавно мы увидели Чурикову еще в одной роли—Любови Яровой. О телефильме уже тоже и писали и говорили. Понятен поиск актрисой нестандартных решений, какого-то нового подхода к одной из самых «сценических» по традиции ролей советской классики. Не во всем этот поиск удался, но ощущается его направленность, тенденция. Актриса ищет и в чисто внешнем плане—ее Яровая так разительно непохожа на ту, какой сыграла ее великая Вера Пашенная. Хорошо это или плохо? На этот вопрос не ответишь однозначно. Глядя на Чурикову, ощущаешь трудную, не очень обеспеченную юность, борьбу, тягу к знанию, сопряженную с повседневной заботой о куске хлеба, о самом насущном—об одежде, о пристанище, об очаге—быть может, нам придет на ум «Курсистка» Ярошенко. Чурикова стремится снять хрестоматийный глянец традиций со своей героини, вернуть ее к повседневности, к земле, к простым заботам. Она вся не в пламенно-красных, но в серо-черных, почти черноземных тонах. Помните, Панова бросает ей: «Учительница... А вы сами-то много учились?» «Очень мало, к сожалению»,—отвечает Яровая.

И ее работа в революции—это тоже черный хлеб: не подвиг, но ежедневная трудная, кропотливая работа подполья.

Пожалуй, меньше занимает актрису ее личная драма, для многих исполнительниц становившаяся центральной. Чурикова хочет говорить о другом—о судьбе женщины, естественно пришедшей под знамена новой жизни...

В связи с этой последней работой в очерке об актрисе кино Инне Чуриковой хотелось бы немного сказать об актрисе театра Инне Чуриковой.

Она играет в Театре имени Ленинского комсомола, и москвичи могли видеть ее в таких разных ролях, как Неле («Тиль»), Сарра («Иванов»), Офелия («Гамлет»).

В «Иванове» она вновь встретила со своим давним партнером по картине «Тридцать три» Евгением Леоновым. Но как любопытно, что встретились как будто те же актеры—и словно совсем другие! Леонов, живущий на сцене мучительной, тяжелой жизнью своего разломанного, внутренне разграбленного героя, пытающегося собрать осколки былых надежд и упований. И Чурикова в роли Сарры, явившая нам истинно трагический талант высокого наполнения. На сцене он не «стреножен» ни путями бытового правдоподобия, ни тем, что иногда прихотливо именуется «современным стилем актерской игры»,—ничем. Чурикова играет в полный накал страсти, она не боится ни патетики, ни сильнейшего, почти невыносимого драматического напряжения. Особенно в финале спектакля, там, где Иванов в порыве отчаяния и бессилия кричит ей, что она больна безнадежно, что она почти мертва. Каким страшным криком взрывается долгие, почти на протяжении всего спектакля молчание Сарры!..

На сцене Чурикова прекрасна какой-то почти потусторонней красотой. Здесь словно отдельно живут, горят, умоляют или проклинают, ее удивительные глаза, которые кто-то однажды назвал «очами». И есть во всем ее облике что-то от русских актрис начала века, тех, что навсегда запечатлены для нас на пожелтевших фотографиях с виньетками или величественных портретах в тяжелых золоченых рамах...

Ее Паша Строганова мечтала стать актрисой, но только один раз искусство пересекло ее жизненный путь.

Инна Чурикова пришла в искусство не по ковровой дорожке парадного хода, и не сразу открылись ей его сверкающие дали. Но зато она пришла сюда надолго, навсегда.

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Послание звездам

В США запущены две космические станции по маршруту: Юпитер, Сатурн, Уран и далее — к звездам. На этих станциях в запечатанных алюминиевых кожухах помещены медные диски диаметром в 304 миллиметра. Это послание внеземным цивилизациям: граммофонные пластинки, на которых записаны различные звуки и шумы Земли.

Путь из Солнечной системы до первой звезды займет 44 тысячи лет; мимо второй звезды станции пройдут через 147 тысяч, мимо третьей — через 525 тысяч лет. Предполагают, что благодаря защитному кожуху и вакууму межзвездного пространства пластинки сохранятся в течение более миллиарда лет, естественно, если не считаться с вероятностью столкновения с небесным телом или попадания в зону его притяжения.

Соединив небольшой диск, головку и иглу, которые находятся в комплексе с пластиной, инопланетяне в течение 110 минут получат некоторое представление о планете

Земля XX века. Если иметь в своем распоряжении телевизионный приемник и соединить его с диском для воспроизведения записанных на нем видеосигналов, то на экране можно будет увидеть: мать, кормящую ребенка, лакомящуюся мороженым девушку, анатомическую схему человека, супермаркет, машину для сбора винограда, африканскую женщину, закат солнца, а также виды гор, современных городов и автострад.

На граммофонных пластинках записаны приветствия на 60 языках. Также записаны: звук шагов, биение сердца, стук кузнечного молота, стрекот кузнечика, морзника, сирена электрички, поцелуй и плач младенца, а также звуки, издаваемые китами, вулканами, дождем, морским прибоем. Пластинки, кроме этого, «несут» в себе 115 фотографий различных районов нашей планеты и 27 фрагментов из музыкальных произведений.

«НАУКА И ТЕХНИКА», НРБ

Ограбление по-японски

Броневик токийского банка был уже в шестистах метрах от своей цели — ворот концерна «Тошиба электрик», когда дорогу преградил полицейский на служебном мотоцикле. Водителю было приказано остановиться, и он послушно подъехал к краю тротуара. «В квартире директора нашего отделения банка взорвалась бомба. У нас веские основания полагать, что динамитный свирд скрыт в вашей машине», — заявил блюститель порядка.

Водитель и охрана покинули броневик, а полицейский в это время простучивал стенки. «Я забирал машину в полицейский участок», — сообщил он, — а вы кратчайшей дорогой возвращайтесь в свой банк». Это была последняя возможность для охраны бросить взгляд на мешки с деньгами, сумма которых составляла 300 миллионов йен. Час спустя броневик был найден брошенным на проселочной дороге, естественно, без денег. Не было, конечно, и живого полицейского. После него остался только

мотоцикл, обрывок газеты «Санкеи» под сиденьем и печатные отпечатки пальцев на дверях броневика.

Это сообщение из Японии не первой свежести — вышеописанное фантастическое ограбление произошло в 1968 году, но нишу от него до сих пор. Бессилье следственных полицейских властей стало притчей во языцех.

Если японская (а вместе с ней и западная) пресса снова вернулась к этому случаю, то, в частности, потому, что миновал срок давности преступления. Теперь уже грабители (если он вдруг объявятся) нельзя будет привлечь к суду. Но преступник не спешит вылезать на свет. Хотя уголовная ответственность ему уже не угрожает, но только в 1988 году пройдет 20-летний срок гражданской ответственности, то есть обязанности вернуть награбленные деньги.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

ФРЭНК ПРОТИВ БАСТУЮЩИХ

Недалеко от угольных шахт американского концерна Блю-Даймонд в Стыресе (штат Кентукки) раздались пять выстрелов. Все они попали в цель и были смертельными: профсоюзный лидер Мак Льюис, который как раз распределял пакеты против штрейкбрехеров, упал на землю замертво.

В этом угледобывающем районе уже несколько месяцев бастовали свыше 160 тысяч шахтеров. Они добивались увеличения зарплаты и человеческого условия труда. Бастующие шахтеры на уступали самому жестокому давлению боссов концерна, полиции и штрейкбрехеров. Когда «обычное давление» не помогло, боссы концерна Блю-Даймонд наняли пятнадцать профессиональных громил для устрашения бастующих. Их главарь Франк с гордостью заявил журналистам, что у него «достаточно опыта в этом деле», ведь он ветеран корейской и вьетнамской войн...

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

НОВОЕ НА ЭСТРАДЕ

Попугай Фифи снискал себе немалую славу своими выступлениями во многих городах Америки, Европы, Азии. Ему аплодировали миллионы зрителей. Что, собственно, умеет этот попугай? Не так уж мало: декламирует, поет, превосходно имитирует знаменитых артистов, исполняет отрывки из «Гамлета» и даже выполняет упражнения на снарядах как цирковой артист. Обучила птицу всему этому ее хозяйка американка югославского происхождения Лериз Марич. «Гениальный» попугай находится под непрерывным наблюдением врачей-ветеринаров, которые составляют для него даже специальное меню. Следует добавить, что Фифи застрахован на сумму в 200 тысяч долларов.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

ПОДЛОДКА- СКАФАНДР

«Оса» — так назвали английские инженеры созданную ими миниатюрную подводную лодку, в которой объединены качества подлодки и водолазного скафандра. В мини-подлодке помещается всего один человек, предназначенная она для осмотра и ремонта подводных сооружений на глубине до 600 метров. Для работы оператора предусмотрены механические манипуляторы. Скафандр-подлодка приводится в движение двумя винтами, они же служат и рулем, с помощью которого оператор может занять любую позицию, удобную для работы.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

СУДЬБА ВУНДЕРКИНДА ИЗ ИТАЛИИ

В два года он читал и писал, в четыре стал заниматься в школе, в десять неофициально закончил учебную программу средней школы, злобно овладев французским и английским языками. Сегодня 15-летний Марко Стафорини, родившийся в семье учителей и живущий в городке Вегера (Италия), хочет сдать экзамен на аттестат зрелости, но...

Бюрократические порядки Италии не позволяют подростку таких экспериментов, хотя, по признанию специалистов, уровень его подготовки более чем достаточен. По видимому, они боятся, что Марко, как и тысячи других вундеркиндов, разваляется чрезмерно быстрыми темпами, лишь увеличит ряды безработных в стране.

«Мне не хочется терять времени, надо изучать точные науки», — грустит Марко. Ему и недоедет мотивам дядей из министерства просвещения. Он разработал множество научных тем, в том числе и по древнегреческому языку, намереваясь опубликовать их в газетах и журналах. Заканчивает штудировать университетскую программу по своему любимому предмету — ядерной физике.

«Не могу ждать своего совершеннолетия, чтобы поступить в университет, — говорит Стафорини. — Нужно, значит, эмигрировать».

«ПУЭВЛО», США

Человек асимметричен

Каждому из нас приходится заглядывать в зеркало, но знаем ли мы свое лицо? Знаем ли о том, например, что лицо наше образцом симметрии отнюдь не является? В том, что обе половины человеческого лица не совсем одинаковы, убедиться нетрудно, причина же лежит в асимметричном строении головы.

У большинства людей левая половина черепа больше правой. Правая скула несколько больше выдвинута вперед и более широка, чем левая, так же, как и правая сторона подбородка.

Уже на шестом месяце развития плода природа «дает крен» в правую сторону — правая половина тела делается тяжелее на пять процентов (в основном за счет печени). У трех из четырех людей правая рука не только сильнее, но и длиннее левой. Несоразмерны и по-

ги — сильнее обычно бывает правая нога. Именно поэтому человек, пущенный по ровной местности с завязанными глазами, через некоторое время начинает загибать влево.

А почему большинство людей предпочитает пользоваться правой рукой, точно неизвестно. Существует десятка два теорий. Установлено только, что число левой в ходе истории человечества неуклонно уменьшается. Судя по найденным орудиям, в каменном веке левой рукой предпочитал пользоваться каждый второй человек, в бронзовом же веке — каждый четвертый. Возможно, что это связано с более высоким развитием человеческого мозга, особенно его левой части, которая, как известно, «дирижирует» правой половиной тела.

«СЪЯНС Э АВЕНИР», ФРАНЦИЯ

«ПРОФЕССИЯ» — ПОДОПЫТНОЕ ЖИВОТНОЕ

Тэрри Холман — 31-летний экономист, человек атлетического телосложения, кареглазый, темноволосый, с приятными чертами лица. Но теперь чаще всего вид его страшен. Это потому, что Тэрри служит... подопытным морской свинкой в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (США).

Из-за денег он предоставил себя для медицинских опытов.

Отдавая свое тело для экспериментов, Тэрри Холман был абсолютно здоров. Сейчас его здоровье подорвано, и все же он добровольно решил продать себя университету до конца жизни. Даже имея в кармане диплом экономиста с высшим образованием, он не желает отказаться от работы в должности «морской свинки».

Вначале Тэрри использовали для безобидных медицинских опытов: пробы крови, разные дозы никотина,

кожные реакции. Получал он за это не густо: 45 долларов в неделю. И тогда речь пошла о сложном и рискованном вмешательстве в человеческий организм. Так 31-летний мужчина стал экспериментальным материалом для исследований. Ему вводят зонды в разные части тела, берут пробы костной и легочной ткани, делают инъекции опиума, исследуют очаги заражения в позвоночнике и проверяют эффективность новых лекарств против злокачественных опухолей. За это он стал получать 185 долларов в неделю...

В США тысячи людей продают себя подобным образом. Но это характерно не только для США. В других странах, например, в ФРГ, законы не запрещают делать людей подопытными свинками...

«БУНТЕ ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ФРГ

ТУРИЗМ И ПРИЗРАКИ

Группы служащих управления туризма графства Уотерфорд в юго-восточной Ирландии провели опрос среди населения, стремясь разузнать подробности о всех призраках, которые «обитают» в заброшенных замках этой части острова. Опрос представлял вторую часть исследования, предпринятого упомянутым управлением. Первая часть имела целью выявить дома, кладбища и развалины, «посещаемые» по ночам призраками исторических личностей, таких, например, как королева Елизавета или Мария Стюарт. Для этого всем жителям графства Уотерфорд были разосланы формуляры с просьбой записать все, что знают они об «исторических призраках». Эти формуляры вызвали веселый смех. Тем не менее управление получило достаточно сведений относительно привидений. На основании их была составлена карта призраков, которую начали предлагать туристам — любителям острых ощущений. Необычная реклама вызвала резкое увеличение заявок на экскурсии, управление организовало даже специальные маршруты по местам «с призраками», которые

оказались особенно прибыльными. А как только число легковерных и простодушных туристов стало уменьшаться, организаторы туризма в графстве решили выявить новые привидения, способные возродить предприятие.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ВОСЬМИЛЕТНИЕ РАБЫ

В длинной, тщательно замаскированной от полицейских глаз «мастерской» за столами и прямо на земле сидели десятки мальчиков и девочек и работали — вырезали, складывали, клеили бумажные украшения, которые покупают в Бангкоке и во всем Таиланде на различных праздниках и торжествах. Одаты в лохмотья, дети были страшно худые, невыспавшиеся, и не удивительно: ведь они должны были работать по 16—18 часов в сутки! За работу хозяйка «мастерской» платила им в переводе на наши деньги около двадцати копеек. Но и эта «плата», по существу, была символической, поскольку хозяйка обычно вычитала из ежедневного заработка «за пищу и жилье». Дети находились на грани истощения, и некоторых, главным образом самых малых, понадобилось немедлен-

но отвезти в больницу. В необычном «предприятии» в предместье тайландской столицы Бангкока, как выяснило следствие, работали дети от восьми до четырнадцати лет. Они были рабами в буквальном смысле этого слова: хозяйка их «самым обычным образом купила» в бедных деревнях северо-востока страны. В этих районах царит беспределная нищета, бедняки не могут прокормить своих детей и продают их в город. В Таиланде существуют целые агентства по торговле, загребующие огромные барыши: за восьми-десятилетнего ребенка, проданного в какую-нибудь из тайных «мастерских», они получают от 400 до 500 долларов. Дети постарше ценятся еще выше... Торговля детьми процветает.

«ТЮКЕР», ВЕНГРИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

КАРАШКА

КАМКА

КАРЕКНИ

Петер АДАМС (ГДР).

— Если кто-либо хочет совершить такое, что привело бы к уничтожению его близких, причем так, чтобы, как говорится, не осталось ни малейшего запаха, он должен учитывать одно: цивилизация все усложняет,—продолжал Шеннон уверенно.—Цивилизованный человек слишком много думает, и это его самая большая ошибка, в том числе когда речь идет о борьбе за существование. Это кончается всегда тем, что с наступлением утра человек должен покинуть свою кровать, в которую он может больше никогда не лечь, потому что его повесят. Тем самым я хочу сказать, что человек должен вернуться к естеству. Вопрос, который тебя занимает, тоже должен быть решен естественным путем, примитивно, элементарно. Например, замок Карентин со всем его содержимым мог бы сгореть...

— Сжечь людей—это я никогда бы не смогла,—возразила Дороти и невольно бросила взгляд на Фишера, потягивавшего пиво из кружки.

— Отравить рыбу или мясо—тоже испытанный метод,—подсказал Шеннон.—Однако перед этим ты должна выпить пять-шесть стаканов соленой воды, чтобы тебя своевременно освободило от съеденного и ты сама не отравилась на тот свет.

— Неплохо придумано,—согласилась Дороти.—Но как мне удастся залить до этого шесть стаканов соленой воды в Патрицию, Фишера и Розу, чтобы они остались живы? Нет, это тоже не подходит.

— Пожалуй, ты права. Но у меня есть еще одна идея!—Шеннон постучал себя пальцем по лбу, показав, где у него рождаются мысли.—У доктора Эванса в подвале находится лаборатория. Там он постоянно производит взрывы. Что, если казнить вечером, когда состоится очередная партия в бридж, произойдет большой взрыв и находящиеся в зале над лабораторией взлетят на воздух?

— Ты забываешь, что, согласно завещанию, я тоже обязана играть в бридж! Жертвовать своей собственной жизнью, чтобы отделаться от этих трех, кажется мне... слишком нерентабельным.

— Тогда нам нужно просто придумать, по какой причине ты в тот вечер на несколько минут покинешь зал. Для этого можно найти десятки причин.

— Что ж, это подойдет,—согласилась Дороти. По ее лицу трудно было понять, говорила она серьезно или шутила.—Мы вместе воровали яблоки. Почему бы нам не продолжить карьеру преступников?—Она засмеялась, показав свои белоснежные зубы.

Былуу Шеннону, однако, было не до смеха. Он вдруг подумал, что своими советами он выпустил из бутылки духов, которые в один прекрасный день прикончат и его. Такая перспектива заставила его содрогнуться.

— Послушай, Дороти, мне кажется, что мы зашли слишком далеко. Давай прервем наш разговор,—сказал он.—Я честный человек, плачу свои налоги...

— Не прикидывайся агнем,—сказала Дороти с издевкой.—Как-то я подсчитала, сколько доходов

РОМАН —
ПАРОДИЯ

Перевод
Галины и Юрия
ЖАРОВЫХ.

ты утаил от властей за последние десять лет. Сумма получается весьма кругленькая, восемь тысяч фунтов.

— Ты с ума сошла.

— Ты мошенник, Билл,—парировала Дороти дружелюбно.—Кстати, что ты делаешь с дельфином после того, как его вскрыешь и разольешь французский коньяк по бутылкам? Ты посылаешь его почтовой посылкой обратно во Францию?

Шеннон сделал глупое лицо. Он не нашелся, что ответить. Сразу после войны он занялся контрабандой французского марочного коньяка. В этом деле ему помогали два рыбака, братья Вокслей, которые выходили на своем катере в Атлантический океан и охотились на дельфинов. Дельфина препарировали: в нутро вставляли сосуд из искусственного материала, в который входило до трехсот литров жидкости. Когда рыбаки возвращались с охоты в Уолс, дельфин, висевший на лебедке, был виден уже издали, и никому из таможенников и в голову не приходило, что он наполнен коньяком.

— Я даже не знаю, как выглядит дельфин,—пытался отговориться Шеннон.

Дороти, усмехнувшись, покачала головой.

— Дельфин из породы китов. Кстати, кашалот, длина которого достигает почти двадцати метров, больше подошел бы для твоих проделок. Ты смог бы обеспечить коньяком всю Англию.

Шеннон ухмыльнулся.

— Для столь большой оптовой торговли у меня нет необходимого капитала. Не хочешь ли ты подключиться к этому делу?

— Я подумаю.—Дороти встала.—Итак, если ты услышишь, что все мои любимые гости подошли от отравленной рыбы или разлетелись в клочья во время взрыва, ты должен на суде заявить, что я абсолютно невиновна.

Когда Дороти подошла к автомашине, Фишер уже ждал ее. По дороге домой она спросила его как бы между прочим:

— Приятная таверна эта «Кровавая кузница», не так ли?

— Конечно, миледи,—ответил Фишер.—И все же я позволю себе заметить, что существует полиция, которая делает все, чтобы некоторые старые традиции ушли из нашей жизни.

— В этом вы правы,—ухмыльнулась Дороти.—Билл Шеннон—величайший престофила. Цивилизация сделала его дегенератом. Ему даже в голову не придет, что кто-то может посягнуть на жизнь своего ближнего.

— Меня это успокаивает,—уважительно сказал Фишер, не поворачивая головы.

Дороти не раз убеждалась в том, что Фишер отлично водит машину, но сегодня он был особенно великолепен за рулем.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой компания наследников оказывается на волоске от гибели. Полковник Декстер развивает философию преступления. Не кто иной, как именно загадочный садовник, предлагает уведомить полицию.

В пятницу Дороти спустилась в подвал, чтобы поболтать, как она это иногда делала, с доктором Эвансом. В этот день у нее было на редкость хорошее настроение. Она разговаривала со своим новым адвокатом, который посоветовал ей обжаловать завещание. Он не исключал успеха, если ей удастся доказать суду, что Роберт Торп, этот безнадельный пьяница, был невменяемым.

Маленький человек с рыжей гривой встретил Дороти, как всегда, восторженно. Когда она поинтересовалась, над каким изобретением Эванс работает в настоящее время, он рьяно начал рассказывать, что сейчас конструирует дисковую пилу, которая будет резать стекло при помощи ревущего звука на расстоянии десяти метров. Кроме того, он изобрел громоотвод, который не только притягивает разряд, но и преобразует его в полезную электрическую энергию.

Дороти проявила особый интерес к одному из его занятых изобретений, которое внешне напоминало швейную машину с двумя пропеллерами и парой полозьев. Когда она спросила о назначении этого чудовища, Эванс открыл рот, намереваясь начать длинное объяснение. Но прошло полминуты, минута, а он все молчал. Наконец он стукнул себя по лбу и признался, что забыл назначение этой машины, но она, конечно же, относится к числу самых замечательных его изобретений. Он начал уже переговоры с одной из итальянских автомобильных фирм, которая намерена купить у него патент.

Дороти одобительно кивнула. Про себя она подумала: «Таким парням, как он, не следовало бы вообще давать свободно разгуливать, если даже они и производят столь безобидное впечатление». Еще больше она была удивлена, когда доктор Эванс продемонстрировал ей свое следующее изобретение. Это был будильник, источавший тихую мелодию. Если его не выключить, то он давал о себе знать коротким звонком, а потом раздавались страшные, омерзительные звуки, от которых даже мертвые могли бы восстать из гробов.

— Этот будильник бесперывного действия,—сказал Эванс,—я продал американской часовой фирме. Сейчас он запущен в серийное производство и раскупается значительно лучше, чем ожидалось.

— И вам заплатили за это изобретение?—спросила Дороти недоверчиво.

— Да. Восемьдесят тысяч долларов.—Он пошарил в одной из папок и достал письмо, в котором действительно указывалось, что на его счет была переведена названная сумма.

— Как же вы распорядились такой большой суммой?—спросила Дороти.

Эванс пригладил свою рыжую шевелюру.

— Я вложил все деньги в эту вещь.—И он кивнул в сторону швейной машины с пропеллерами и полозьями, добавив, что уже долгое время старается вспомнить, для каких целей он ее сконструировал.

Дороти спросила о непрекращающихся взрывах, которые сотрясают замок.

— Я работаю над бомбой нового образца, которую можно было бы использовать для рытья могил. Работать она будет по принципу крота, выбрасывая землю с помощью серии небольших взрывов.

— А что, если вместо серии малых взрывов произойдет один большой?—спросила Дороти.

— О, это наверняка была бы катастрофа для нашего замка.—Доктор Эванс посмотрел на нее смущенно и в то же время сочувственно. Подумав немного, он утешительно сказал:—Для здешней округи и жителей деревни это был бы, конечно, большой плюс. На том месте, где, простите за мою откровенность, стоит такое действительно безобразное здание, они могли бы соорудить купальню.

— Купальню?
— Ну, конечно,—пояснил Эванс.—Если замок взлетит на воздух, то на этом месте образуется большой кратер, и наша милая речушка не будет весной заливать всю местность, а заполнит этот котлован. Это была бы большая радость для детей, они могли бы здесь летом купаться.

— О такой перспективе я, признаться, не думаю,—сказала Дороти.

Она остановилась перед изобретением, внимательно рассматривая его. С потолка свисал трос, на котором на расстоянии примерно десяти сантиметров друг от друга было расположено около дюжины железных шариков, наполненных взрывчаткой.

Доктор Эванс пояснил:

— Стоит лишь включить эти два штепселя в электрическую сеть, как один за другим начнут взрываться отдельные заряды по принципу дистанционной трубки. И в одно мгновение могила готова.

— Для меня это была действительно приятная и очень поучительная беседа,—сказала Дороти.—Когда я вновь поеду в Уолс за покупками, то приобрету дюжину резиновых крокодилов, купальных шапочек, ласты и аппараты для подводного плавания.

— Понимаю, вы хотите вооружиться на случай, если мои бомбы взорвутся одновременно,—сказал доктор Эванс и погрузился в размышления. У Дороти же родилась идея.

Полковник Декстер видел привидения там, где по английским традициям они едва ли могли встречаться, в том числе и в зале замка, где все наследники, как обычно, собирались на чай.

— У меня такое чувство, как будто мы здесь не одни.—Он многозначительно посмотрел вокруг и понял, что, кроме них, там никого не было. Однако это не помешало ему настаивать на своем утверждении:—Есть явления трансцендентального мира, которые нельзя ощущать, но которые, однако, непостижимым для нас образом существуют. Когда я служил в Индии в форте Нагпур, у меня был слуга, здоровый парень из племени сикхов. У него на лбу были нарисованы три точки, он принадлежал к низшей касте кожевников. Это был превосходный слуга, который заботился обо мне, как о своем отце. А какой он был повар, скажу я вам! Даже когда я был так сыт, что уже при одном виде рисового зернышка меня тошнило, я мог съесть целую курицу, если ее готовил он.

— Это невероятно!—воскликнула Стелла Грэди.

— И что же выяснилось,—продолжал задумчиво полковник,—оказывается, мой сикх, который почти целый год ухаживал за мной, вовсе не существовал. Как мне объяснил один йог из горной деревни в Гималаях, это был дух раненого, которого я притащил на своих плечах в форт. В знак благодарности он принял решение служить мне после своей смерти как дух. Такие случаи встречаются в Индии часто. В те годы в стране насчитывалось около трехсот миллионов жителей, но духов было по меньшей мере в сто раз больше. Воздух, так сказать, кишел ими.

— То есть, глубоко вздохнув, можно было втянуть в легкие парочку-другую. Ужасно,—заметила Дороти.

У доктора Эванса был свой метод заткнуть рот чванливому солдафону и духовидцу. Достав блокнот и карандаш, он начал вслух высчитывать, сколько воздуха вытеснил бы такой дух, будь он слугой. Бывшая почтовая начальница восхищенно заметила:

— Вы высказали то, полковник, что я постоянно ощущаю. Кроме мира, в котором мы вынуждены жить, имеется другой, потусторонний мир. Наш английский климат весьма благоприятен для явления такого рода.

— Полковник одобрительно кивнул—он тоже считал, что английский климат весьма благоприятен,—и поднял свой костлявый палец вверх.

— Вы правы. Возьмем, например, «Кровавую кухню». Не удивительно ли, что там всегда бродят призраки и звенят цепи на стенах? Они всегда напоминают о своем страшном прошлом, когда служили средствами для пыток.

Дороти одобрительно кивнула.

— И не забудьте упомянуть наш замок. Если подняться на второй этаж, то каждая ступенька скрипит по-своему. А если наступает непогода, то начинается сквозняк, который вызван отнюдь не только ветром.

— Да, да. Я чувствую себя все время в окружении зловещих сил тьмы. Меня не покидает чувство, что на наши головы обрушится несчастье.

Несчастье пришло в лице дворецкого Фишера. Он появился в дверях с двухметровым резиновым крокодилом и почтительно спросил, куда положить оснащение для бассейна.

— Зачем вы надули животное?—спросила Дороти.—Этой рептилийей вы не на шутку напугали наших дорогих гостей.

— В инструкции написано, что, покупая крокодилов, надо проверить, не пропускают ли они воздух.—Он положил крокодила на пол.—Эти крокодилы в порядке. Лягушки тоже в порядке.

— Красивое животное, не так ли?—ехидно спросила Дороти.

Декстер и Грэди были озадачены: доктор Эванс реагировал иначе. Он положил крокодила на стол для игры в бридж, несколько раз обошел вокруг него, нажал на кнопку отверстия, через которое надувают воздух в животное, и сказал:

— В мире еще так много загадочного. Например, наш военно-морской флот оснащен надувными лодками, которые сами надуваются, когда их бросают в воду. И в то же время бедные малыши должны изо всех сил тужиться, чтобы надуть такое огромное животное. Я нахожу это бесчеловечным.—Доктор Эванс наморщил лоб и, осмотревшись вокруг, будто он что-то искал, спросил:—Животные действительно чудные, но почему их двадцать? Я не знал, что у нас так много детей.

— Детей?—Смертельные враги Дороти подались вперед.—Каких детей?

Миссис Торп, само воплощение доброй, любящей женщины, сказала неожиданно мягко:

— Они скоро будут здесь. Я уже связалась с ведомством детских домов в Уолсе, и мы договорились, что в замке Карентин можно будет разместить по меньшей мере тридцать—сорок детей. Кстати, эту великолепную идею подсказал мне доктор Эванс. Что вы на это скажете?

Она торжествующе смотрела на полковника и Грэди.

Первым пришел в себя полковник.

— Так ведь это... это настоящая коммуна! Однако вы не можете просто...

— Я могу,—еще торжественнее заявила Дороти и обратилась к Стелле Грэди:—Вы будете очень нужны на кухне. Тридцать—сорок детей, их надо всех накормить.

Старая почталыонша хотела съязвить в ответ, но не успела. В прихожей зазвонил телефон, и тут же появился добрый дух дома Патриция, которая сообщила Дороти, что господин Шеннон хотел бы с ней поговорить.

Дороти извинилась и вышла из зала. И тут несколько оглушительных взрывов сотрясли все помещение. Стены шатались и трескались, в полу образовалась большая черная дыра, из которой шипя поднялось зловонное облако и смешалось с известковой пылью.

Когда пыль немного осела, Дороти, прибежавшая из прихожей, увидела, что взрыв причинил лишь материальные разрушения. Ее заклятые враги не пострадали, если не считать нескольких синяков и ушибов. Правда, Грэди стонала:

— Помогите, помогите, я умираю!—Но, к сожалению, она ни на дюйм не была ближе к смерти, чем до взрыва.

Воздушная волна даже не вырвала сигару изо рта доктора Эванса. Он был весь покрыт известковой пылью и похож на снеговика, что, однако, не помешало ему констатировать:

— Это был научный несчастный случай, наверняка вызванный бомбой цепной реакции.—И не без разочарования добавил:—Ее сила оказалась значительно меньше, чем я рассчитывал, но я не понимаю, как могла бомба взорваться сама по себе. Собственно говоря, это совершенно исключено.

— С одной стороны, исключено, с другой стороны, несчастный случай, обычный в науке,—гаркнул полковник.—Это было покушение.

— Ну кто бы хотел убить вас?—пропыхтела презрительно Патриция.

— Я-то знаю человека, который хотел бы нас сжечь со света, чтобы потом вести распутную жизнь,—прошипела Грэди, бросив презрительный взгляд на Дороти.

— Глупости,—ответила Дороти презрительно,—если бы речь шла только о вас, я бы еще могла пойти на такой риск. Но неужели вы серьезно думаете, что я попыталась бы отправить на тот свет такого милого человека; как доктор Эванс? Уже сама эта мысль кажется мне преступлением.

— Ясно одно: нужно вызвать полицию,—решительно заявил полковник.—Во всяком случае, у меня нет никакого желания снова взлететь на следующий этаж через потолок.

— У меня тоже,—процедила Грэди.—Кроме того, чрезвычайно странно, что как раз за минуту до взрыва известное лицо было вызвано к телефону, в то время как мы...—Ее охватил ужас, словно она увидела себя в гробу.

Появление Фишера прервало спор. Он тяжело дышал, но, как всегда, был корректен, почтителен, как подобает учтивому дворецкому.

Осмотревшись, он обратился к Дороти:

— Я был в саду, когда услышал взрыв. Надеюсь, что никто из вас не пострадал серьезно. Если миледи разрешит заметить, то я всегда был против того, чтобы в подвале жилого дома проводились такие опасные эксперименты.

Доктор Эванс наморщил лоб.

— Что значит опасные? Если не принимать во внимание потусторонние силы, то этот аппарат мог взорваться только при включении его в электрическую сеть. А это мог сделать каждый из нас. Например, я сам.

— Если это так, сэр,—сказал решительно Фишер,—то я хотел бы сделать предложение, если мне позволит миледи. Было бы благоразумно оповестить полицию, чтобы разобраться в этом происшествии.

Дороти заколебалась. Такое предложение ей явно было не по душе.

— Ну что ж, не возражаю,—сказала она наконец.—Позвоните сержанту Вильямсу или лучше в Скотланд-ярд. Но запомните одно, мои дорогие,—она многозначительно посмотрела на присутствующих,—что полицейские как клопы. Если они хоть раз появятся в доме, то от них не так-то легко будет избавиться.

Дороти и сама не подозревала, насколько она была права.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой ситуация становится все более запутанной. В нее вмешивается инспектор Бейли, который в равной степени безжалостно УНИЧОЖАЛ ПРЕСТУПНИКОВ и крепкий ПОРТЕР, но умел ловко скрывать свои способности за упрощенной манерой поведения.

Инспектор Бейли был уже многие годы предрасположен к аполексии. Он был низкого роста, но весил больше центнера, потому что имел обыкновенные ежедневно вливать в себя свыше четырех литров портера. Его лицо приобрело сизый цвет. Ровно дышать он мог лишь сидя. Ожидавшийся на протяжении десятилетия аполексический удар не наступал, и потому среди врачей он слыл медицинским феноменом. «Строго говоря, ваше место уже давно на том свете, а ваша плоть должна бы превратиться в другие формы жизни»,—философствовал его домашний врач доктор медицины Гудор. Но инспектор мало заботился о состоянии своего здоровья, хотя ему угрожала аполексия. Он очень любил жизнь, обладал веселым характером, и все шипы, встречавшиеся на его жизненном пути, не очень мешали ему. В полицейпрезидентуме Ливерпуля Бейли был известен как «улыбающаяся пивная бочка», и он больше других смеялся над своим прозвищем.

При всем этом он был умным, опытным криминалистом, которого нелегко было провести. Когда Бейли в сопровождении сержанта Вильямса прибыл в Карентин, то сразу же понял, что взрыв в подвале не был случайностью. И вся история, как он выразился, пахла преступлением. Однако это не нарушало его хорошего настроения, тем более что Дороти дала знак принести пива и Патриция извлекла из подвала корзину с бутылками.

В других случаях Патриция не столь щедро угощала. На это у нее были свои личные мотивы. Ее давно скончавшийся муж, почтовый работник в Ливерпуле, однажды упал в гавани в воду, но отделался лишь насморком. Однако, чтобы вылечиться, он опорожнил дома бутылку виски, принял горячую ванну, в которой и утонул, заснув в пьяном состоянии.

— Сегодня жарко, и вас, наверное, мучает жажда, сэр,—сказала Патриция лицемерно, бросив тайком взгляд на сизый нос инспектора.

Бейли действительно томился жаждой. Он благодарно улыбнулся Патриции и высоко оценил ее

Продолжение на 30-й стр.

Виктор СТАРИКОВ

Почти сто лет назад, точнее, в октябре 1881 года, на страницах газеты «Русские ведомости», популярной среди либеральной интеллигенции, появились большие путевые очерки «От Урала до Москвы», подписанные одной литерой «Ъ». Они принадлежали перу никому неведомого автора из далекого по тогдашним понятиям уральского уездного города Екатеринбург. Редакция газеты, довольно щепетильную в выборе сотрудников, привлекла несомненная литературная одаренность автора, его широкий демократизм, понимание народных нужд, остроотрицательное отношение ко всей хищнической практике ведения горнозаводского дела крупнейшими магнатами Урала.

В следующем году сразу три журнала демократического направления — «Дело», «Вестник Европы» и «Устои» — опубликовали рассказы того же автора: «В камнях», «На рубеже Азии», «В худых душах». Появилась и подпись автора — Д. Сибиряк. Рассказы были замечены и положительно оценены критикой.

В январе 1883 года в журнале «Дело» началось печатание романа «Приваловские миллионы». В том же году журнал «Отечественные записки», возглавляемый М. Е. Салтыковым-Щедриным, опубликовал большой рассказ «Золотуха», вслед за ним очерки о весеннем сплаве на реке Чусовой «Бойцы», а новый 1884 год открыл романом «Горное гнездо».

Так стремительно начал свой литературный путь один из крупнейших писателей второй половины XIX века Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. В ту пору ему только-только исполнилось тридцать лет. С того времени его произведения регулярно появлялись на страницах лучших прогрессивных изданий, имя его стало известным в России.

Почти тридцать лет продолжалась активная жизнь Мамин в литературе. Она была поразительна. В литературном наследии Мамин-Сибиряка пятнадцать романов, множество повестей, сотни рассказов, очерков, публицистических выступлений.

Однако этот каскад успехов был приобретен горькой ценой.

Начало писательской деятельности Мамин-Сибиряка совпало с годами самой мрачной реакции. Александр III, вступив на престол в 1881 году, вдохновляемый обер-прокурором синода Победоносцевым, начал свое царствование с казни народовольцев.

Столетие — срок достаточный для проверки истинной ценности литературного наследия, оставленного потомкам. Имя Мамин-Сибиряка не затерялось среди других, не кануло в забвение, оно заняло почетное место в одном ряду с выдающимися художниками слова XIX века. Более того: интерес к его творчеству все возрастает. Его романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», «Хлеб», «Охонины брови» и другие — произведения, написанные пером большого художника по горячим следам современности, проникнутые любовью к народу. Они позволяют нам глубже заглянуть в прошлое, понять, как складывалась жизнь народных

масс в далеком преддверии великой пролетарской революции. А заглянуть в прошлое — означает глубже и полнее понять современность.

...Висимо-Шайтанск, возникший еще в 1741 году, стоял в сорока верстах от Нижнего Тагила, на самом водоразделе Европы и Азии. Поселок мало чем отличался от других многочисленных демидовских владений. В центре — церковь, площадь, на которую выходило низкое, с греческим фронтоном, с колоннами арачьевского ренессанса, здание конторы, «провиантский» магазин, «питейный дом», сторожевая будка. Сюда сбегались четыре горные речки, образуя обширный пруд для заводских нужд. Ниже плотины заводских фабричных корпусов. А кругом по угорьям лепились рубленные дома рабочего люда. Население жило смешанное: местные, из раскольников-староверов, беглые и вывезенные демидовым крепостные крестьяне из Тульской и Черниговской губерний. К тому времени, когда Мамин поселился в Висиме, там насчитывалось двести тридцать шесть дворов с населением в две тысячи человек.

В этом поселке 25 октября 1852 года и родился Дмитрий Наркисович Мамин. Одиннадцать лет спустя родился брат Владимир, вскоре после него сестра Елизавета.

Прожили здесь Мамин двадцать пять лет. Семья находилась в тех же условиях, что и остальные жители. Священнику Наркису Матвеевичу полагалось от заводладельца жалованье — одиннадцать рублей девятикопеек в месяц. Это равнялось среднему заработку висимского рабочего.

Дмитрий Наркисович отмечал, что его детство, прошедшее в самой глуши Уральских гор, захватило последние годы сурового крепостного режима, окрашенного особенной заводской жестокостью.

Отец писателя, окончивший Пермскую духовную семинарию, выделялся среди других священнослужителей широтой интересов, знал и любил русскую литературу. В книжном шкафу, «самой замечательной вещи» в доме, стояли книги русских писателей: Гоголя, Карамзина, Загоскина, Некрасова, Марлинского, Кольцова, Жуковского, Пушкина, Крылова, Гончарова... Среди них — переплетенный томик романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», значившийся в ту пору в числе запрещенной политической литературы. В этой глуши отец и мать, Анна Семеновна, читали журналы «Современник», «Дело». Любовь к литературе родители привили и детям.

Наркис Матвеевич, тяжело переживая рабское положение народа, с пониманием относился к его нуждам, думал о просвещении. Он организовал для мальчиков и девочек школу — в ней учились и его сыновья, — в которой был единственным преподавателем. Анна Семеновна проводила с девочками занятия по рукоделию.

В бумагах писателя сохранилось несколько проповедей отца. Одна из них касалась значения для народа отмены крепостного права. Строгое духовное начальство, наблюдавшее за висимским священником, вычеркнуло из нее следующее смело обобщенное место: «...теперь уже никто не будет

работать под палкой, теперь уже не будут отнимать для барщины дорогое для крестьян летнее время; не будут поневоле гонять народ на дальние работы, не будут отнимать детей от отца и матери в барскую дворню; не будут продавать людей, как скот; не будут обходиться с людьми, как со скотиной, а будут смотреть на всякого человека, как на человека, будь он хоть крестьянином».

«Как священник, отец, конечно, знал свой приход, как пять пальцев, — писал Мамин, — особенно горе и бедность своей паствы. И мне глубоко запали в душу слова, которыми отвечал обыкновенно отец, если я приставал к нему с требованием что-нибудь купить».

— Ты сыт, одет, сидишь в тепле, а остальное — прихоти.

Кажется, что проще этих слов и кто их не знает, но они навсегда остались в моей голове, как своего рода маленькая программа для личных потребностей... Ведь это громадное богатство — не завидовать и не желать того, что является излишеством и бессмысленной роскошью».

Отец и мать сознавали всю ограниченность деятельности священнослужителя, мечтали дать детям образование, вырастить из них полезных обществу людей.

Но обучение в гимназии двоих детей стоило сорок восемь рублей. Такого расхода родители позволить себе не могли. Зато дети священников имели право на бесплатное обучение в духовном училище. Так Николай (старший брат) и Дмитрий оказались учениками духовного училища в Екатеринбурге.

Начались долгие и трудные годы жизни будущего писателя.

Двухлетнее пребывание в бурсе оставило в его душе самые мрачные воспоминания. С одной стороны, невежество преподавателей, причувших учеников к бессмысленной зубрежке, с другой — дикое нравы самих бурсаков, озлобленных постоянным голодом, преследованиями учителей, жестокостью товарищей. Сохранились ранние рукописи писателя о пребывании в бурсе, в которых слышен его негодующий голос: «И долго еще не поймут люди, что есть тяжелые преступления, хотя и не пролиты тут крови, что есть преступники, которым мало места на каторге, хотя они во всю свою жизнь не пролили, может быть, ни одной капли крови, не отрезали ни одной головы. И доживают эти люди тихо и спокойно свой век, доходят они до больших чинов и почестей, и отдадут и будут еще долго отдавать им отцы и матери своих детей, тех детей, для которых они не пожалеют своей жизни, которые для них все в здешней жизни».

Такие же тяжелые воспоминания оставили и годы, проведенные в Пермской духовной семинарии. И тут в преподавании царил схоластика и зубрежка. Но появились книги, которые познакомили будущего писателя с естественными науками. Доступными стали передовые журналы, на страницах которых печатались произведения Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского. Увлекали Мамин и произведения революционных демократов. Среди них на первом месте был Писарев, оказавший сильнейшее

влияние на мировоззрение юноши. Он и сам пробовал писать, побуждаемый желанием рассказать о тяжелой жизни рабочего люда Урала. А способности у него уже проявлялись. По классным сочинениям Мамин среди семинаристов занимал первое место.

Слушатели, окончившие четырехлетний курс духовной семинарии, имели право поступления в высшие учебные заведения. Им и воспользовался Мамин.

Двадцатилетний юноша, полный веры в свое будущее, мечтающий продолжать литературные опыты, еще вчера скованный душным регламентом духовной семинарии, где следили за каждым шагом воспитанников, оказался в наэлектризованной революционными идеями среде передового студенчества в Петербурге.

Еще со времени пребывания в бурсе Дмитрий Мамин привык еженедельно писать родителям о своей жизни, делаясь всем самым сокровенным. Эти письма находили отклик у родителей, поддерживали в нем веру в свои силы. В одном из первых писем Мамин, только начавший занятия в Медико-хирургической академии, писал родителям: «Из Петербурга можно далеко видеть вокруг, чего никак нельзя достичь в провинции. Мы не только имеем возможность получать из первых рук те идеи и мысли, которые пропущены нашим правительством, но и те, которые не пропущены (подчеркнуто Мамин-Сибиряком. — В. С.) им. А это много значит при нашем теперешнем положении. Нам необходимо знать, чем живет настоящая жизнь, современная нам».

В России росло освободительное движение, направленное на борьбу с самодержавием. Земля оставалась в помещичьем владении, крестьянство, получив «волю», опять оказалось в полной зависимости от вчерашних рабовладельцев. Именно в эти годы в среде молодежи созрели идеи «хождения в народ» для возращения ему «исторического долга», поднятия его на борьбу с царизмом. Студенты уезжали в деревню, поступали на фабрику врачами, учителями. Возникали тайные типографии, для народа печатались листовки, в которых прямо указывалось на необходимость свержения полицейско-самодержавного строя. Мамин стал свидетелем громких политических процессов, по которым участники подпольного движения приговаривались к многолетним каторжным работам.

Его товарищи-студенты принимали активное участие в этом движении. Мамин, сочувственно относясь к их деятельности, свой путь видел иным — в писательстве. Позже он сформулирует свой писательский долг перед народом так: «Моя цель — самая честная: бросить искру света в окружающую тьму».

К этому времени Мамин познакомился с только что вышедшим в России «Капиталом» К. Маркса.

Уже рождались наброски крупных произведений, в том числе и первые варианты будущего романа «Приваловские миллионы», в которых зазвучали волнующие Мамин идеями искания передовой молодежи тех лет.

Студенческая жизнь складывалась трудно. Родители не могли оказывать

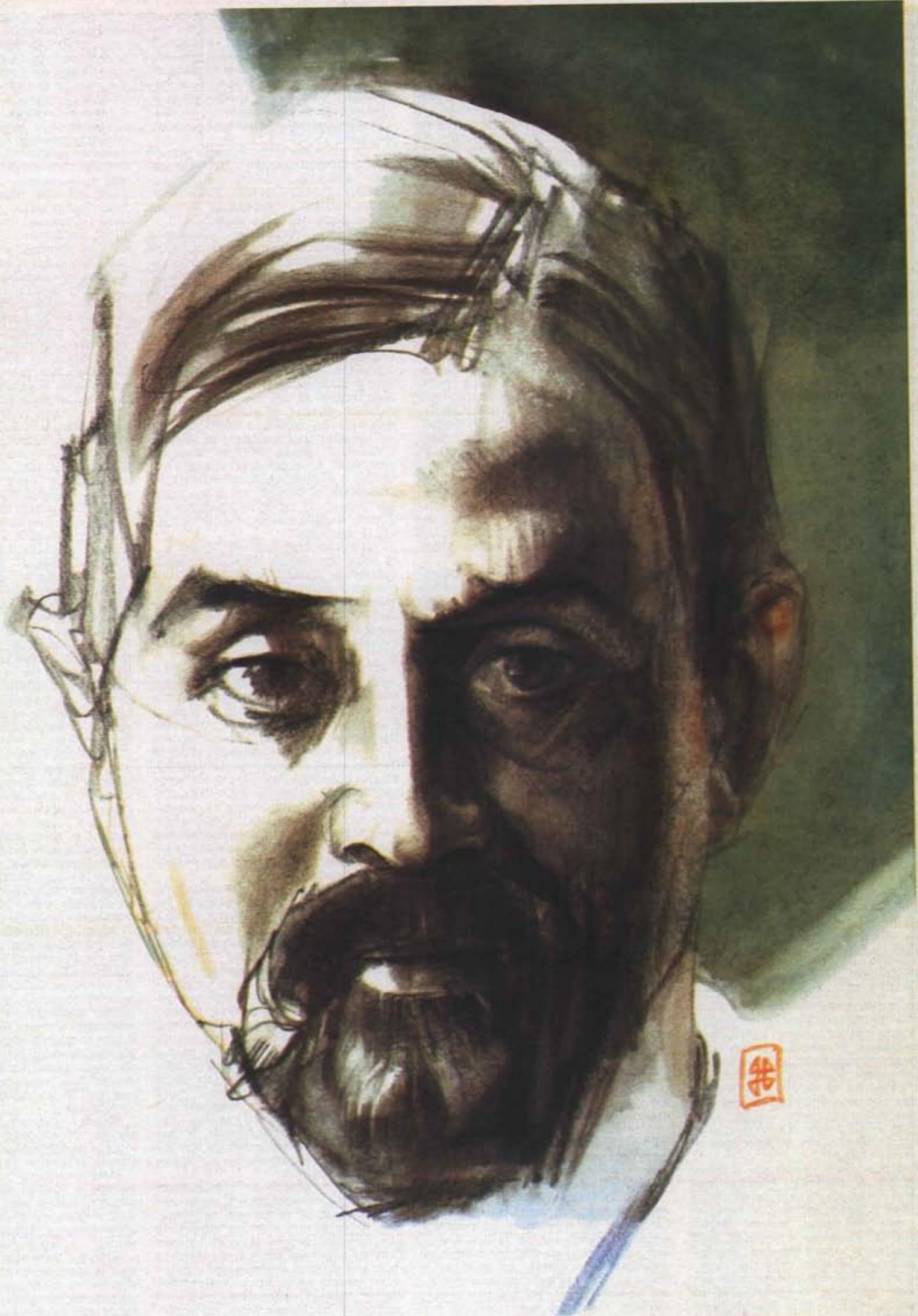

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

существенной помощи сыну-студенту. Дмитрий Мамин, экономя каждую копейку, нередко голодал. Нужда вынудила его взяться за скудно оплачиваемую репортерскую работу. К этому же времени относятся и его первые литературные выступления. В расхожих еженедельниках начали появляться его рассказы, написанные так, чтобы угодить коммерсантам-редакторам. «Деньги, деньги и деньги... Вот единственный двигатель моей настоящей литературной пачкотни,— самоосуждающе писал отцу Мамин,— и она не имеет ничего общего с теми литературными занятиями, о которых я мечтаю и для которых необходимо много учиться, а для того чтобы учиться, нужны деньги. Вам не понравится, папа, это откровенное признание за деньгами такой важности, но если приходится вырывать у судьбы чуть ли не каждый грош почти зубами, то эта сила денег делается совершенно очевидной».

Прельщенный возможностью сразу поправить свои денежные дела, Мамин написал по заказу издателя большой роман «В водовороте страстей», рассчитывая получить за него обещанные 500 рублей. Однако издатель журнала, а затем и книгоиздатель, выпустивший самовольно роман отдельной книгой, обманули молодого автора, не заплатив ему ни копейки...

Все злоключения студенческих лет, все муки творчества молодого литератора Мамин ярко передал в интереснейшем романе «Черты из жизни Пепко», опубликованном спустя почти двадцать лет.

Систематические голодовки, вся неустойчивая жизнь, мучительная и трудная борьба за существование губительно сказались на здоровье. Мамин заболел тяжелой формой плеврита и, по настоянию врачей взяв отпуск в университете, куда он к той поре перевелся, покинул Петербург, рассчитывая осенью вернуться в столицу и продолжить образование. Но житейские обстоятельства этому помешали.

В конце января 1878 года на пятьдесят первом году жизни внезапно скончался отец писателя. Семья оказалась в самом бедственном положении. Заботы о ней легли теперь на плечи Дмитрия Наркисовича. О возвращении в Петербург нечего было и думать...

В Нижней Салде, где жили теперь Мамины, не нашлось даже места конторщика на заводе, не оказалось работы и в Нижнем Тагиле.

В поисках ее Мамин переехал в Екатеринбург. Не один. В Нижней Салде он познакомился с Марьей Якимовной — женой инженера Алексея. Мать троих детей, красивая, образованная, она была старше Мамина на шесть лет. Отец ее, Яким Семенович Колногоров, был личностью в своем роде примечательной в уральском крепостном мире, известной на заводах по обе стороны Уральского хребта. Из крепостных, начав с конторского рассыльного, Колногоров поднялся до помощника управляющего тагильскими заводами Демидова, оставшись на всю жизнь его верным слугою. Дочери он дал хорошее образование, она знала иностранные языки, любила и понимала музыку. Замуж вышла чуть ли не в шестнадцать лет, но брак оказался несчастливим.

Молодые люди, уверенные в своих чувствах, не побоялись гражданским браком бросить вызов общественному мнению. В Екатеринбурге, не скрываясь, они поселились вместе. Марья Якимовна, уверовав с первых дней знакомства в талант Мамина, поддерживала его во всех трудных обстоятельствах. Оба жили дешевыми частными уроками, отнимавшими до двенадцати часов в день. Однако Дмитрий Наркисович не опускал рук, продолжал работу над романом и расска-

зами. Он упорно посылал рукописи в редакции петербургских и московских журналов, и они так же упорно возвращались автору с отрицательными отзывами...

Летом 1881 года Дмитрий Наркисович поехал в Москву, все-таки надеясь продолжить образование в Московском или Петербургском университете. Марья Якимовна хотела поступить на Высшие женские курсы Герье. Однако с подачей заявления в университет Мамин опоздал. Тогда он решил задержаться в Москве, с тем чтобы еще и еще раз попытаться счастья в журналах. На этот раз ему повезло.

Завязались личные отношения с редакторами в Москве и Петербурге, рассказы и очерки пошли во многих изданиях. Все это явилось результатом огромной, упорной, ни на минуту не прекращавшейся литературной работы.

Посланный из Екатеринбурга в «Отечественные записки» рассказ «Золотуха» привлек внимание М. Е. Салтыкова-Щедрина. Великий сатирик почувствовал в начинающем писателе сильный талант. Между Маминым и Салтыковым-Щедриным завязалась дружественная, открытая, на равных, переписка. В начале 1884 года, сообщая о печатании романа «Горное гнездо», Салтыков-Щедрин сетовал на правительственные притеснения. «Чувствуется какая-то усталость всюду,— с горечью отмечал сатирик,— книга не интересует, а всякий выписывает газету или иллюстрированный журнал».

На свое сотрудничество в «Отечественные записки» Мамин возлагал большие надежды. Этот журнал и своим демократическим направлением и умным руководством Салтыкова-Щедрина как нельзя более был близок Мамину. Писатель чувствовал, что здесь его талант обрел бы подлинную силу, здесь, поддержанный искренним сочувствием, он расцвел бы как нигде. Но надеждам не суждено было сбыться. На четвертой книжке, где появилось окончание его романа «Горное гнездо», журнал по решению правительства прекратил свое существование. Закрытие этого журнала было сильнейшим ударом по демократическим силам страны.

И пошла полоса неудач. Журнал «Устой» только начал выходить, но из-за цензурных придирок скоро прекратил существование. Страшному разгрому подвергся старейший демократический журнал «Дело». Мамин утратил сразу три журнала демократического направления, с которыми он связывал свою литературную судьбу, свое будущее. Оставались лишь благонамеренные журналы либерального направления. В них-то и пришлось печататься Мамину, никогда не опускавшемуся до сотрудничества в подданнических изданиях.

Десять лет жизни в Екатеринбурге стали годами напряженной творческой работы. Поражительной была трудоспособность Дмитрия Мамина. В Екатеринбурге он создал романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца», многочисленные повести, десятки рассказов. Все вместе представляло широкую картину жизни Урала, изображенную рукой большого художника, открывало читателям совершенно неизвестный до того обширный уральский рабочий край.

Критики того времени много и увлеченно писали о рассказах Мамина-Сибиряка. Но странное дело: отмечая яркое дарование автора, глубокое знание уральской жизни, не замечали социальной остроты писательского глаза. О романах же, широких полотнах уральской жизни вообще не появилось даже краткого отзыва, что задевало автора.

Долго не ладилось с изданием книг.

Лишь в 1888 году, спустя шесть лет после первых публикаций, не без труда появились два тома «Уральских рассказов», которые в цензурном комитете расценивались как «красные». Из полусотни опубликованных к тому времени рассказов Мамин, осуществляя сокровенный замысел, отобрал для этих книг лишь тринадцать произведений.

Еще два года спустя и спустя четыре года после публикации в «Отечественных записках» появилось отдельное издание «Горного гнезда». Жить, печатаясь только в журналах, не имея новых изданий, было трудно.

В Мамине-Сибиряке, изображавшем уральскую действительность, критики зачастую видели всего лишь этнографа или бытописателя и не замечали, что впервые в русской литературе им был отображен во всей неприглядности «его препохабие» капитал и слуги его — капиталисты-заводчики, да еще уральские капиталисты-заводчики, ощущавшие себя хозяевами жизни вообще и, само собой разумеется, хозяевами жизни трудового люда. Писатель твердой рукой, резкими красками рисовал «жизнь во мгле» заводского рабочего, его лютых эксплуататоров, не оставляющих надежды на помощь и спасение откуда бы то ни было. Он исподволь, но неуклонно подводил читателя к мысли, что дальше так продолжаться не может, что самое великое терпение — терпение русского рабочего — неизбежно должно истощиться. И что тогда?

Горнозаводские рабочие Урала и в те годы составляли почти шестьдесят процентов горнорабочих России. Их полная оторванность от перовых людей и центров — до бога высовок, до царя далеко — определяла полную безнаказанность хозяев. Жестокость не знала меры, забитость людей — тоже.

В романе «Приваловские миллионы» пером талантливого писателя-реалиста изображалась жестокая и беспощадная борьба вокруг захвата богатейшего наследства заводчика Привалова. В самом неприглядном свете предстал в романе «Горное гнездо» владелец многочисленных Кукарских заводов Лаптев, для которого прообразом послужил мультимиллионер П. П. Демидов, «один из анекдотических людей России», по определению Мамина, и вся многочисленная продажная челядь, окружавшая «владыку», жаждавшая урвать и свою кроху с его стола.

Вчерашние помещики-заводовладельцы, располагавшие даровой рабочей силой, дабы увеличить доходы, которые сами текли за счет каторжных условий труда, искали новые, наиболее эффективные формы эксплуатации вольнонаемных рабочих. В романе «Три конца» управляющий заводами Голицынский так определяет свою «программу»: «Я смотрю на рабочую силу, как на всякую машину,— и только. Ни больше, ни меньше. Каждая машина стоит столько-то и должна давать такой-то процент выгодной работы, а раз этого нет — я выкидываю ее за борт. Разве может быть самолюбие у паровой машины?... Лучший пример для нас — Европа, в особенности Англия. У нас рабочие страшно распухли, и необходимо их субординировать. Будем учиться у Европы».

Рабочие ответили на притеснения Голицынского решительной, правда, не организованной стихийной забастовкой, в результате которой омертвела вся заводская округа. Мамин-Сибиряк первым в русской литературе показал силу рабочего единения, направленную на защиту своих прав. Эти первые, самые первые проявления рабочего движения на Урале были провозвестниками будущих грозных битв рабочего класса с царизмом.

В рассказе «Золотуха» смотритель золотых приисков, пьяница и развратник, инородец Бучинский пренебрежительно отзывается о русском народе: «Самый проклятый народ... Я говорю вам, в высшем градусе безразличный народ...»

Мамин-Сибиряк, до глубины души оскорбленный поношениями его соотечественников, в своих романах, повестях и рассказах выступал в защиту народа, подчеркивая как раз его высокие нравственные понятия, красоту и силу народных характеров. В «Уральских рассказах», освещенных светлым взглядом писателя на родной край, изображены люди самых разных профессий: мастеровые, крестьяне, лесники, бурлаки, охотники, старатели, священнослужители.

М. Горький в отзыве о рассказе «Вашка» писал, что он «производит сильное впечатление, еще раз доказывая, что иногда и грязь не мешает человеку блеснуть алмазами духовной красоты». Эту «духовную красоту» несли многие герои писателя. Таков у него Савка в рассказе «На пихане», выходец из рабочих, попавший в свое время в острый по недоказанному преступлению, вступающий в отчаянную борьбу с жестоким, тупым и самонадеянным управителем-немцем Карлом Ивановичем. «Ох, везде неправда, везде темнота, везде это самое зверство!» — говорит Савка, развивая ту мысль, что в лесу зверь лютует только с голоду, а человек может лютовать даже сытый, как этот немец. Ярко и сильно выписан бурлак Савоська в очерках «Бойцы». На берегу, в массе, он выделяется лишь особым пьяным ухарством. Но как преобразается этот человек в труде, становясь настоящим героем, когда уверенно и твердо ведет через пороги и шивера барку, груженную медью. «Савоська был именно такой творческой головой, какая создается полной опасностью жизнью. С широким воображением, с чутким отзывчивым умом, с поэтической складкой души, он неотступно владел симпатиями разношерстной толпы», — писал о нем Мамин.

В. Д. Бонч-Бруевич, старый большевик, управляющий делами Совета Народных Комиссаров, работавший с Лениным с первых дней Октября, прочитав эти рассказы в юности, писал, что они его «впервые натолкнули на мысль о необходимости борьбы за лучшую жизнь рабочих и крестьян».

Дух безвременья, апатия, о которых писал Мамину Салтыков-Щедрин, определяли общественную жизнь восьмидесятых годов. Некоторые либеральные органы все дальше уходили от идей революционных демократов и возлагали надежды на «конституционную монархию», а народники — на крестьянство, не желая замечать, что Россия вступила на путь капиталистического развития, что в стране бурно растет пролетариат. Мамин-Сибиряк, стоявший в своем понимании расстановки социальных сил на голову выше многих своих современников, беспокоил иных редакторов, его творчество сознательно оставлялось в тени, так как не укладывалось в рамки их «программ».

Журнал «Северный вестник» после выхода «Уральских рассказов» поместил оскорбительный отзыв: «Хорошо владеет техникой литературного дела, г. Мамин слишком полагается на свое умение и спешит занести на бумагу каждую мысль, хотя бы и недодуманную, и каждое впечатление, хотя бы и мимолетное и непроверенное. Оттого общая литературная физиономия г. Мамина, несмотря на его несомненный талант, отличается неопределенностью, почти бесцельностью». Отзывы реакционно-монархической печати были еще более резкими.

А между тем В. И. Ленин, читавший многие произведения Мамина-Си-

бирьяка, писал в книге «Развитие капитализма в России»: «В произведениях этого писателя выступает особый быт Урала, близкий к пореформенному, с бесправием, темнотой и принижением привязанного к заводам населения, с «доброевещным» ребяческим развратом «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России».

Таким образом, официальную критику, признававшую талантливость книг Мамин-Сибиряка, но отказывавшую ему в глубине жизненной оценки, блестяще опровергал В. И. Ленин, подчеркивший то, что характерно для творчества Мамин-Сибиряка вообще: рельефное изображение особого быта Урала, характерного для капиталистического развития России.

Весной 1891 года Мамин-Сибиряк, не без внутренних колебаний, переехал на жительство в Петербург. Ему исполнилось сорок лет. Он давно создал, что, живя вне литературной среды, многое теряет. Отъезд из Екатеринбурга ускорил драматические обстоятельства в личной жизни. Разлаживались его отношения с Марьей Якимовной. К Мамину пришло новое сильное чувство. Предметом его стала актриса Мария Морисовна Абрамова, хорошо известная на провинциальной сцене, приехавшая в Екатеринбург на зимний сезон. В ту пору ей было двадцать пять лет. В театре Абрамова занимала ведущее положение, играя в спектаклях главные драматические женские роли.

Начальные месяцы первого петербургского года у Мамин-Сибиряка складывались благоприятно. Дмитрий Наркисович быстро вошел в широкую литературную среду, завязал важные знакомства в журнальном и издательском мире. Атмосфера общественной жизни в столице резко отличалась от провинциальной. Абрамова начала играть в небольших петербургских театрах.

Работал Мамин по обыкновению много. Набрасывал главы исторической повести из времен Пугачева «Охонины брови», дописывал роман «Золото», обдумывал сюжеты многочисленных рассказов.

Большую роль в установлении близости с петербургскими литераторами сыграл только начавший издаваться журнал «Мир божий». Приемные вечера издательницы журнала А. А. Давыдовой посещали многие выдающиеся писатели, художники, музыканты, ученые. Здесь завязалось у Мамин-Сибиряка знакомство с Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским, И. Е. Репиным и многими другими. Яркая личность писателя, его огромные познания в области истории и экономики Урала заставили заговорить о нем.

Письма его к родным были полны бодрого настроения. «Живем в Лесном», — писал он сестре Елизавете, — тихо и мирно, за исключением, когда Морисовна играет где-нибудь. Она участвует в лучших загородных театрах, как в Озерках, Павловске, Ораниенбауме и пользуется возрастающим успехом — все газеты хвалят... Живем хорошо и счастливо, а Маруся хорошая женщина, хоть и страшная горячка, как и я».

Но ровно через год после приезда в Петербург Мамин-Сибиряк сообщил сестре о своей трагедии: «Лиза, плачь: Маруся умирает... Случилось это совершенно вдруг: болезнь почек, какое-то воспаление... О, плачьте мои родные, я все слезы выплакал за эти два роковых дня. Вы ее видели цветущую, милую, красивую, а теперь это почти труп. Спаси ее может только чудо... Девочка, конечно, останется жива. Назвали Еленой. Когда вы получите это письмо, Маруся не будет на свете».

Так завершилось это короткое счастье. Мучительно трудно переживал писатель смерть жены, оставившей ему болезненную дочь. Эта рана долго кровоточила...

Только в 1900 году Мамин-Сибиряк вступил в брак с Ольгой Францевной Гувале, воспитательницей Аленушки с первых месяцев ее жизни.

До конца жизни не утихла боль от утраты любимой женщины, но нужно было жить, чтобы жила Аленушка. Сохранились еще и могучие творческие силы, продолжалась напряженная творческая жизнь.

Работа, работа... Были закончены романы «Охонины брови», «Хлеб», написано множество рассказов. Твердо установился тот круг изданий, с которыми был связан писатель. В Петербурге журналы «Мир божий», «Русское богатство», «Вестник Европы», в Москве — «Русская мысль», «Детское чтение», газета «Русские ведомости». О степени интенсивности работы писателя можно судить по тому, что за эти два особенно трудных года им опубликованы романы «Охонины брови», «Весенние грозы», более сорока рассказов и повестей.

Расширился круг литературных связей. В 1893 году на обеде в «Славянском базаре», организованном по инициативе А. П. Чехова, состоялось их знакомство, перешедшее в добрые отношения, продолжавшиеся вплоть до смерти А. П. Чехова.

Если до переезда в Петербург Мамин-Сибиряк сетовал, что у него, уже давно работающего в литературе, вышло всего три книги, то в Петербурге издания пошла одно за другим. Издатели учитывали рост читательской популярности Мамин-Сибиряка. В иные годы появлялось до тридцати изданий отдельных произведений.

Большим событием в литературе стало печатание романа «Хлеб» в журнале «Русская мысль». Чехов из Мелихова писал Суворину о положительном отзыве на роман «Хлеб», об особенном восторге Лескова. «Мамин-Сибиряк очень симпатичный мальчик и прекрасный писатель», — отзывался Чехов. — У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается не хуже, чем в «Хозяине и работнике» (рассказ Л. Н. Толстого. — В. С.).

Романом «Хлеб» Мамин-Сибиряк прокладывал дальнейшие пути изображения в литературе новой действительности России, уходящей все дальше от старых патриархальных форм хозяйствования. В жизнь решительно вмешивались иные силы, действовали иные законы. Россия все энергичнее прибавлялась к капитализму.

В писательских кругах быстро оценили своеобразие таланта художника и цельность его уральской природы. С. Я. Елпатьевский, врач и писатель, один из руководителей журнала «Русское богатство», так писал о Мамине: «Он был породистый, сильный человек, цельный и целостный, неломкий, негибкий, негнувшийся. Он был, как обломок яшмы, красивой, узорчатой яшмы, занесенной далеко от родных гор... Он отразил в своих писаниях все, что внес в его душу Урал, его суровость и поэзию, буйную радость уральской весны и угрюмую печаль окутанных мглой узких долин и темных лесов, и душу уральских людей, хищных и кротких, отчаянных и молитвенных. Он все дал в своем художественном творчестве: и новую жизнь, которая развернулась на Урале за последние сорок — пятьдесят лет, всю ту капиталистическую, духовную и бытовую эволюцию, которую Урал пережил вместе со всей Россией, и новые типы, и новый уклад жизни, вызванный этой эволюцией».

...Шли годы мрачной реакции. Бывали такие темные периоды, когда каза-

лось, что в России задавлено и затоптано все самое лучшее. Но торжество душителей всегда оказывалось преждевременным. Поднималось молодое поколение революционных мыслителей, возглавляемое сначала Г. В. Плехановым, затем В. И. Лениным. Рождение самой революционной русской марксистской мысли вызвало и бурный рост новой литературы, во главе которой встал Максим Горький — буревестник революции.

На водоразделе старой и молодой литератур проходила деятельность Мамин-Сибиряка, оставшегося до конца верным в своем творчестве отображению народной жизни. Он как бы замыкал собой могучий ряд писателей-реалистов — Некрасова, Достоевского, Тургенева, Островского, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Григоровича, Успенского, Толстого. Во многих своих произведениях Мамин предвосхищал новую литературу последующих лет, приобретающую все более революционное звучание и влияние на читателей.

Грозными событиями начинался в России двадцатый век. Все чаще вспыхивали крупные забастовки в рабочих центрах, усиливались студенческие волнения, предвещая грядущие перемены. Россия словно пробуждалась от многолетнего сна.

Мамин-Сибиряк находился в числе тех писателей, которые резко поднимали свой голос в защиту студенчества, протестовали против репрессий самодержавно-полицейских сил, выступали в защиту М. Горького, трамного царским правительством.

Приближалось шестидесятилетие Мамин-Сибиряка. Болезни все чаще приковывали писателя к постели. Сказывались лишения, испытанные в бурсе, семинарии, голодные студенческие годы, сказывалась неустроенность почти всей жизни.

Литературная общественность готовилась достойно отметить юбилей писателя и сорокалетие его литературной деятельности. 25 октября 1912 года Мамину-Сибиряку исполнилось шестьдесят лет.

Максим Горький с Капри прислал Дмитрию Наркисовичу проникновенное письмо, в котором выражал всю глубину своего отношения к старейшему писателю. «В день сорокалетия великого труда Вашего, — говорилось в нем, — люди, которым Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык, — почтительно и благодарно кланяются вам, писателю воистину русскому. Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв нам целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш».

Спустя неделю, в ночь с 1 на 2 ноября, Дмитрий Наркисович скончался.

На следующий день неизвестный молодой человек принес на квартиру писателя номер газеты «Правда», в котором на первой и второй страницах было напечатано прощальное слово большевистской партии. «Умер яркий, талантливейший, сердечный писатель, под пером которого оживали страницы прошлого Урала, — целая эпоха шестидесятилетия, хищного, алчного, не знавшего удержу ни в чем. Мир праху твоему, чистая душа! Нарождается новый читатель и новый критик, которые с уважением поставят твое имя на то место, которое ты заслужил в истории русской общественности!»

Поистине пророческие слова! Именно в советское время Мамин-Сибиряк занял достойное место среди выдающихся русских писателей, служивших своим пером народу.

Адам ШОГЕНЦУКОВ,
народный поэт
Кабардино-Балкарии.

Давно ли...

*Давно ли пенились потоки,
Трепал весною ледолом,
А ныне воды неглубоки,
И плеск волны, и тишь кругом.
Давно ли так легко и рьяно
Скакал я без седла на луг,
Давно ль под грохот барабана
Плясал и был мне тесен круг?
Я был сильнее, был моложе.
Но я свой век почти что прожил.
И пусть не сразу и не вдруг
Я стал совсем седым, но все же
Не опустил куда-то рук.
Пусть борозда моя на пашне
Чуть мельче борозды вчерашней,
Я жалобно не грушу,
Я жив еще, еще дышу,
А потому мой труд всегдашний
Вершу и свой надел пашу.
Пусть многое теперь иначе,
Пусть осень предо мной мячит,
А молодость давно во мгле,
Еще не дряхл скакун горячий,
Еще он ржет, еще он скачет,
И я пока еще в седле.*

*Часто я профессий не менял,
Но когда-то я работал в школе.
Двадцать лет, а может, даже боле,
Я детей учил тому, что знал.
Я земным богатством не владея,
Золотом людей не одарял
И конями их не награждал,
Я делился только тем, что знал,
Оттого нисколько не бедня,
Золото или иная малость —
Все уходит, остается прах.
Я же в детских оставял сердцах
То, что там навеки оставалось.
Я неведомые до поры
Толковал ученикам события,
Открывал им новые миры,
Счастлив сам от этого открытия.
Хороша была моя работа
Тем, что и до нынешнего дня,
Ставши взрослым, добрым словом
КТО-ТО*

Поминает, может быть, меня.

Глаза утра

*Рассветы землю до сих пор
Одаривали разной мерой,
То озаряя выси гор,
То закрывая шерстью серой.
По прихоти своей рассвет
То сумрак выберет, то свет,
То пустит желтизны в ущелье,
То, предпочтя небесный цвет,
Даль разукрасит акварелью.
Пусть всякий раз рассвет над нами
Иными шелестит крылами,
Но мы с тобой должны уметь
Глядеть на мир его глазами,
Работать, жить и песни петь.*

Баксаненок

*Пусть ты маловодна и мелка,
Над волной не лопается пена,
Пусть ты и мальчишкам по колено,
Ты для нас — родимая река.
Баксаненок, ты высокороден.
Порожденный в высях, ты свободен.
Хоть тебе и недоставало сил,
Хоть колес тяжелых не крутил,
Всем живущим здесь ты был угоден.
Сколько ты селений напоил,
Сколько ты полей оплодородил!
Речка детства, ты всегда щедре,
И душа тебе бывает рада
В пору снегового серебра,
В пору золотого листопада,
В дни, когда цветения пора.
А зеленой летнею порой
Ты лопочешь, как дитя спросонок.
Дорогой нам, милый Баксаненок,
В мире нет такой реки второй.*

Перевел с кабардинского
Наум ГРЕБНЕВ.

Аттака на огонь

Юрий ВЕДЕРНИКОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены».

Солнце ломается в тонкой нефтяной пленке, покрывшей спокойную воду небольшого болотца. Распор нефтяной глянец, нескончаемой змеей тянется пожарный рукав, освобождает окошечко чистой воды, где вдруг вспыхивает край огненного диска.

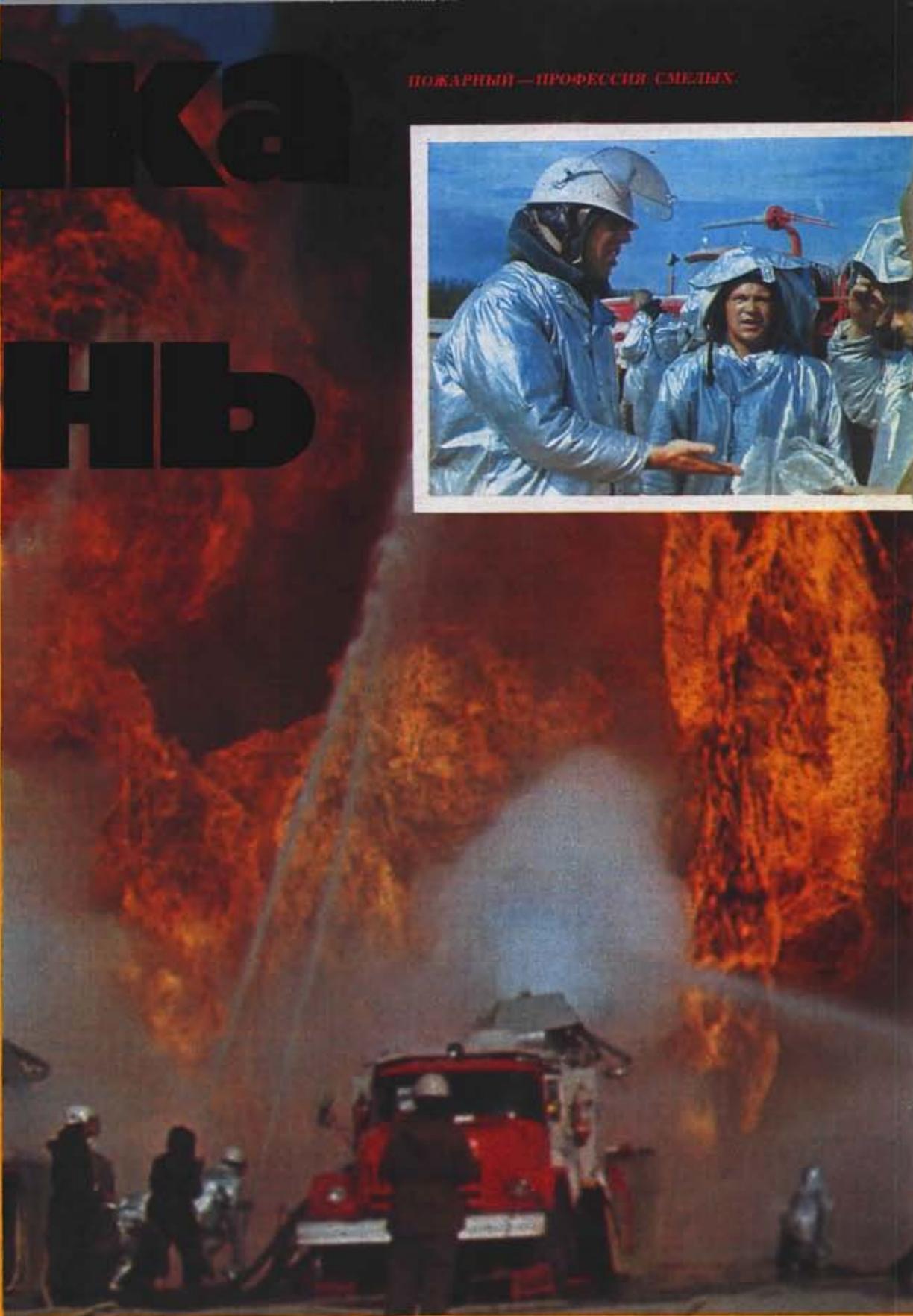
В вечерней тишине слова команд кажутся излишне громкими. Хлюпает под сапогами превращенный в грязное месиво песок около оплывшей, перекорезанной арматуры нефтяных скважин. На сухом бугорке, прислонившись к остывающему металлу, отдыхают свободные расчеты.

В небольшом вагончике собрались специалисты МВД СССР, Министерства нефтяной промышленности СССР, научно-исследовательских и проектных институтов. Под руководством начальника Главного управления пожарной охраны СССР генерал-майора Ф. В. Обухова штаб испытаний подводит первые итоги экспериментов. Суть их в решении очень важного вопроса: сколько скважин должно быть в кусте, и как их лучше с точки зрения пожарной безопасности разместить на небольшой болотистой площадке.

Здесь, в центре нефтяного Приобья, на специальном испытательном полигоне, пожарные Баку, Новосибирска, Перми, Свердловска, Тюмени, Грозного, Москвы учились умирять горящие нефтяные фонтаны. Несколько раз в день над полигоном плясал огненный смерч, свивался в плотные устрашающие жгуты, опадая на окружающие болота и кустарники бессильной чернотой копоти. Насосные станции, установленные на берегу небольшого озера, с жадностью пили воду, гнали ее по стальным трубам. Под напором воды пожарные рукава, кажется, тоже становились стальными. Из лафетных стволов вырывалась тугая струя и пропадала в огненном смерче горящего нефтяного фонтана. Но не только вода исчезала в огне. За девять дней в пасть огненному дракону, который взлетал над этим небольшим участком земли, отвоеванной у Саянских болот, были выброшены тысячи тонн нефти...

Впереди еще был последний, десятый день испытаний. Выдался он тихим, солнечным. Пожарные с утра бродили по болоту, собирали морошку. Но не успело еще эхо разнести сигнал начала очередного испытания, ствольщики уже стояли у своих лафетов. Одетые в серебристые теплоотражательные костюмы, они чем-то напоминали древних рыцарей или будущих космонавтов.

Десять скважин отражались в черном зеркале все еще спокойного нефтяного озера. Ровно в десять утра руководитель испытаний полковник Кимстач дал команду, и молодой пожарный с факелом в руке подбежал к первой скважине. Через мгновение ввысь взметнулся огненный фонтан, потом второй, третий... И вот пять громадных свечей слились в сплошную стену огня. Ствольщики уже держали наготове свое «оружие», но Игорь Фотиевич Кимстач все еще не давал команды «в атаку». Он стоял метрах в десяти от бушующего пламени и, прикрывая обожженное лицо брезентовой рукавицей, вглядывался в набирающий силу пожар. И ждал, ждал, когда он разгорится по-настоящему. А я смотрел на полковника и удивлялся его выдержке и терпению. До пылающих факелов от меня не меньше пятидесяти метров — и то я чувствую, как пропекает насквозь мою брезентовую куртку. Генерал Обухов тоже в защитном костюме, в пожарной каске. Он тоже поглядывает на Кимстача, но в решение своего заместителя не вмешивается, события не торопит.

— Наши огневые опыты здесь, на пожарно-испытательном полигоне под Нижневартовском, — говорит Федор Васильевич Обухов, — имеют и научное и большое практическое значение. Пожарная опасность газовых и нефтяных фонтанов всегда велика, а особенно здесь, в условиях Тюменского Севера, где на счету буквально каждый отвоеванный у болот метр земли. С небольших площадок ведется бурение нескольких скважин — целого куста. Нефтяникам хотелось бы, чтобы на каждой площадке располагалось как можно больше нефтяных скважин. Но сколько скважин должно быть в кусте, чтобы была гарантирована пожарная безопасность? Здесь, на Саянских болотах, и смоделировали такой куст.

В течение последних десяти лет пожарной охраной сделано немало для обеспечения пожарной безопасности нефтяных и газовых месторождений. Пожары стали довольно редким явлением, но они случаются... На вооружение бойцов пожарной охраны поступает современная техника. На воде и на берегу огонь тушат пожарные катера. Пожарные поезда укрощают пламя там, где нет автомобильных дорог. Созданы автомо-

били газо-водяного тушения, которые нашли широкое применение при тушении пожаров на газовых и нефтяных скважинах. Появились новые машины — порошкового тушения.

Когда три года назад мы проводили здесь, на полигоне, огневые опыты по тушению скважин, кстати сказать, самые крупные по тому времени, нам удалось потушить куст из пяти скважин. Казалось, что большего трудно добиться. Появление новых модификаций автомобилей газо-водяного тушения — «АГВТ-150» и «АГВТ-200» — открывает перед нами новые возможности. Так что испытываем мы здесь и новые машины. И все-таки самой главной задачей этих испытаний на полигоне, в условиях хотя и запрограммированных, контролируемых, но настоящих пожаров, я считаю психологическую подготовку личного состава. Бойцы и командиры пожарной охраны должны приобретать огневой опыт...

Я с трудом слышу генерала. Пожар набрал силу, и шум на полигоне стоит такой, словно рядом работает реактивный двигатель. Кимстач наконец дал команду.

СТВОЛЬЩИКИ.

НОВАЯ ПОЖАРНАЯ ТЕХНИКА: «АГВТ-200».

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН.

облака. Руководитель тушения пожара полковник Кимстач стоит, опаленный боем, в кругу своих бойцов. Торчит почерневшая, изъеденная пламенем арматура скважин. Небольшие очаги огня чадят на болоте и умирают, опрокидываемые ударами водяных струй. Замирает глухое урчание турбореактивных установок. Ствольщики молча пьют из термоса холодную воду. Лицо у Игоря Фотиевича суровое, волевое, с красной от недавнего нестерпимого жара кожей. Он чертит на влажном песке древком сигнального флажка какие-то квадратики и стрелочки, разравнивает песок салогом, стирая рисунки, снова чертит квадратики со стрелочками и что-то говорит неслышным для меня голосом. Я смотрю на офицеров, которые окружают Игоря Фотиевича Кимстача, и только тут до меня доходит, что я оглох от воя торящих фонтанов и гула турбореактивных установок. Но ведь я находился сравнительно далеко от источников шума! А руководители тушения, ствольщики, механики «АГВТ» были в пяти—десяти, в лучшем случае в двадцати метрах от турбореактивных установок и фонтанов...

Очередная смена ствольщиков уже надевает теплоотражательные костюмы. Механики готовят турбореактивные установки к новому бою—три «АГВТ-100» рядом стоят около скважин...

Уже привычная картина: сейчас дадут нефть, пожарный побежит с факелом в руках и подожжет ее; когда фонтанирующая нефть как следует разгорится, приступят к тушению. Так было при тушении трех и четырех пылающих скважин, так было при тушении пяти и шести...

Началось действительно привычно. Но потом все пошло по-другому. Нефть рвалась из восьми скважин. Стена огня не поддавалась...

И как ни выли «АГВТ», как ни стремились помочь им ствольщики, огонь не отступил...

Эта неудача, можно сказать, была запланированной. И отрицательный опыт ценен. Теперь известно, что тремя турбореактивными установками с семью фонтанирующими скважинами не справиться...

— Направить на огневую позицию «АГВТ-200»! — командует Кимстач.

«АГВТ-200» — это установка с двумя турбореактивными двигателями. Выглядит она внушительно. Натужно воя мотором, «ЗИЛ-131» пробирается по полигону. Жерла реактивных установок почти уткнулись в арматуру скважин.

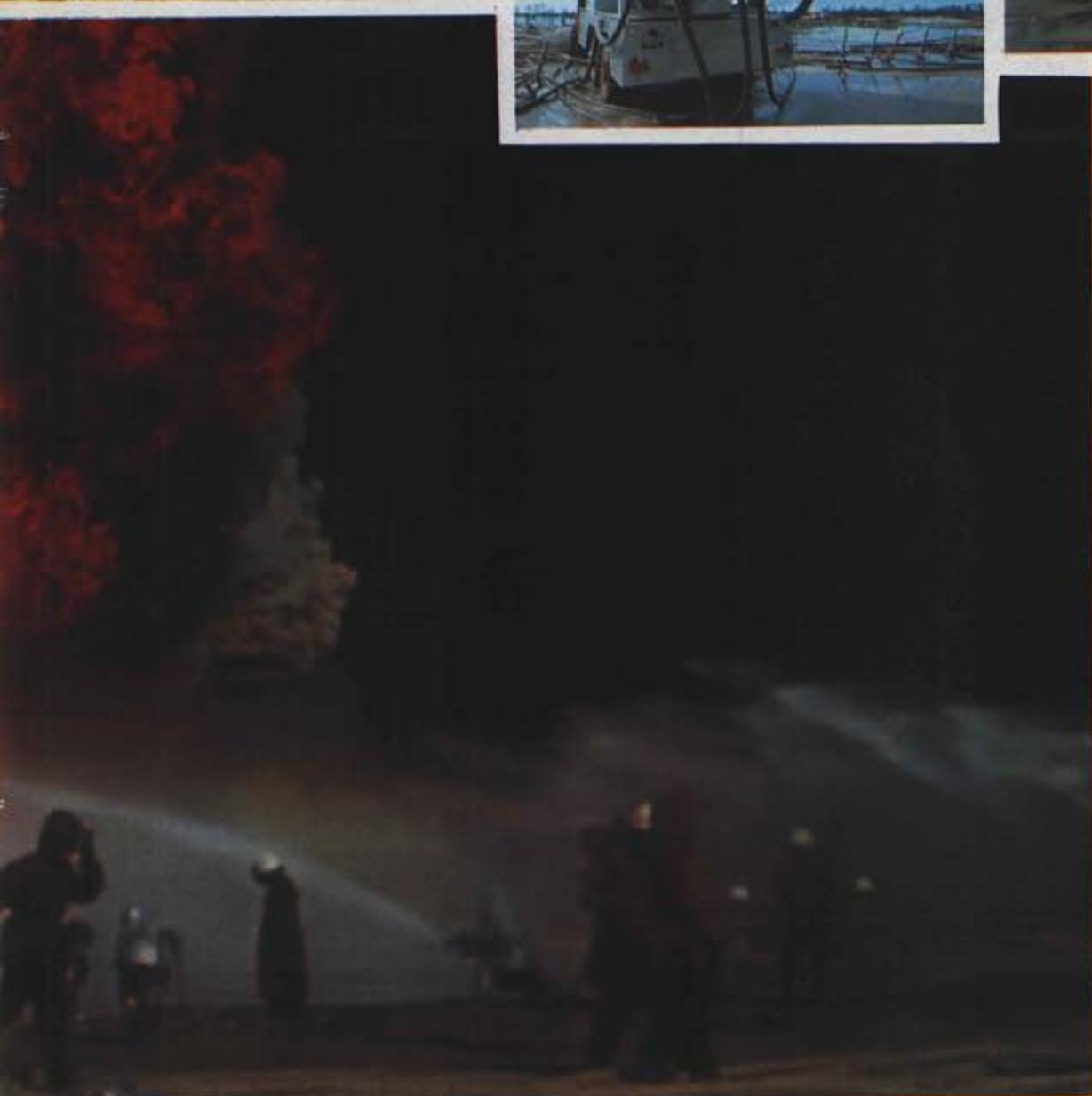
И снова стена огня перегородила полигон. Снова устремились ствольщики к лафетам стволов. Снова нестерпимый жар отогнал зрителей в самое болото...

— Приступить к газо-водяному тушению!

Углекислый газ и вода, вырываясь из жерл реактивных пушек, жадно пожирают пламя. Невиданный по силе пожар постепенно отступает. «АГВТ-200» оказалась эффективным оружием. Последние огненные клубки отрываются от арматуры скважин, уносятся в небо и умирают на огромной высоте...

В работе пожарных есть своя особая точность, свой ритм, своя красота. Есть быстрота, но нет торопливости. Есть дающая годами тренировок напористость и неутомимость. Не просто бесстрашие перед лицом огня, а знание его, учет всех его прихотей и повадок. Пожарный — это сливающиеся воедино ловкость, сила, спокойствие, суровая дисциплина, продиктованная жесточайшей необходимостью, четкое исполнение приказа.

— Основа нашей работы, — говорит Федор Васильевич Обухов, — тонкий расчет. Самое главное при тушении любого пожара — не допустить ошибки, все рассчитать, предусмотреть. Очень уж велика цена возможных ошибок. Наша профессия требует талантливых, смелых и верных людей.

Первыми в схватку с огнем вступают ствольщики. Они идут к пылающим факелам. Их фигуры, закованные в «серебряные» доспехи теплоотражательных костюмов, кажутся окруженными горячим солнечным светом. Они как будто растворяются, пропадают в плотной пелене жара и пламени. Видно лишь бушующее море огня, слышен лишь рев пылающей нефти. Но вдруг плотные, упругие струи будто прочерчивают белой краской темно-багровый фон.

Они бьют точно в цель. Их задача — охладить арматуру скважин, защитить людей и технику от испепеляющего дыхания факелов. Я знаю, там, около одного из восемнадцати лафетных стволов, которые бьют сейчас в пылающий нефтяной фонтан, ствольщик из пожарной охраны поселка Стрежевой Анатолий Сивак. Недавно ему исполнилось девятнадцать. В пожарной охране всего второй год. В тушении горящих фонтанов участия еще не принимал. Но опыт, который он приобретает здесь, на полигоне, ему может пригодиться.

— Нас из Стрежевого восемь человек, — рассказывает Анатолий, — и все мы стоим у лафетных стволов.

Вода бьет из них с такой силой, что управлять совсем не просто. И хоть одет в теплоотражательный костюм, но припекает довольно сильно — горящий факел буквально в нескольких метрах. Когда я впервые встал к стволу, то, честно сказать, страшновато было. Но поддаваться страху нельзя. Да и ребята рядом. Гудят турбореактивные установки. Из ствола рвется вода. И я бы, бы, в разрывающиеся, огненные клубки нефти. И только когда вместо дыма и пламени над арматурой поднялись облака пара да распадающаяся на тысячи капелек струя нефти, понял: все, потушили...

Схватка продолжалась четыре с половиной минуты. Это я потом узнал. А мне-то казалось, что сражение было долгим. Непросто это — сбить огромный столб огня высотой в полсотни метров, отрезать его от скважин и положить на землю. Но управились, быстро управились. Генерал Обухов довольно поглядывает на свой секундомер.

Небо над полигоном синее, глубокое и удивительно спокойное. Только далеко, там, где несет свои величавые воды красавица Обь, плывут белые, светлые

ЗАДАКА ЗАМКА КАРЕНТИН

Начало на 22-й стр.

поступок. Затем он перешел к завещанию Роберта Торпа.

— Человек, который несет такую чушь, не мог быть нормальным.

— Ненормальным он не был. Он был алкоголиком,— вырвалось у Патриции.

— Да, пьянство—это плохая черта, очень плохая.—Бейли понимающе кивнул и сделал глоток, влив в себя полстакана портера, затем сказал Дороти:—Я хорошо, даже очень хорошо могу вас понять, насколько нежелателен вам визит полковника и этой мисс Грэд.

— Я не выношу этих типов,—призналась Дороти искренне.—Если бы не последняя воля моего покойного мужа, я сейчас же сунула бы им в руки по двадцать тысяч фунтов, чтобы скорее освободиться от них.

Бейли одобритительно кивнул.

— Я вас очень хорошо понимаю. Очень хорошо. И все же я вынужден задать вам ряд вопросов. К сожалению, уже так сложилось, что полиция оплачивается за счет грошей налогоплательщиков, и поэтому часто даже против собственной воли она должна изучать причины всех дел, где речь идет о возможном преступлении.

— Вы полагаете, что здесь было сострипано дельце?—Дороти позаимствовала это выражение из детективного романа, который она недавно прочла перед сном.

Буль-буль-буль—инспектор влил в себя еще одну порцию портера, зажмурился от наслаждения и, казалось, полностью отключился от преступного мира. Но внешность его была обманчива.

— Да, к сожалению, мы вынуждены принимать в расчет и возможные покушения,—вдохнул он и поставил стакан на стол.

— Ну, а меня вы, конечно, считаете главным подозреваемым лицом?—спросила Дороти.

Бейли замахал руками, как будто он хотел отогнать слепня. Добрая улыбка собрала вокруг его носа сеть морщин.

— С чего вы взяли, что именно вас я считаю виновной?

— Ну, причина совершенно ясна. Вы долго допрашивали всех и прочитали завещание.

— Идею создать детский интернат и бассейн я нахожу великолепной,—похвалил инспектор.—Я могу себе представить, какие мины сделали непрощенные гости, когда увидели в дверях Фишера с резиновым крокодилом, а вы в это время рассказывали о своих планах.

Сделав паузу, Бейли продолжал:

— Доктор Эванс—единственный приятный человек, даже очень приятный. Мне кажется, что вы с ним подружились?

— Да, он мне нравится, хотя его дьявольская бомба чуть не стоила мне жизни.

— Было бы весьма жалко, если бы с вами что-нибудь случилось,—сказал Бейли сочувственно.—В этом случае пришлось бы навсегда расстаться с вашим проектом детского интерната, а когда речь идет о детях, я не могу оставаться равнодушным. Кстати, не поймите меня превратно, я позвонил в ведомство детских домов, но там никто не знает о вашем визите. Жаль, жаль.

— Они и не могли знать. Я там еще не была,—призналась Дороти.—И все же я серьезно намеревалась создать детский интернат. Ну, а теперь послушайте меня внимательно, инспектор. Я рада, что имею возможность так мило беседовать с вами за кружкой портера. Но я за ясность. А вы, мой друг, вот уже больше часа ходите вокруг да около, вместо того чтобы спросить меня напрямую.

— Это так,—подтвердил инспектор.—Но моей натуре претит пугать людей вопросами. Я за приятные беседы.

— А я за то, чтобы вы наконец сказали, что вы замышляете. Ведь меня вы считаете главным подозреваемым лицом, не так ли?

— Конечно,—утвердительно сказал Бейли.—У кого еще могут быть причины освободиться от этих неприятных людей?

— Получается так,—согласилась Дороти и неожиданно добавила:—То, что кажется правильным на первый взгляд, не всегда подтверждается.

— И такое случается.

— Что же вы собираетесь предпринять? Арестовать меня?

— Для этого не хватает показаний и материалов.

Бейли, не стесняясь, налил себе пива, с наслаждением сделал глоток и опять закрыл глаза.

Дороти показалось, что инспектор Бейли опаснее, чем мешок гремучих змей, причем именно потому, что он добродушен и гуманен. Он с большим интересом слушал, сколько труда ей стоило разбить около дома клумбы для дикой гвоздики, затем неожиданно начал разговор о пожаре, жертвой которого она чуть было не стала, а также о бороне под окном, неожиданно оказавшейся посреди вновь разбитой клумбы.

— О господи, это могло плохо кончиться для вас! Ожоги—самые болезненные раны. А если бы вы прыгнули из окна! Быть произнесенной зубами бороны—это не менее болезненно. Слава богу, Фишер спас вас. Примерный слуга. А каково ваше мнение о нем?—спросил он участливо.

Дороти не очень хорошо представляла, что сказать о Фишере.

— Он сдержан, надежен. Ничего плохого о нем сказать не могу.—Вдруг она рассмеялась.—Моя экономка, правда,—но об этом вы, видимо, уже знаете,—другого мнения о нем. Она считает его убийцей и убеждена, что это он взорвал зал.

— Удивительно наивная особа эта Патриция Хайсмит, но не исключено, что и она может оказаться правой. Вы не задумывались, почему Фишер такой отличный шофер? Когда рассказывают о его искусстве вождения, меня пробивает озноб. Так ездить может лишь человек, который, образно говоря, родился в автомашине, но никак не садовник с безупречными профессиональными характеристиками.

— Я не могу об этом судить.—Дороти все больше начинала нервничать.

Бейли посмотрел на нее участливо.

— Хорошо. Давайте на сегодня кончим. Вы так возбуждены, что скоро начнете грызть локти. Еще один, последний вопрос. Действительно ли вы большие друзья с трактирщиком Биллом Шенноном?

— Да, но план взорвать моих любимых гостей я придумала сама. Он возник не в «Кровавой кузнице». Билл Шеннон невинен, как овечка.

— Это радует меня, это очень меня радует.—Инспектор закончил разговор с таким выражением лица, будто хотел бережно погладить Дороти по темечку.

Поздним вечером он уехал вместе с экспертами, подробно изучившими лабораторию в подвале.

У Дороти точно гора с плеч свалилась. Она удалилась в свою комнату, опустилась на диван и закрыла глаза.

Диван был ярко-красного цвета, ковер—зеленого, шторы—желтого. Вкус Дороти был, мягко говоря, экзотическим. На комодке стояла сюрреалистическая скульптура, отдаленно напоминавшая кенгуру. Она была испещрена отверстиями величинной с яйцом. Автор назвал свое произведение «Старый рыбак с неводом». Это было смело.

Несколько лет назад Дороти купила необычные по форме книжные полки. Они крепились цепями к потолку, и их можно было поднимать и опускать. Сейчас полки пустовали. Книги валялись на полу, по углам, а также посредине комнаты на ковре. Дороти говорила, что хорошую книгу лучше поискать, чем плохую, разочаровавшись, отложить.

Погруженный в свои мысли, в комнату без стука вошел доктор Эванс. Он не обратил внимания на необычную обстановку, как не заметил бы и козую, шипящую траву на зеленом ковре.

— Вы знаете, к какому выводу я пришел после этих двух покушений?—спросил он напуганную Дороти.

Она отрицательно покачала головой.

— Не пройдет и недели, как мы все будем лежать на кладбище Карентин. В том числе и страдающая атрофией мозга эта ваша каланча и изъеденный молью полковник.

Остановившись перед скульптурой «Старый рыбак с неводом», он замолчал. Рассеянно тыкая пальцем в отверстия, Эванс сказал:

— Это произведение искусства нужно повесить на дерево в саду. Дюжина скворцов свила бы в нем гнезда, и кошки не смогли бы к ним подобраться.

— Почему вы утверждаете,—перебила Дороти никогда не иссякаемый полет мысли изобретателя,—что это были покушения? Например, пожар от каминя?

— Был ли это обычный пожар или запланированная кремация, я не могу окончательно утверждать. Но я могу совершенно точно сказать, что взорвал мою лабораторию.

— Это любопытно.—Дороти подалась вперед. Доктор Эванс глубоко вздохнул и хотел продолжать, но не успел. Дверь открылась, и на пороге появился Фишер.

— Почему вы не стучитесь, прежде чем войти?—напустилась на него Дороти.

— Простите, миледи, я постучался, но, видимо, слишком тихо.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы сообщить вам важную новость, миледи,—произнес Фишер с достоинством герцогского дворецкого.

— Ну, говорите же и не делайте такого лица, словно это не вы, а ваша посмертная маска.

— Простите, миледи, но это сообщение чрезвычайно секретного характера, и; наверно, мне лучше прийти в другой раз, когда вы закончите обмен мнениями с доктором Эвансом.

— Послушайте, говорите же как нормальный человек! Обмен мнениями! Доктор Эванс и не слушает нас.

Действительно, Эванс полностью погрузился в свои изобретательские думы. Он стоял перед дорогим сервантом стиля «чипендейл» и незаметно для Дороти царапал небольшой отверткой на сверкающей как зеркало полированной фанерке разные знаки и линии, имевшие смысл только для него одного. Это была схема дверного замка, открыть который мог только тот, кто был так же гениален, как сам изобретатель.

— Ну, что вы хотите сказать?—Каменное выражение лица Фишера, которое должно было символизировать достоинство, все больше раздражало Дороти. Нервы ее сдавали.

— Речь идет о полковнике Декстере.—Он понизил голос.

— О нем я хотела бы услышать лишь скверное, подлое, гнусное! Если вы хотите рассказать о нем нечто хорошее, то лучше помолчите.

— Я убежден, что в состоянии выполнить ваше пожелание, миледи.—Фишер почтительно склонил голову.—Я хотел бы сообщить, что полковник Декстер чрезмерно увлекается алкоголем.

— Послушайте, что вы делаете из меня дуру!—Терпение Дороти лопнуло окончательно.—Этот тип известен как пьяница, и это совсем не секрет.

— Я хотел оказать вам лишь любезность, миледи. Я должен сообщить, что Декстер не только пьяница, но и жулик, который самым бесстыдным образом разворовывает наш винный погреб. В пяти ящиках со старым шотландским виски, бутылка которого стоит шесть фунтов, больше нет виски. Там стоит теперь дешевая водка, цена которой не больше шести шиллингов. Декстер поменял этикетки на бутылках, а благородный напиток спрятал у себя под кроватью.

— О, это действительно приятное сообщение, Фишер.—Глаза Дороти заблестели.—Отличная возможность устроить скандалчик этому душевнобольному духовидцу! Об этом я позабочусь завтра же утром!

— К вашим услугам, миледи. Для меня было делом чести порадовать вас своим сообщением.

Фишер поклонился с подобающим ему достоинством и удалился.

— Эванс!—позвала леди Торп, но доктор не откликнулся.

Дороти прошла в ванную, которая по ее указанию перестраивалась. Там лежали стопки кафельных плит, в углу стоял новый бойлер, дверь в коридор была снята вместе с рамой. Дверной проем было решено заложить кирпичами и покрыть кафелем.

Но и здесь она не нашла Эванса.

Неужели он, погрузившись в нирвану, проник в коридор через отверстие в стене и забыл, зачем приходил? От него можно было это ожидать.

Вернувшись в комнату, Дороти обнаружила царапины на серванте.

Великодушные не позволили Дороти рассердиться, она лишь покачала головой над столь изобретательным гением.

Было уже десять часов. Дороти, усомнившись в криминалистических способностях Эванса, решила идти спать.

«Если он подозревает меня,—размышляла она,—в моих интересах спокойно провести хотя бы еще одну ночь. А завтра с самого утра займусь Декстером. Такого случая я не упущу».

Но сон не шел. Дороти оделась и вышла из комнаты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой на сцене появляются еще две вызывающие никакого доверия фигуры, также претендующие на владение замком Карентин, включая его призраки. Одновременно Великобритания становится беднее одним гениальным изобретателем и богаче одним покойником.

Когда Эрвин и Энн Конрой подкатили на своем потрепанном автомобиле производства 1924 года к главному подъезду и с тяжелым вздохом все трое остановились перед господскими воротами, Эрвин обратил внимание своей жены на первое своеобразие окрестностей замка Карентин.

— Крапива! А выглядит красиво.

Действительно, крапива высотой в метр слева и справа от парадной лестницы своими крупными серебристо-плюшевыми листьями походила на декоративное растение. Это был дар природы.

Зелень и клубящийся утренний туман даже украшали несуразный, некрасивый замок. В дыме он производил почти романтическое впечатление.

— Здесь, кажется, все еще спят,— сказала Энн, взглянув на часы.— Не удивительно, еще нет и семи. Ты мог бы дать и мне выспаться.

— Резиденция моих предков! Ночью при лунном свете она выглядит еще романтичнее.

Эрвин осклабился.

— Откуда ты это знаешь?

— Мне приходилось созерцать замок при лунном свете.

Эрвин окинул взглядом замок и пруд—заполненный рыской и лягушками лужу.

На покрытом мхом каменном цоколе, торчащем рядом с прогнившей деревянной скамейкой, когда-то стояла статуя. Но представить это было так же трудно, как лебедей в пахнущей гнилью луже.

Энн заметила:

— Непохоже, чтобы ты получил в наследство и тысячу фунтов.

— Адвокат обещал пятьдесят тысяч,—резко ответил Эрвин.

В свои двадцать с лишним лет Эрвин отличался мрачным юмором, который помогал ему равнодушно относиться к вечным неполадкам своей древней модели «форда». Его профессия тоже требовала внутреннего равновесия. Эрвин был археологом и много лет работал в пустыне Месопотамии, разыскивая там глиняные черепки.

Энн, на которой он был женат уже четыре года, воспринимала жизнь по-другому. Когда мотор старого «форда» в какой-то раз замолчал где-нибудь в пути и ей приходилось торчать вместе со своим мужем под дождем, она закрывала обеими руками уши и начинала пронзительно визжать, утверждая, что у нее нервы, а не медная проволока и она не может терпеть чудовище на четырех колесах. Энн была импульсивным существом, в ее косметическом убранстве сочетались искусственные ресницы и зеленые волосы. По профессии она была актрисой. Эрвин утверждал, что она плохая актриса, а потому скверная баба. Энн быстро приходила в себя и становилась нормальной женщиной, когда ей предстояло выступать на сцене. Энн и сама хорошо понимала, что искусство было ее злой судьбой. Ведь, кроме милой мордашки, высокой груди и красивых ног, она не обладала никакими другими достоинствами, а тем более талантом, который так необходим актрисе. Но что же было делать, если ее интеллигентная обезьяна, как она звала своего мужа, пропадала месяцами, а иногда и годами в пустыне и посылала ей на жизнь лишь несколько фунтов. Она должна была сама зарабатывать на жизнь.

И вдруг неожиданное наследство! Когда Эрвин позвонил ей вчера вечером в Сер-Берри из «Кровавой кузницы»; она долго не могла сообразить, о чем идет речь. Энн не осознала этого и когда приехала после спектакля в Уолс. Тем более она ничего не понимала сейчас, стоя перед этой старой отвратительной развалиной, которую ее просвещенный супруг назвал резиденцией своих предков.

Никто не отвечал на их звонки и стук. Энн сказала:

— Или они все спят до обеда, или призраки замка задушили их, и они лежат с синими лицами в своих перинах. Посигналь-ка!

Эрвин, который не отличался робостью, на этот раз почувствовал какой-то страх перед утренней тишиной.

— Сейчас начало восьмого. Может быть, мы подождем немного. А впрочем, не исключено, что вчера во время взрыва на голову моей любимой тетушки свалился кирпич... Хозяин таверны полагает, что это вполне возможно.

— Наследник пятидесяти тысяч фунтов имеет право сигналить даже среди ночи,—сказала Энн. Она очень устала и была агрессивно настроена.

Эрвин не заметил, как ступил нечаянно в лужу. Он уже собрался отчитать свою рассерженную половину, как взгляд его привлек покрытый илом поношенный лаковый ботинок, валявшийся у мостика. Рядом лежало ржавое ведро и дырявая корзина. Кто бы ни была эта Дороти Торп, все же она неряха, подумал Эрвин. Наверняка она лишь раз в месяц моет шею, иначе, унаследовав такие деньги, не довела бы замок до такого запустения.

Вдруг Эрвин увидел кусок железа странной формы, торчащий из болота. Осторожно ступив на ветхий мостик, он наклонился и вытащил связку отмычек. Очистив их от грязи, Эрвин увидел, что их не коснулась ржавчина. Пока он размышлял о том, кто бы мог в резиденции предков использовать этот инструмент для взлома, как в утреннюю тишину ворвался вой.

Энн, окончательно выйдя из себя, подошла к машине и, злорадно улыбаясь, нажала на сирену. В отличие от всех других частей автомашины сирена функционировала отлично и издала такой пронзительный звук, что Эрвин чуть было не свалился с мостика в болото.

— Ты с ума сошла,—прошипел он.—Так можно разбудить и мертвых, если здесь такие есть.

— Я не сошла с ума, а хочу наконец выпить чашку горячего кофе с тостом и лечь в постель в надежде поспать не менее двенадцати часов.

Сигнал возымел свое действие. Не прошло и пяти минут, как входная дверь с лязгом открылась и в ней появилось возмущенное лицо Фишера.

— Я хотела бы поговорить с леди Торп,—сказала решительно Энн.

— В этот ранний час, позвольте мне заметить, миледи не изволит принимать,—ответил с надменным высокомерием Фишер.

Энн вся кипела.

— Если вы сейчас не изволите передать миледи, что ее хочет видеть будущий владелец замка,—подражая Фишеру, сказала она,—то я за себя не рачуюсь.—Иногда Энн могла быть резкой, даже вульгарной.

Фишер разинул рот и быстро скрылся, оставив открытой дверь.

— Пойдем, посмотрим твою резиденцию.—Энн схватила Эрвина за руку и потащила его за собой.—Ну, что я тебе говорила: это действительно развалина! Скоро потолок рухнет кому-нибудь на голову.—Она не без удовольствия осмотрела зал. И поскольку Энн была готова отчитывать каждого встречного-поперечного, то обрушилась на своего мужа:—И это ты называешь наследством? Даже если бы я была старой бездомной кошкой, и то не стала бы жить в этой развалине. Не жди, чтобы я подставила свою голову под известку, которая сыплется с потолка.

Эрвин, который все это время никак не мог освободиться от мысли о таинственной связке отмычек, ботинке в болоте и вепомная, как рольготно он чувствовал себя в Месопотамской пустыне среди глиняных черепков и человеческих костей четырехтысячелетней давности, только теперь сообразил, что ему сказала Энн. Но вместо ответа, который, как он знал, вызовет у жены лишь поток словоблудия, использовал давно испытанное средство. Он подошел к Энн и влил такой подзатыльник, что та взвывая от боли.

— Если ты еще раз позволишь, я тут же...

— Ты тут же закроешь рот, а если нет, то будешь в состоянии издавать лишь нечленораздельные звуки. Не мешай мне думать.

Размышления молодого археолога прервала Патриция.

— Вы хотели видеть леди...—Она не закончила фразу и обескураженно смотрела на блестящие зеленые волосы Энн, ресницы в несколько сантиметров длиной и лилово-синие накрашенные губы. Увидев на Энн мини-юбку, которая перешола все границы, Патриция схватилась за голову и возмущенно сказала:—Боже мой, неужели и такое бывает!

Появление Дороти Торп придало сцене новый колорит.

— Дворецкий передал мне, что вы, как главный наследник, пришли с намерением получить замок и состояние моего усопшего мужа. Разрешите спросить, как возникла у вас эта идея?—тихо спросила она Эрвина.

Казалось, что появление новых наследников ввергло Дороти в шок.

— У меня никогда не возникла бы эта идея, если бы адвокат Локридж не разыскал меня. Да, это великолепное здание—моя резиденция! Только, помоему, ее нужно сровнять с землей. Скажите, ведь наверху в этих стенах растут губки и водятся крысы?

— Здесь нет ни губок, ни крыс!—Дороти пришла в себя и снова могла возмущаться.

Эрвин извлек из кармана портмоне.

— Вот документы. Но не беспокойтесь, меня интересуют только наличные деньги. От этого сарая я отказываюсь.

— А я нет. Я намерена прожить здесь до конца своих дней,—вдруг заявила Энн, хотя это полностью противоречило всему, что она говорила до этого.

— Пойдемте в библиотеку и обсудим наши дела,—пригласила Дороти гостей и, обращаясь к Патриции, сказала:—Скажите Фишеру, пусть он принесет кофе и что-нибудь поесть.

— Страсть как не люблю, если мужчина касается кулинарных дел,—тут же встала Энн, которая мнила себя гением в этом столь приятном виде человеческой деятельности.—С вашего милостивого соизволения, мы похозяйничаем вместе с экономкой... или как ее еще там называют.

Продолжение следует.

БИБЛИОТЕКА «СМЕНИ» В УРЕНГОЕ

Читатели нашего журнала с энтузиазмом откликнулись на призы «Смены» создать библиотеку для строителей Нового Уренгоя.

Каждый день в редакцию поступают сотни благодарностей. Почти все книги с пожеланиями. Вот что пишут учащиеся из литературного клуба «Лукоморье» школы № 1, г. Щелково, Московской обл.:

«Надеемся, что наш скромный вклад в хранилище духовных ценностей, каким является библиотека, поможет в вашем нелегком, но почетном труде. Мы уверены, что среди уренгойцев много истинных друзей книги, любящих и берегущих ее, получающих от общения с книгой радость познания и духовного наслаждения.

Желаем вам, дорогие товарищи, с честью выполнить свой долг перед народом, а каждому из вас—большого личного счастья».

Более 300 книг подарил библиотеке работник 3-го печатного цеха типографии газеты «Правда»: «Мы, полиграфисты, хорошо знаем цену печатному слову. Книга, журнал, газета—верные и добрые друзья каждого советского человека, первые помощники в труде, учебе, жизни...»

Среди вас специалисты различных отраслей знаний, студенты-заочники, школьники, просто любители и почитатели книги. Мы будем искренне рады, если в будущей библиотеке Уренгоя найдется место и для нашего скромного дара».

Мы получили книги также от сотрудников аптеки Сыктывкара, от общества книголюбов Георгиевска, от комитета ВЛКСМ Уфимского нефтяного института, от школы № 2, г. Электросталь, Московской обл., от школы № 5 Львова, от школы № 11 Йошкар-Олы, от школы № 12 г. Свердловска, Ворошиловградской обл., от школы села Средний Егорлык, Ростовской обл.

Благодарим за присланные книги читателей: москвичей Богомолова А., Бурмистрова В., Барашицу З., Черненко Т., Богоносова П. и Романенко М. из Московской обл., Бауэра А. из Калужской обл., Батурина В. из Тбилиси, Бурилова А. из Донецкой обл., Волкову Л. из Якутска, Величенко И. из Аджарской АССР, Гладаренко Т. из Норильска, Горюченко С. из Амурской обл., Дьячкова С. из Тольятти, Ермак А. из Киева, Заглобоцкого А. из Архангельской обл., Карачурина Ф. из Ленинградской обл., Ковешникова В. из Ворошиловградской обл., Ковева А. из Красноярска, Климова Н. из Нежина, Кондрусина А. из Клайпеды, Кириллова В. из Целинограда, Кислицына В. из Кирова, Кузнецова В. из Полтавы, Киселева В. из Череповца, Ларинова Т. и Трофименко А. из Харькова, Ларупова И. и Ларукова И. из Коми АССР, Лазарева А. из Краснодарского края, Ленинградцев Лебедева В., Петрова Н., Синицына Е., Чекренёва Ю., Манакон Ю. из Кировской обл., Мадыгина Н. и Трахтенберга В. из Йошкар-Олы, Мальцева М. из Куйбышева, семью Мельник из Симферополя, Пшеничного Е. из Винницкой обл., Приеде Г. из Риги, Поляченко Л. из Минска, Понарина О. из Бреста, Романенко В. из Свердловска, Рыбову М. из Волгоградской обл., Стремленко В. из Днепропетровска, Терентюк С. из Саратова, Унгер В. из Карагандинской обл., Фарьгу Л. из Мурманской обл., Чернявскую Л. из Кызыл-Ордынской обл.

Ждем ваших новых книг, товарищи! Напоминаем наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». Повторяем, литература может быть любой: художественной, политической, научной, учебной.

ОЛЬХОВАЯ СЕРЕЖКА

Стихи Евгения ЕВТУШЕНКО.
Музыка Евгения КРЫЛАНОВА.

Уронит ли ветер в ладони сережку ольховую,
Начнет ли кукушка сквозь крик поездов куковать,
Задумаюсь вновь и, как нанятый, жизнь истолковываю
И вновь прихожу к невозможности истолковать.

Припев:
Сережка ольховая легкая, будто пуховая,
Но сдунешь ее, все окажется в мире не так,
И, видимо, жизнь не такая уж вещь пустяковая,
Когда в ней ничто не похоже на просто пустяк.

Сережка ольховая выше любого пророчества.
Отстань от других, потихоньку ее разлومي.
Пусть нам не дано изменить все немедленно, как хочется,
Когда изменяемся мы, изменяется мир.

Припев.

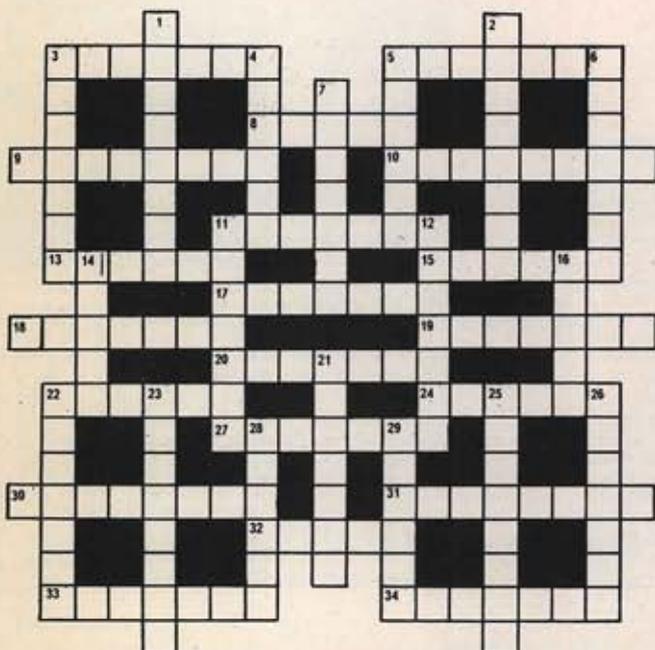
Яснеет душа, переменами незлобимая,
Друзей, не понявших и даже предавших, прости,
Прости и пойми, если даже разлюбит любимая,
Сережкой ольховой с ладони ее отпусти.

Припев.

ВОСБУЖДЕННО.

КРОССВОРД

Составил А. ТОРОПКОВ,
Буйнакск

По горизонтали:

3. Роман О. Гончара. 5. Сигнальное устройство. 8. Действующее лицо оперы Ю. Шапорина «Декабристы». 9. Один из Малых Антильских островов. 10. Судно с двигателем внутреннего сгорания. 11. Артиллерийское орудие. 13. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 15. Пролетарский писатель, основоположник революционной литературы США. 17. Вид графики. 18. Металл. 19. Итальянский композитор XIX века. 20. Город в Волгоградской области. 22. Абсолютная чемпионка мира по спортивной гимнастике. 24. Индийский порт на берегу Бенгальского залива. 27. Спутник планеты Нептун. 30. Украинский поэт, художник, революционный демократ. 31. Государство на Скандинавском полуострове. 32. Водное растение. 33. Ботаник, академик, Герой Социалистического Труда. 34. сторожевая собака.

По вертикали:

1. Персонаж «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. 2. Португальский мореплаватель XV—XVI веков. 3. Перила вдоль края моста. 4. Быстрый темп в музыке. 5. Неподвижная часть турбины. 6. Один из героев трилогии К. Федина. 7. Русский физико-химик, академик. 11. Порт в бухте Охотского моря. 12. Река на юго-востоке США. 14. Бразильский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 16. Лиственное дерево семейства ивовых. 21. Граненый каменный столб, памятник. 22. Обширное пространство суши, континент. 23. Промежуток, перерыв. 25. Земноводное, обитающее в лесах Центральной Америки. 26. Минеральное удобрение. 28. Советский космонавт. 29. Советское спортивное общество.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1

По горизонтали:

4. Гейбель. 7. Лесоводство. 10. «Рогнеда». 12. «Западня». 13. «Зенит». 17. Свифт. 19. Давыдов. 20. «Крушение». 21. Разведка. 22. Овсянка. 25. Анива. 26. Носка. 29. «Октябрь». 31. Ассорти. 34. Университет. 35. Антонов.

По вертикали:

1. Рекорд. 2. Обзор. 3. Плиска. 5. Песня. 6. Овчар. 8. Прянишников. 9. Ляпидевский. 11. Азов. 12. «Зонд». 13. Журна. 14. Тонна. 15. Одеон. 16. Увраж. 17. Сазан. 18. Такса. 23. Соль. 24. Нара. 27. Пяру. 28. Торец. 30. Ревень. 32. Свиток. 33. «Арион».

КОСОВСКИЕ РЕМЕСЛА

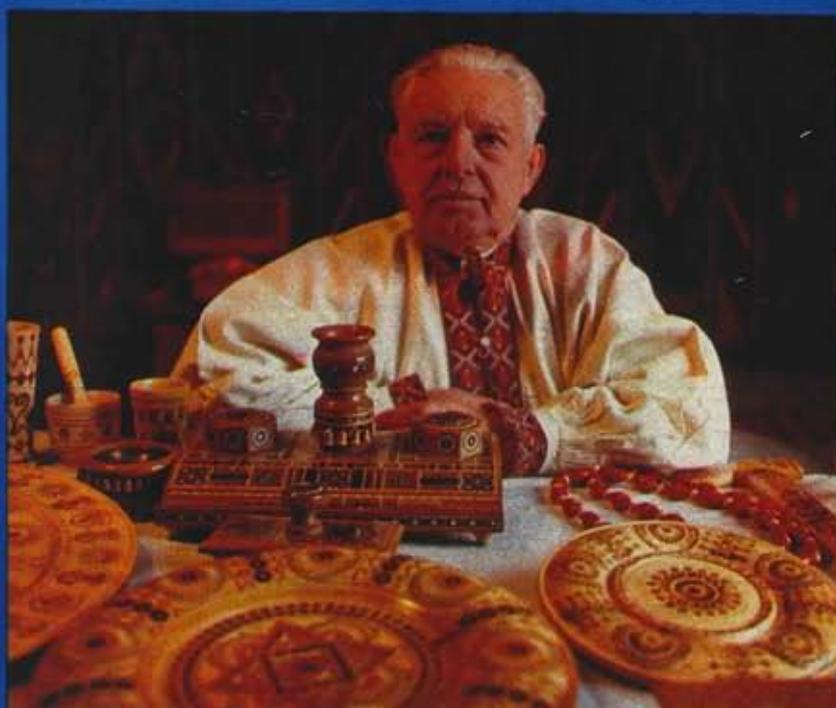
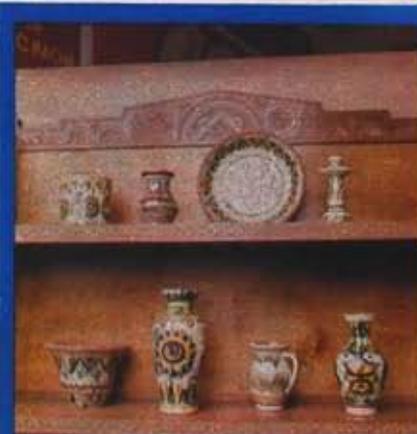
Давно и заслуженно известны изделия народных умельцев Прикарпатья. В гуцульском крае одинаково успешно развиваются и резьба по дереву, и керамика, и ковроткачество. Сейчас эти промыслы разбросаны по всей Гуцульщине, но центром, безусловно, является город Косов. Здесь находятся два предприятия: производственно-художественное объединение «Гуцульщина» и Косовские художественно-производственные мастерские.

ИЗДЕЛИЯ КОСОВСКИХ МАСТЕРОВ.

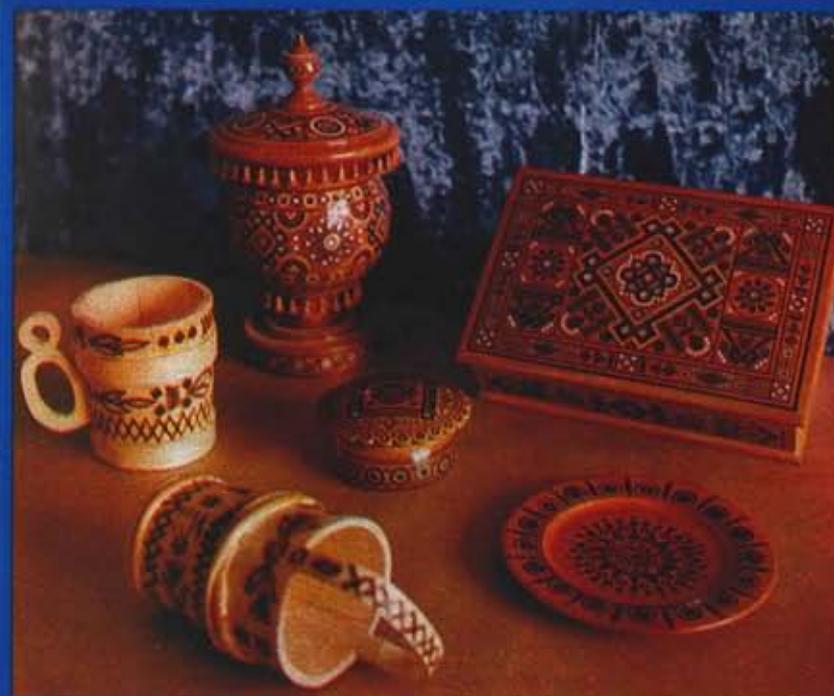
Изделия гуцульских мастеров хороши и бесконечно разнообразны. Тут и деревянные сувениры: тарелки, рюмки, характерные национальные топирики, шкатулки; красочная, радостная гуцульская керамика, которую мало-мальски знающий человек сразу отличит от любой другой по традиционному сочетанию трех цветов — светло-желтого, зеленого и коричневого. Чего только не делают гончары: кувшины и кувшинчики, вазы, горшки, блюда, подсвечники, печные изразцы — всего не перечислишь.

Во всех изделиях как-то исподволь, незаметно присутствует, передается красота Карпатских гор. Это ведь даже не горы в обычном нашем понимании, а скорее пологие холмы, на которых разбросаны одинокие домики, тянутся сетки тропинок. Такие же скромные, цветные, но не кричащие вещи выходят из рук мастеров.

Особенно это видно в ковроткачестве, и лучше всего, пожалуй, в знаменитых гуцульских лижниках. Лижник — ковер с большим ворсом. Когда-то он украшал стену, но постепенно стал служить покрывалом на кро-

РЕЗЧИК ПО ДЕРЕВУ Н. КИЩУК.

ватях, а теперь даже «сполз на пол», как говорят мастерицы-лижникарки.

Долго и трудно рождается такой лижник, но и долго радуется потом глаз. Делают его на специальных станках, но вот одна стадия изготовления особенно поразительна. Готовый ковер много часов моется, чтобы шерсть на нем уплотнилась, приобрела характерный пушистый вид (волокно к волоску) и чтобы как можно дольше потом не сваливалась. Очень любопытен этот процесс. На горной речушке устроено сооружение, отдаленно напоминающее водяную мельницу. Вода падает в специальную камеру, бурлит и клокочет там. И в этом «корыте» мечутся и сверкают всеми красками три-четыре лижника. Потом они сохнут на заборах вокруг мельницы. Красочные, радужные стоят заборы...

РИСОВАЛЬЩИЦА ПО КЕРАМИКЕ Н. БАРАНЮК.

ТАК РОЖДАЕТСЯ КОВЕР.

НА ЗАНЯТИЯХ ЖИВОПИСИ В ТЕХНИКУМЕ.

Что греха таить, некоторые ремесла в стране отмирают, ибо заняты ими только старики, а значит, у такого ремесла нет будущего. Совсем не то в Косове. И сыновья и внуки охотно перенимают дело старшего поколения. Есть даже специальный Косовский техникум народно-художественных промыслов имени В. Касияна, выпускающий ежегодно десятки будущих мастеров.

Значит, косовским ремеслам суждена долгая творческая жизнь.

Вадим ОПАЛИН